

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№1 • Том 65 • 2024 • ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Наумов Н.Н. Отношение к греховности в гуситской и анти-гуситской идеологии первой трети XV в.	3
Андронов И.Е. Политические и философские идеи Винченцо Джоберти (1801–1852)	26
Леонтьев Я.В. Политическая биография Якова Брауна (1889–1937)	41
Сунь Ичжи, Гузей Я.С. Модернизация транспортной инфраструктуры Китайско-Восточной железной дороги: создание почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской ветви на рубеже XIX–XX вв.	70
Суслопарова Е.А. Женское лейбористское движение в Великобритании в межвоенный период.	86
Абрамова Н.Г., Голиков А.Г. Творческое наследие академика И.Д. Ковальченко (к 100-летию со дня рождения ученого)	107
Барыкина И.Е. Изучение истории личной библиотеки: к постановке проблемы	123
Львова Э.С. Антропология и религиоведение: взаимосвязь «народных» верований и мировых религий вчера и сегодня (на примере народов Африки южнее Сахары)	135
Гаврилюк С.М., Шепко Л.Г. Городское пространство и архитектура как исторический источник в зарубежном антиковедении начала XXI в.	161
Васильева В.В. Диалог текста и образа в шести живописных иллюстрациях Юло Соостера для издания «Наука и человечество» (1962)	188

CONTENTS

Naumov N.N. The Attitude towards Sinfulness in the Hussite and Anti-Hussite Ideology in the First Third of the 15th Century.....	3
Andronov I.E. Political and Philosophical Ideas of Vincenzo Gioberti (1801–1852)	26
Leontiev Ya.V. Jacob Brown's Political Biography (1889–1937).....	41
Sun Yizhi, Guzei Ia.S. Modernization of Transport Infrastructure on the Chinese Eastern Railway: Establishment of the Postal and Telegraph System along the Kaidalovskaya Line at the Turn of the 19th and 20th Centuries.....	70
Susloparova E.A. The Women's Labour Movement in Great Britain in the Interwar Period	86
Abramova N.G., Golikov A.G. The Creative Legacy of Academy Full Member I.D. Kovalchenko (to the 100th Anniversary of the His Birth).....	107
Bar'ykina I.E. Studying the History of the Personal Library: a Contribution to the Problem Statement.....	123
Lvova E.S. Anthropology and Religious Studies: the Interconnection of "Folk" Beliefs and World Religions Yesterday and Today (Using the Example of the Peoples of Sub-Saharan Africa).....	135
Gavrilyuk S.M., Shepko L.G. Urban Space and Architecture as a Historical Source in Foreign Classical Studies at the Early 21st Century.....	161
Vasileva V.V. Dialogue between Text and Image in Six Pictorial Illustrations by Yulo Sooster for the Science and Humankind Edition, 1962	188

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-3-25

Н.Н. Наумов

**ОТНОШЕНИЕ К ГРЕХОВНОСТИ
В ГУСИТСКОЙ И АНТИГУСИТСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.**

N.N. Naumov

**THE ATTITUDE TOWARDS SINFULNESS
IN THE HUSSITE AND ANTI-HUSSITE IDEOLOGY
IN THE FIRST THIRD OF THE 15th CENTURY**

Аннотация. Целью статьи является верификация дихотомии «гусит» vs «католик» на примере восприятия греховности гуситами (чешскими уtrakвистами) и их военно-политическими противниками — традиционными католиками. Предмет исследования — особенное восприятие греха как отличительная черта гуситской идеологии в сравнении с антигуситской. В качестве источников были использованы: богословско-полемические сочинения гуситов (Яна Желивского, Микулаша из Пелгржимова, Петра Хельчицкого) и их идейного предшественника Яна Гуса, а также гуситская программа Четырех Пражских статей в ее вариантах, которых придерживались радикалы-табориты и более умеренные пражские гуситы; богословская критика со стороны традиционных католиков (Фердинанд Луккский, Жиль Шарли); иные источники, которые воссоздают нормы и представления, бытовавшие у традиционных католиков в XV в., в первую очередь венгров. В итоге были сформулированы две черты восприятия греховности в гуситской идеологии: грех — это социальное преступление; все люди равны перед грехом, а потому грех правителя — основание для неповиновения ему, в том числе вооруженного. Было установлено, что в рассматриваемом аспекте дихотомия «гусит» vs «католик» прослеживается лишь частично. Так, католик Жиль Шарли рассматривает в качестве социального преступления лишь тот грех, который напрямую вредит го-

Наумов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Naumov Nikolay Nikolayevich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Department of Southern and Western Slavic History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

сударству и обществу (кража, убийство и т.п.), не считая «простой блуд» таким преступлением. Блуд у католических противников гуситов — венгров XV в. — продолжал считаться пресекаемым социальным преступлением в соответствии с законами Иштвана Святого (997–1038). Жиль Шарли требует терпимости по отношению к грехам монархов и влиятельных людей во избежание тяжелых смут. В Венгерском королевстве XV в. сохранялось законное право сословий на сопротивление монарху в случае, если он нарушает Золотую буллу 1222 г. Вывод о сходствах между воззрениями гуситов и их противников делается впервые в историографии, при том что еще Р. Новотный указал на схожесть сословного устройства Венгерского и Чешского королевств.

Ключевые слова: Гуситские войны, богемские утраквисты, традиционные католики, Четыре Пражские статьи, законы Иштвана Святого, понятие греха.

Abstract. The aim of this article is to examine the dichotomy between “Hussite” and “Catholic” through the lens of how sinfulness was perceived by the Hussites (Czech Utraquists) and their military and political Catholic opponents. The study focuses on the unique perception of sinfulness as a distinctive feature of Hussite ideology compared to anti-Hussite views. The sources used include theological and polemical writings of Hussites such as Jan Želivský, Mikuláš of Pelhřimov, and Petr Helčický, as well as their ideological predecessor Jan Hus. Additionally, the study examines the Hussite program known as the “Four Articles of Prague” in its various forms, which were supported by both the radical Taborites and the more moderate Prague Hussites. Traditional Catholic theological criticism, notably from figures like Ferdinand of Lucca and Gilles Charlier, and other sources reconstructing fifteenth-century Catholic norms and perceptions, particularly in Hungary, are also considered. The analysis identifies two key features of the perception of sinfulness in Hussite ideology: sin as a social offense, and the belief that all people are equal in front of sin, implying that a ruler’s sin justifies disobedience, including armed resistance. The author concludes that the dichotomy between “Hussite” and “Catholic” is only partially evident in this context. Gilles Charlier, a Catholic theologian, considered only those sins that directly harmed the state and society (e.g., theft, murder) as social crimes, while he did not classify “simple fornication” as such a crime. In contrast, fornication among the Catholic opponents of the Hussites, particularly in fifteenth-century Hungary, continued to be regarded as a suppressible social offense under the laws established by Saint Stephen (997–1038). Charlier advocated for tolerance towards the sins of monarchs and influential individuals to avoid severe unrest. The Hungarian kingdom in the fifteenth century retained the legal right for the estates to resist the monarch if he violated the Golden Bull of 1222. This conclusion, highlighting the similarities between the views of the Hussites and their opponents, is unprecedented in historiography. While R. Novotný noted the similarity between the estates of the Hungarian and Czech kingdoms, the recognition of these ideological parallels is a new contribution.

Keywords: Hussite Wars, Bohemian Utraquists, traditional Catholics, the Four Articles of Prague, Saint Stephen’s Laws, concept of sin.

Данное исследование предпринято в рамках решения более масштабной задачи комплексного сопоставления политических идеологий гуситов и их противников — традиционных католиков. Ее актуальность обусловлена крайней устойчивостью бескомпромиссной дихотомии «гусит» vs. «католик», которая была сгенерирована историографией: та справедливо подчеркивала социально-политическую значимость конфессионального раскола XVI–XVII вв., но невольно проецировала его и на предшествующую эпоху Гуситских войн, для которой понятие «раздвоенной нации» представляется не вполне релевантным. Ф. Палацкий соглашался со своим оппонентом К.Ф. Хёфлером в том, что «католицизм и чехизм как таковой являются противоположностями», в то время как носителями «чехославянской идеи» для Палацкого были как раз гуситы: тем самым исключалось, что между обоими лагерями — гуситским и католическим, реформационным и реакционным — может быть хоть что-то общее¹. Вслед за творческими импульсами Р. Каливоды и Ф. Зайбта автор данной статьи исходит из того, что гуситская революция и ее идеология носили синтетический характер, возникнув не вне и не вопреки, но в рамках латинской культурной традиции².

В статье сопоставляется отношение гуситов и традиционных католиков к феномену человеческой греховности, что предполагает обращение к ее теоретико-концептуальному пониманию в рамках гуситской и антигуситской идеологии, а также к соответствующим программно-политическим решениям, предлагавшимся сторонами конфликта. В последние десятилетия «культурный поворот» (англ. *cultural turn*) затронул и чешскую гуситологию, однако появилось лишь одно религиозно-этическое исследование схожей тематики — «Сохранить людей от грехов. Этика в теологии магистра Яна Гуса» Д. Опатрного (2018). Не имея возможности ознакомиться с этой книгой в оригинале, процитирую по рецензии Б. Зильнской вывод ее автора, который считаю особенно важным: «Исходная точка изложения — это вопрос, почему должно добиваться блага и что благо такое. Ответ Гуса следует традиции Учителей Церкви, а особенно — Петра Ломбарда. Основным понятием для него является Закон (естественный, Христов и человеческий). Христов Закон, являющий-

¹ *Palacký Fr.* Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler. Kritische Studien. Prag, 1868. S. 161–162.

² *Seibt F.* Hussitenzeit als Kulturepoche // *Historische Zeitschrift*. Jg. 195. 1962. S. 28. О влиянии вальденской ереси на генезис «сельско-плебейского гуситизма» см.: *Kalivoda R.* Husitská ideologie. Praha, 1961. S. 263–264, 296; *Idem.* Husitské myšlení. Praha, 1997. S. 143–145, 163.

ся Правдой, доступен в Писании и представляет для Гуса высший нравственный императив. Он содержит ряд заповедей, т.е. приказов, запретов и установлений, которые христианин должен соблюдать, чтобы поступать хорошо, т.е. нравственно, чтобы воплотить человеческое достоинство, которое подобает **человеку как Божьему образу** (здесь и далее выделено мной. — Н.Н.)»³. С выделенной мыслью я готов аргументированно согласиться. Ее иллюстрируют следующие слова Гуса из его проповеди на 18-е воскресенье после Троицы: «И теперь ты понимаешь, как пребывают в душе разум, воля и память, эти три вещи, через которые человек является образом Святой Троицы; и если он любит Бога мудро, добровольно и памятно, как велит Христос, тогда является образом, похожим на Бога, Который — Святая Троица. Но если не любит так, тогда он — образ Божий, но не похожий на Святую Троицу, как если бы был какой-либо портрет короля, но пока не похожий на него — до той поры, пока не будет приведен в порядок, чтобы лицом был, как король»⁴. Тем самым получается, что из двух полярностей индивидуального христианского самовосприятия (христианин-праведник vs христианин-грешник) Гус акцентирует первую: грех — это лишь нехватка любви к Богу в индивидуе (а не какое-то злое начало, онтологически самостоятельное). Грех — это вещь *противоестественная*, а грешник является не более, чем ошибившимся человеком, ждущим своего исправления, неправильным изображением Господа, по Чьему подобию замыслен каждый из смертных.

Грех как социальное преступление. Даже сталкиваясь с грехом каждодневно в качестве священника, Гус не мог признать грех чем-то нормальным, допустимым. В его понимании от грехов христианам следует бежать, прогонять их добрыми мыслями и бояться, «чтобы в пропасть вечную не упасть, но быть вытянутыми из пропасти грехов и горла дьявола»⁵. Подобный императив всеобщей обязательной

³ Zilýnská B. Recenze na: Opatrný D. Zachránit lidi od hříchů. Etika v teologii mistra Jana Husa. Jihlava, 2018 // Acta universitatis Carolinae. Historia universitatis Carolinae Pragensis. T. LIX. Fasc. 1. 2019. S. 194.

⁴ «Aj teď máš, kterak rozum, vůle a paměť, ty tři věci, jsú v duši, jimíž člověk jest obraz Trojice svaté; a když tak miluje boha múdrě, vólně a pametlivě, jakož Kristus velí, tehdy jest obraz podobný k bohu, jenž jest Trojice svatá. Ale když nemiluje tak, tehdy jest obraz boží, ale nepodobný k Trojici svaté: jako některý obraz bude králův, ale ještě nepodobný k němu, dokud nebude způsoben, aby v tváři byl jako on». — Místra Jana Husi sebrané spisy české / Vyd. K.J. Erben. D. 2. Praha, 1866. S. 371.

⁵ Цитата из трактата Яна Гуса под названием «Трехисточничий шнурок из веры, любви, надежды, за который должен держаться каждый христианин, который хочет прийти к вечной славе»: «aby do propasti věčné neupadli, ale aby z hřichuov a z hrdla ďáblova vytaženi byli». — Místra Jana Husi sebrané spisy české / Vyd. K.J. Erben. D. 3. Praha, 1868. S. 152. Ср. следующие слова из его изложения «Семи смертных грехов»:

праведности, равно как и представления о противоестественности и недопустимости греха являются составными элементами в рамках основной гуситской программы — Пражских статей 1420 г. Первоначальная формулировка Четвертой статьи, предложенная магистрами Пражского университета во главе с Якоубеком из Стржибра, гласит: «В-четвертых, чтобы все смертные грехи, особенно явные, и прочие непорядки, противные Божьему закону, разумным образом пресекались и искоренялись **в каждом сословии** теми, кто имеет для этого должность, чтобы дурная и неправдивая молва была смыта, **и чтобы отсюда получилось общее благо для Чешского королевства и народа**». Далее перечислялись «злодейства и грехи, которых **каждый верный христианин обязан ненавидеть как их отца дьявола**, противостоять им, обличать и уничтожать их — каждый в соответствии со своим призванием»⁶. Выделенные слова подчеркивают социальный характер греха: с одной стороны, грех — это проступок не только перед Богом, но и перед обществом, которое исповедует Его Закон; с другой — забота о недопущении и пресечении грехов осуществляется государством и обществом через должностных лиц.

Еще до того, как в 1420 г. в Праге был провозглашен текст Четырех статей, тамошний проповедник-гусит Ян Желивский заявил своим прихожанам: «Удивительно, что Господь предписал милосердие, а Сам позволил Своим быть среди злых. Но это Он делает для их же блага, поскольку так Он исправляет Своих по грехам тех злых. Поэтому такая милость полезнее: исправлять по грехам. “Исправь брата твоего между тобою и им одним” (Мф. 18: 15). “Если согрешил против тебя брат твой, упрекни его. И если покается, прости

«Поскольку есть некоторые грехи, от которых **следует бежать**: но от этого греха (тоски во время молитвы. — *Н.Н.*) не должно никогда бежать; потому что как только человек побежал бы от молитвы, тотчас был бы побежден дьяволом». Оригинал: «Neb někteří jsú hříchové, před kterýmižto **sluší běžeti**; ale proti tomuto nesluší nikdy běžeti: neb jakž by pro tesknost poběhl z modlitby, i hned by byl od ďábla přemožen». — Ibid. S. 184. Под бегством от греха Гус понимает устранение самой мысли о нем, как например в случае с похотью, клеймя в таком качестве не только половой акт, но и прижимание к кому-либо, поцелуи, ласки: «И поскольку этого греха никто не может преодолеть, то сколько бы раз это ни пришло на мысль, **ты тотчас должен отогнать от себя этот грех доброй мыслью**, чтобы в нем не возлюбил себя — и будешь поступать хорошо». Оригинал: «A protož toho hřichu nemuož nižádný přemoci, jedné kolikrát kolivěk na mysl vpadne, **ihned jiným dobrým myšlením máš jej od sebe zahrnati**, tak aby se v něm neochal, a budeš dobře činiti». — Ibid. S. 190.

⁶ «Čtvrté, aby všichni hřiechowé smrtedlní a zvláště zjewní a jiní neřadowé zákonu božiemu odporní řádem a rozumně od těch, jenž úřad k tomu mají, w každém stawu byli stawowáni a kažení, a zlá a křiwá powěst aby wycišćena byla, a tak aby se obecne dobré dálo králowstwí a jazyku Českému... a wšecky takowé jiné zlosti a hřiechy, kterážto každý wěrný křestan powinen jest jako ďábla otce jich nenáwiděti a jim se protiwiiti a je tupiti a kaziti, každý podle powoláně swého». — Archiv český, čili staré pisemné památky české a morawské / Wydal F. Palacký. D. 3. Praha, 1844. S. 215–216.

ему” (Лк. 17: 3). “Уличай, моли, упрекай во всяческом терпении и поучении” (2-е Тим. 4:2)»⁷. Даже на первый взгляд однозначные слова Христа «Не судите и не судимы будете» Желивский склонен толковать не как запрет, но напротив — призыв к поучению и исправлению ближнего: «Таким был суд Господень и его преемников — **исправлять явственные пороки и грехи**. Этого Констанцкий собор не сделал, но сделал Ян Гус, прибывший в Констанц. О, сколь страшному дерзновению предались они и о Господе Иисусе, который сказал: “Я не сужу никого, а если сужу Я, то суд Мой истинен, ибо Я не Один” (Ин. 8:15-16). И еще: “И суд Мой справедлив, ибо я не ищу Моей воли, но воли Того, Кто послал меня” (Ин. 5:30), т.е. Отца. “Кто хочет судить, тот обретет мщение от Господа и, послужив, послужит грехам того человека” (Сир. 28:1)»⁸. Выделенные слова — смысл Четвертой Пражской статьи, высказанный предельно емко. Тем самым, в «исправлении» своего ближнего пражский проповедник-радикал Ян Желивский явно видит подражание Христу.

Особый вопрос — разница между пражской (умеренной) формулировкой Четвертой статьи и теми толкованиями, которые предлагали радикалы-табориты. Ф. Хайманн утверждает, что процитированная выше статья возникла по инициативе таборитов, при том что оговорка (грехи искореняются «теми, кто имеет для этого должность») была добавлена магистрами Пражского университета⁹. «В Таборском братстве поначалу никакие нормы не имели силы, и каждый должен был карать смертельные грехи “так сильно, как может”», — заключает Ф. Шмагель¹⁰. Он процитировал текст грамоты о перемирии, которое заключили гетманы Табора (Ян Жижка из Троцнова, Збынек из Бухова, Хвал Ржепицкий из Маховиц) и Писецкая община с паном Олдржихом из Рожмберка, который по-

⁷ «Mirabile est, quod Dominus precipit misericordiam et solus permittit suos in medio malorum. Sed hoc facit propter melius eorum, quia corigit sic suos propter peccata eorum. Quia ista misericordia est utilis: corrigere propter excessus. Mat. 18, <15>: “Corrige fratrem tuum inter teipsum solum”. Luce 17, <3>: “Si peccaverit in te frater tuus, increpa illum. Et si penitentiam erexit, dimitte illi”. <2> Thimo. 4o, <2b>: “Argue, obsecra, increpa in omni patientia et doctrina”. — *Želivský J.* Dochovaná kázání z roku 1419 / Vyd. A. Molnár. Praha, 1953. S. 238.

⁸ «Hoc fuit iudicium Domini et suorum successorum, corrigere vicia et peccata certa. Hoc concilium Constanciense non fecit, sed sanctus Ioh(annes) Huss fecit, veniens Constanciam. O, quam in magnam presumptionem se dederunt et ultra Dominum Iesum, qui dixit Ioh. 8 <15–16>: “Ego non iudico quemquam, et si iudico ego, iudicium meum verum est, quia solus non sum”. Et infra <5, 30>: “Et iudicium meum iustum est, quia non quero voluntatem meam, sed voluntatem eius, qui misit me”, Patris. Eccli 28, <1>: “Qui iudicari vult, a Domino inveniet vindictam, et peccata illius servans servabit”». — Ibid. S. 240.

⁹ *Heymann F.* John Žižka and the Hussite Revolution. New York, 1969. S. 154–156.

¹⁰ *Šmahel F.* Husitská revoluce. D. 2. Praha, 1993. S. 112.

обещал соблюдать в том числе следующее условие: «в-четвертых, чтобы смертные грехи во всех имениях своих пресекал так сильно, как может»¹¹. Тем самым мы видим: в качестве «искоренителя» выступает только сам пан из Рожмберка, т.е. носитель власти (а не крестьяне, которые ему подчинены). Важнейшим для понимания логики таборитов я считаю открытие, сделанное Й. Пекаржем: табориты вовсе не были «демократами» и «борцами с феодализмом», но признавали чисто сословное деление на королевские и панские города, господствуя над последними¹². Поэтому разумно предположить: право на искоренение грехов табориты признавали за теми, кто в тогдашнем обществе был признан в качестве носителя власти, т.е. сословий в политико-правовом смысле этого слова: в том числе — *за собой как политической общиной* и за своим неприятелем, чешским паном из Рожмберка. Наиболее ясно это выражено в «Воинском уставе» Яна Жижки из Троцнова, одного из гетманов Табора: «В-четвертых, чтобы мы пресекли, уничтожили и искоренили грехи смертные и вообще все сначала в самих себе, а потом в королях, в князьях, в панах, в горожанам, в ремесленниках, в работающих людях, во всех людях мужского и женского пола и возраста, не исключая никого, ни старых, ни молодых, и во всякое время с помощью всемогущего Господа Бога»¹³. В свою очередь, старочешский термин *úřad* был гораздо многозначнее, чем то слово (англ. *office*), которым его передает Ф. Хайманн: не только «должность», но также «задача», «призвание»¹⁴. Обратимся к средневерхненемецкой версии Четырех статей, составленной в Праге для маркграфов Мейсенских: там говорится, что грехи должны искореняться «должностными лицами, которые обязаны к этому по закону Иисуса Христа»¹⁵. Здесь подразумевается не конкретная должность «искоренителя грехов»,

¹¹ «čtvrté, hříechy smrtedlné na všem zboží stawowal což můž nejdál». — Archiv český... D. 3. S. 280.

¹² Речь идет о Прахатицах и Гораждёвицах (захвачены у пробста Вышеградского и пана из Градце), которые в грамоте от 11 июня 1422 г. названы «общинами, которые добровольно подчиняются нам, ко мне (т.е. Жижке. — Н.Н.), Хвалу и Буховцу и нам себя вверили» — в противоположность королевским городам Домажлицы, Клатовы, Сушицы и Писек — «братьям Таборским». — *Pekář J. Žižka a jeho doba*. D. 3. Praha, 1930. S. 160–161.

¹³ «Čtvrté, abychme sami na sobě napřed i v sobě hříechy smrtedlné i všední stawovali, rušili a kazili; potom na králích, na knížatech i na páních, na měšťanech, na řemeslnících, na robotězích i na všech lidech mužského i ženského pohlaví a pokolení, žádných osob nevymíňující, starých ani mladých, a vždy s pomocí Pána Boha všemohúcího». — *Toman H. Žižkův duch, povaha a listy / Upravil F.M. Bartoš*. Praha, 1924. S. 75.

¹⁴ *Malý staročeský slovník / Vyd. J. Bělič, A. Kamiš, K. Kučera*. Praha, 1979. S. 543.

¹⁵ «von den amptleuten, die dar zuo verbunden sein aus dem gesetz Jhesu Christi». — *Bartoš F.M. Manifesty města Prahy z doby husitské*. Praha, 1932. S. 277.

но в новозаветном смысле (Римл. 13:4) — все власти предержавшие, к которым принадлежит как духовенство, так и знатные люди (каждый в пределах своей власти и собственности). Тем самым, разница между пражской формулировкой 1420 г. и таборитскими вариантами на самом деле не была столь существенна.

Отрицался ли социальный характер греха противниками гуситов — традиционными католиками? В этом вопросе существовали разные позиции. В июле 1420 г. епископ Луккский Фердинанд целиком согласился с Четвертой Пражской статьей, отметив: «В-четвертых, похвально, что вы настаиваете на очищении и пресечении всех смертных грехов, ведь каждый обязан заботиться об этом как в себе, так и в ближнем. Вы же обязаны очистить позор на народе и королевстве Богемии — но тем образом, чтобы те, кто заражён ошибками или защищает ереси, отказались от них и воссоединились с Церковью; дабы противоборствуя своему королю и природному господину не учинить преступление и позор оскорблённого величия в придачу к позору ереси»¹⁶. Очевидно, что для Фердинанда гуситская ересь, сопровождающаяся неповиновением Сигизмунду Люксембургскому, — это не только грех, но и политическое преступление, общественно недопустимое. С похожей позицией выступает второй католический критик Четвертой статьи — магистр теологии Парижского университета Жиль Шарли, который на Базельском соборе оппонировал епископу таборитов Микулашу из Пелгржимова, защищавшему Четвёртую статью. Если второй причислил ко смертным грехам даже игры в кости и танцы, то первый возражает, заявляя: «Простой же блуд, или простой разврат, если быть точным, — может быть и является смертным грехом и оскорблением Божественного Величия, однако закон его терпит. Поскольку из-за него общество не потрясается, а множеству толп, преданному играм, сластям и удовольствиям, нелегко воздерживаться. Ведь сказал Иероним в письме к Океану: бурлящий живот легко успокаивается в удовольствиях... И Августин о том же грехе говорит, в книге «О Порядке», которую перелагает Фома: “Удали проститутку от человеческих дел, и ты приведёшь всё в беспорядок от возжеланий”. О терпимости иудеев написано в 58-м псалме: “Господь внушил

¹⁶ «Quartum laudabile est, cum pro expurgatione et desistentia insistitis omnium publicorum peccatorum mortalium; nam quilibet et in se et in proximo hoc curare tenetur. Tenemini quoque ad expurgationem infamiae linguae et regni Bohemiae: sed hoc modo, ut illi, qui si sint infecti erroribus aut haereses defendunt, desistant ab eis, et reconcilientur ecclesiae non autem ut opponendo se aut eciam rebellando regi et domino suo naturali ultra infamiam haeresis, crimen et infamiam laesae majestatis incurrant». — Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký. Bd. 1. Prag, 1873. S. 35.

мне о врагах моих: не убивай их”. Хоть они и злы»¹⁷. Однако Шарли отдельно отмечает те грехи, которые для него являются социально недопустимыми (т.е. преступлением): «кражи, убийства, измены и проч., что потрясает общество и от чего большинство легко может воздержаться, запрещает закон гражданский и человеческий»¹⁸. Следуя его логике, очевидно: к общественно нетерпимым грехам подобного рода Шарли вслед за Фердинандом Луккским отнес бы и ересь.

Думается, дело не только в формальной критерии, вредит ли тот или иной грех политическому строю. Неслучайно, что в своем риторическом выступлении Шарли предпринял следующее умозаключение:

1) рассуждение богемских ораторов против грехов подобно огню, а огонь при контакте с чужой материей опалает и трещит: так и «ревнование против грехов буйно и беспокойно» (явный намек на обусловленность гуситских волнений и войн страстной неприимиримостью гуситов по отношению к человеческой греховности. — *Н.Н.*)¹⁹;

2) «так как огонь в собственной материи — уже не огонь-пламя, но огонь-свет, который не опалает, но светит, не колеблем, но спокоен, то ревнование — после того, как грехи сожжены — светящим является, поскольку пребывает в умеренности, не обжигает, не труждается, но возрастает в жаре, о чем пророк в 38-м псалме поет: “В мыслях моих разгорелся огонь” (38-й псалом Давида — покаянный, начинающийся со слов: «я сказал: буду охранять пути мои, дабы не провиниться в языке моем». — *Н.Н.*)»²⁰;

3) комментарий на Лк. 12:49: «Огонь пришел Я принести на землю, и чего бы Я желал, кроме как, чтобы он запылал?»²¹. Огонь послан на землю, поскольку по Писанию Бог — Огонь Пожирающий,

¹⁷ «Simplicem autem fornicationem, aut simplex meretricium, si fiat vis in verbo, licet sit peccatum mortale, et divinae majestatis offensivum tolerat. Nam per ipsum non turbatur politia; nec plebium multitudinem lusibus, deliciis et voluptatibus deditam facile est abstinere. Dicit enim Hieronymus in epistola ad Oceanum: Venter mero aestuans cito despumat in libidines... Item Augustinus de hoc peccato loquens, lib. de ordine, ut Thomas refert, ait: Aufer meretrices de rebus humanis, turbaveris omnia in libidinibus. Item de tolerantia Judaeorum scriptum est Psalm. LVIII. Dominus ostendit mihi super inimicos meos, ne occidas eos. Et tamen sunt mali». — Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. J.D. Mansi. T. 29. Venetiis, 1788. P. 875–876.

¹⁸ «Unde furta, homicidia, adulteria etc. quae conturbant politiam et a quibus multitudo faciliter abstinere potest, humana et civilis lex prohibet». — Ibid.

¹⁹ «in peccata zelus... turpidus est et inquietus». — Ibid. P. 869.

²⁰ «Et sicut ignis in propria materia jam non ignis, carbo aut ignis flamma, sed ignis lux est non urens, sed lucens, non agitata, sed quieta: ita cum zelus exustus peccatis in meditatione permanet, lucidus est, non urit, non laborat, sed tamen in ardore crescit, de quo Propheta in Psalmo 38. In meditatione mea exardescet ignis». — Ibid. P. 869–870.

²¹ «Ignem veni mittere in terram et quid volo nisi ut ardeat?». — Ibid.

Ревнитель, Который являлся в пылающем терновнике, в столпе огненном. «Свет Израиля будет в огне, и Святой его — в пламени», — цитирует Шарли слова пророка (Ис. 10:17), опуская их общеизвестное продолжение: «...и подожгутся, и пожраны будут шипы и терны его (т.е. грехи. — *Н.Н.*) в один день»²².

И тут Шарли формулирует от своего имени молитву, в которой ясно выражает то важнейшее, на что в предшествующих рассуждениях лишь косвенно намекал: «Молю, Господи! Да воссияет огонь сей в сердце моем, дабы открылись очи мои и я созерцал чудеса Закона Твоего, да пылает он **для пожрания грехов**, чтобы я произнес глаголы огненные, и да будет речь моя, словно лучина горящая, чтобы тот горшок сердца, подожженный досточтимым аргументатором (т.е. Микулашем из Пелгржимова. — *Н.Н.*) сверх той меры, в какой должно, я не привёл ни к буйству, ни к угасанию, но да умерит жар сердец окропление водой умеренности»²³. Тем самым Шарли подчеркивает: Бог испепеляет грехи! Поэтому грех оказывается не столь страшным, даже до определенной степени допустимым злом — социально приемлемым явлением. В гуситской теологии дело обстоит принципиально иначе. В той речи, которая предшествовала ответу Шарли, Микулаш из Пелгржимова воспроизвел те места из Священного Писания, которые манифестируют погибельность (утрату бессмертия души), причиняемую грехом:

1) «Грех, если совершен, рождает смерть» (Ик. 1:15), поскольку лишает душу жизни милости, о которой — Иезекииль: “Живу Я!, — говорит Господь — не желаю смерти грешника”» (Иез. 18:3, 32)²⁴;

2) «Есть грех к смерти. Не для того говорю, чтобы кто-либо молился (за того, кто подобный грех совершает. — *Н.Н.*)» (1-е Ин. 5:16)²⁵;

3) «Ведь нам прегрешающим добровольно после того, как мы приняли известие Истины, уже не остается жертва за грехи...» (Евр. 10:26; страшное продолжение этих апостольских слов Микулаш решил опустить, но без сомнения всем оно было известно — «... но

²² «Erit lumen Israel in igne, et sanctus in flamma ignis». — Ibid.

²³ «luceat ignis iste obsecro domine in corde meo, ut revelentur oculi mei, et considerem mirabilia de lege tua, ardeat ad consumptionem peccatorum, ut verba ignea proferam et sit sermo meus ut facula ardens, ut illo ollam cordis per venerabilem proponentem supra modum, quantum in se fuit, succensam, nec furere faciam, nec exstinguam, sed aspersio aquae moderationis fervorem cordium in correctione temperet». — Ibid.

²⁴ «“Peccatum, cum consumatum est, generat mortem”, quia privat animam vita gratie, de qua Ezech XVIII 3,32: “Vivo ego, dicit dominus, nolo mortem peccatoris”». — Orationes, quibus Nicolaus de Pelhřimov, Taboritarum episcopus et Ulricus de Znojmo, orphanorum sacerdos, articulos de peccatis puniendis et de libertate verbi Dei in concilio Basiliensi anno 1433 ineunte defenderunt / Ed. F.M. Bartoš. Tábör, 1935. P. 3.

²⁵ «“Est peccatum ad mortem. Non pro illo dico, quod roget quis”». — Ibid.

некое ужасающее ожидание суда и ярость огня, которая готова пожрать противников»)²⁶;

4) «Невозможно тех, кто единожды был просвещен и даже вкусил небесный дар, и сделался причастником Духа Святого, вкушал благое Слово Божие и добродетели будущего века — и оступился, вновь возвращать к покаянию...» (Евр. 6:4–6; опять наиболее сильные слова Павла Микулаш не озвучил — «... снова распинающих сами собой Сына Божьего и на поругание выставляющих»)²⁷.

Тем самым в восприятии греха как такового в гуситской и антигуситской полемике усматривается исходная разница акцентов — либо на губительном воздействии греха (позиция гуситов, считающих, что грешников быть не должно), либо же на неспособности греха противостоять Спасителю, Который искупил грехи и пожирает их, словно огонь. Возможно, здесь Шарли подразумевает «сожжение» грехов в момент таинства Причастия — при том что к гуситской ехаристии не допускались те, кто совершил смертный грех.

Тем не менее, два примера позволяют усомниться в однозначности складывающейся дихотомии. Первый — это законы первого короля венгров Иштвана Святого (997–1038), которые продолжали бытовать в Венгерском королевстве XV в. Создание Венского или Будайского кодекса в 1406 г. по приказу господина магистра Яноша из Буды, каноника Эстергомской церкви и архидьякона Борши однозначно свидетельствует о том, что об этих законах и через 400 лет продолжали помнить²⁸. В 1386 г. Сигизмунд Люксембургский в преддверии своей венгерской коронации дал торжественное обещание сохранить своих венгерских вассалов «во всех их свободах и добрых обычаях, на которые те полагаются и которыми пользуются со времени святых королей (т.е. Иштвана Святого и его внучатого племянника Ласло I. — *Н.Н.*)»²⁹. В свою очередь, Андраш II в 1222 г., Людовик Анжуйский в 1351 г., Матяш Корвин в 1471 г. купно подтверждали действенную силу законов Иштвана, именуя их именно термином «свобода» (лат. *libertas*)³⁰.

²⁶ «Voluntarie enim peccantibus nobis post acceptam noticiam veritatis iam non relinquitur hostia pro peccatis». — Ibid.

²⁷ «Impossibile est eos, qui semel sunt illuminati et gustaverunt eciam donum celeste et participes facti sunt spiritus sancti, gustaverunt nichilominus bonum dei verbum virtutesque seculi venturi et prolapsi sunt, renovari rursus ad poenitentiam». — Ibid.

²⁸ Об этом кодексе см.: *János M. A Szent István törvényeit tartalmazó kodexek // Magyar könyvszemle. 94. évf. 1978. 3–4. Sz. 228. l.*

²⁹ *Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból / Szerk. Wenzel G.. 3. köt. Budapest, 1876. Sz. 621. l.*

³⁰ *Decreta Regni Mediaevalis Hungariae, 1000–1526: Laws of the Medieval Kingdom of Hungary / Ed. J. Bak, G. Bónis and J.R. Sweeney in coll. with L. Domonkos. Idyllwild, 1999. Vol. 1. P. 32, 40; Vol. 2. P. 8; Vol. 3. P. 26.*

С другой стороны, в 1514 г. юрист Иштван Вербёци немного сомневается в применимости правовых норм полутысячелетней давности: «Хотя в особенности обычаи и законы святых королей Иштвана и Ласло, которые заслуженно удостоились быть приписаны к числу святых, по причине своей глубокой древности почти полностью позабыты, ведь известно, что те обычаи и законы больше касались Божественного закона, чем человеческого; хотя имеются декреты последующих королей, измененные и дифференцированные в определенных клаузулах и статьях — тем не менее, считается, что из всех установлений Божественных королей некоторые законы в силу их длительного применения **вошли в наш обычай**, удостоверенный уже более ста лет назад»³¹. Выделенные слова находят свое подтверждение в следующем. Один из законов Иштвана (I, 28) под угрозой избиения,стрижения, утраты свободы (для свободного) и продажи (для слуги) запрещает блуд со служанками другого человека, аргументируя цель этой меры следующими словами: «Чтобы свободные хранили свою свободу незапятнанной»³². Другие статьи запрещали жениться на служанках под угрозой утраты свободы (I, 29) и похищать девицу «себе в жены» (лат. *sibi in ixorem*) без согласия ее родителей; в последнем случае преступник был обязан вернуть унесенную ее родителям, «даже если им ей было причинено насилие», а также примириться с ними через выплату штрафа (I, 27)³³. И, наконец, постановления Саболчского собора 1092 г. гласят, что блудницы и ведьмы подлежат суду епископа (т.е. занятие проституцией рассматривалось в качестве преступления)³⁴. Тем самым, блуд (т.е. любое совокупление при отсутствии брачного договора между семьями) в Венгрии XI в. был сделан социально недопустимым. И есть основание полагать, что к XV в. запрет на блуд вошел в плоть и кровь венгерского народа, ведь в качестве недовольства венгерской

³¹ «Et licet hujusmodi Consuetudines, ac Leges praesertim Sanctorum Stephani, et Ladislai Regum, qui catalogo Sanctorum adscribi digne meruerunt, vetustate nimia jam pene sint oblitae. Qui cum et alioquin magis de Divina, quam humana Lege tractasse dignosuntur, reliquorumque subsequentium Regum Decreta, in certis clausulis, et articulis mutata, variataque habeantur; tamen ex omnium fere ipsorum Divorum Regum constitutionibus, per longum usum aliquid legis in Consuetudinem nostram, plus quam per centum annos jam approbatam, derivatum, traductumque esse dignoscitur». — Decretum generale incltyi regni Hungariae partiumque eidem annexarum. T. 1. Budaе, 1844. P. 50.

³² «Ut liberi suam custodiant libertatem incontaminatam...». — Szent István törvényeinek XII. századi kézírata az Admonti kódexben [hasonmás kiadás] / Szerk. Bartoniek E. és Gyöffy Gy. Budapest, 1988. 62. l.

³³ «eciamsi ab illo aliqua vis sibi illata sit». — Ibid.

³⁴ «Meretrices et strige, secundum quod episcopo juste visum fuerit, ita didiudicentur». — *Závodszy L.* A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai. Budapest, 1904. 163. l.

знати Сигизмундом и ее мятежа против него в 1401 г. автор «Хроники венгров» Янош Туроци (ок. 1435–1490) называет в том числе следующее: «этот король, освободившись от своей супруги (королева Мария Анжуйская умерла в 1395 г. — *Н.Н.*), пустился в распутство похоти, предавался насильственному растлению девственниц и **был омерзителен для венгров**»³⁵. Эней Сильвий Пикколомини тоже приписывает Сигизмунду любвеобильный нрав, говоря, что тот был «виновен в тысяче измен»³⁶. Слуга монарха Эберхард Виндеке рассказал о том, что во время танцев, которые в Инсбруке устроил герцог Фридрих Австрийский, была похищена и изнасилована девица, дочь бюргера, причем подозрение пало на Сигизмунда, хотя Виндеке заявляет, что тот этого не делал³⁷. Какими бы ни были действия короля на самом деле, ясно следующее: Яношу Туроци как венгру XV в. (а, вероятно, не одному ему) блуд в любом виде был омерзителен — так же, как и Микулашу из Пелгржимова, который признаёт только законный брак.

Таким образом, чешские гуситы и их венгерские противники (традиционные католики) в XV в. могли иметь больше общего, чем представляется на первый взгляд. С другой стороны, не все гуситы (если понимать под этим термином чешских утраквистов, заклеянных Констанцским собором именно в таком качестве) разделяли импульс «принуждения к праведности», выраженный в Четвертой Пражской статье. Так, Петр Хельчицкий, идеи которого были почерпнуты будущими чешскими братьями, заявил: «Но ты скажешь, наверное: “Было бы хорошо, если бы все были <справедливыми>; но поскольку они такими не являются, нужна власть, чтобы злых посредством власти принудить к справедливости”. Конечно, есть потребность в этом (т.е. во власти. — *Н.Н.*), что подобает справедливости князей. Но так скажу: какое дело до светской власти священнику, которого Христос послал проповедовать с Евангелием в руках, чтобы привести людей под его руководство — и какие примут Евангелие, тех принять как вассалов Христа, а кто Евангелия не примет, теми не руководить в вере Христовой посредством светской власти? Потому что кто не будет верно наставлен в вере Христовой через учение Евангелия, посредством власти не будет наставлен, подобно тому

³⁵ *Iohannis de Thwrocław. Chronica Hungarorum // Scriptores rerum hungaricarum veteres ac genuini / Cura et studio Ioannis Georgii Schwandtneri. Vindobonae, 1746. P. 224.*

³⁶ «mille adulteriiis criminosus». — *Aeneas Sylvius. Vita Sigismundi imperatoris // Palacký F. Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Prag, 1938. S. 113.*

³⁷ *Eberhard Windecke. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigismunds / Hrsg. W. Altmann. Berlin, 1893. S. 49–50.*

как через немецкую речь человек не будет научен чешскому языку. Слаба та проповедь священника Христова, который — не умея привести кого-либо к правде Христовой через Евангелие и взывая к власти — оглашает в храме их прелюбодеяния, пьянство и прочие грехи; и принуждает власть, чтобы наказала за это; и считает, делая это, что преуспевает в проповеди, но даже и во власти едва с язычниками сравнивается. Потому что языческие князья и безо всякой священнической проповеди гораздо мужественней прелюбодеяния, убийства, воровство и все нарушения спокойствия пресекают для того, чтобы мир иметь и чтобы не дать злым людям повредить народу, чем многие священники посредством власти. Им кажется, что их власть — какая-то христианская, вере весьма полезная, но в справедливости она ещё до язычников не доросла. Потому что они не преминут сами пресечь злые вещи, но тот, который кажется слугой веры Христовой, вряд ли кого-то в колоду засадит, если священник его не ткнёт. Но если среди язычников обнаружена более совершенная справедливость в таких делах, тогда это всё далеко от Христа. И если священник не чувствует пользы от проповеди Евангелия во многих людях или в отдельных, то это — слишком мало будет, если он просто посредством власти пьяницу засадит в колоду своей проповедью»³⁸.

В своем показательном одобрении справедливости язычников, Хельчицкий явно следует в том же русле, в каком Жиль Шарли цитирует и комментирует апостола Павла: «Поскольку язычники, которые не имеют закона, по природе делают то, что соответствует закону: такие люди, не имеющие закона, сами себе закон (Рим. 2:14). Комментарий гласит: хотя они не имеют закона Писания, но имеют

³⁸ «Ale snad dít: “Dobře by bylo, by pak všickni byli; ale když tací nejsú, potřebí jest moci, aby zlé připudili skrze moc k spravedlnosti”. Ovšem jest potřebí v té straně, což slušie spravedlnosti knížat. Ale to dím: co j’ tomu knězi do moci světské, kteréhož jest Kristus poslal se Čtením kázati, aby pod jeho správu uvedl lidi, a kteříž povolé čtení, ty přijéti jako věrné Kristovy, a ktož nepovolí Čtení, toho nezpravovati skrze moc světskú u víře Kristově? Neb ktož skrze naučení Čtenie právé ustaven nebude u víře Kristově, skrze moc ovšem nebude ustaven jako skrze německú řeč nebude českému jazyku naučen člověk. Mdlét jest to kázání kněze Kristova, kterýž nemoha skrze Čtení uvésti některých v spravedlnost Kristovu, i volá na moc, v kostele ohlašuje jich cizoložství, opilství a jiné hříchy a nutí moc, aby toho pomstila, a mní, to čině, že v kázání prospívá, nalit jediné i s moci s pohany jedva se srovnává. Neb knížata pohanská beze všeho kázání kněžského mnohem statečnějí cizoložstva, vraždy, krádeže a všecky nepokoje stavují proto, aby pokoj měli a lidu aby sobě nedali uškoditi zlym lidem, než mnozi knězi skrze moc, ješto se jim zdá, že jich moc jest někaká křesťanská moc víře velmi prospěšná, ana ješto s pohany nedošla spravedlnosti. Neb oni v takových věcech sami od sebe z úřahu zloebnení se zlych věcí stavovati, ale tento, ješto se zdá sluha viery Kristovy, ač jeho kněz nebode, tuož jedva někoho v kládu vsadie. Ale když mezi pohany dokonalejší spravedlnost jest nalezena v takových skutcích, tehdy jest to všecko daleko od Krista. A nečije-li kněz úžitka skrze kázání Čtení ve mnohých nebo v některých, toto jest velmi malé, skrze moc když opilý připraví do klády svým kázáním». — *Petr Chelčický*. O boji duchovním a o trojím lidu / Vyd. K. Krofta. Praha, 1911. S. 152–153.

закон природный, при помощи которого каждый понимает и признаёт, что хорошо, а что плохо»³⁹. Таким образом, гуситское понимание социальной недопустимости греха, базирующееся на бескомпромиссном фундаментализме, подвергалось критике как с внешней стороны, так и изнутри гуситского сообщества.

Равенство людей перед карой за грех. Идея Джона Виклифа («Никто не является ни светским господином, ни прелатом, ни епископом, пока пребывает в смертном грехе») была публично одобрена Яном Гусом в январе 1415 г., с оговоркой, что достойным такой человек является лишь в соответствии с должностью⁴⁰. Затем же, на втором слушании 8 июля Гус со всей смелостью заявил перед Констанцским собором: «Более того, если кто-либо пребывает в смертном грехе, то не является достойным пред Богом и в качестве короля — в соответствии с тем, что написано в 4-й Книге Царств, 16. Там Господь сказал через пророка Самуила Саулу, который был должен убить Амалика, а не сделал: За то, что ты отклонился от речи Моей и не убиваешь Амалика, то и Я отклонюсь от тебя, так что ты не будешь царем»⁴¹. Эта идея была гуситами подхвачена.

Мотив права на сопротивление законному, но недостойному правителю был выражен в манифесте пана Ченка из Вартенберка, который в качестве бургомистра Пражского предводительствовал всей чешской знатю. Обратившись ко всей сословной общине Чешского королевства, он вместе с паном Олдржихом из Рожмберка призвал: «призываем вас всех и каждого в отдельности той верностью, какую вы обязаны иметь по отношению к короне и королевству Чешскому, чтобы вы всеиасительному князю и государю, госп. Сигизмунду, королю Римскому, во всякое время преумножителю Империи и королю Венгерскому, и проч., не были подчинены и к нему не принадлежали, и не слушались ни его как Чешского короля, ни его

³⁹ «Cum autem gentes, quae legem non habent, naturaliter ea, quae legis sint, faciunt, ejusmodi legem non habentes, ipsi sibi sunt lex. Dicit glossa: Etsi non habent legem scriptam, habent tamen legem naturalem, qua quisquis intelligit et sibi conscius est, quid bonum, quid malum». — *Sacrorum conciliorum...* T. 29. P. 873.

⁴⁰ Тогда Гус дал ответ на 45 статей Виклифа: «Этот тезис имеет верный смысл в соответствии с изречением св. Августина, Иеронима, Амвросия, Григория, Златоуста, Ремигия и Грациана, а именно: что ни один такой человек не является достойным, пусть он и является таковым в соответствии с должностью». Оригинал: «Iuxta sanctorum sententiam Augustini Jeronimi, Ambrosii, Gregorii, Crisostomi, Remigii et Graciani ista propositio habet sensum verum, vid. quod nullus talis est digne, quamvis secundum officium sit talis». — *Sedlák J. M. Jan Hus. Přílohy. Praha, 1915. S. 306–307.*

⁴¹ «Ymo qui est in peccato mortali, nec est digne rex coram deo, sicut patet 4 Regum 16, ubi dixit Dominus per prophetam Samuelem ad Saul, qui debebat interficere Amalech, et non fecit: Pro eo, quod abjecisti sermonem meum, ut non interficias Amalech, abjiciam et ego te, ne sis rex». — *Petrus de Mladonowicz. Relatio de Magistro Johanne Hus // Novotný V. Fontes rerum bohemicarum. D. 8. Praha, 1893. P. 95.*

должностных лиц, ибо вы хорошо знаете, что Его Милость еще не провозглашён чешскими панамы в качестве короля и не коронован на чешское правление, но **является большим и жестоким врагом Чешского королевства и народа**, как вы можете понять это из следующих статей»⁴². Видно, что именно грех Сигизмунда — его жестокость к чехам, проявленная в возведении на гуситов незаконного обвинения в ереси, в сожжении Яна Красы во Вратиславе — «ни за что иное, как за принятие Божественной Крови (т.е. утраквизм. — Н.Н.)», в заключении союза с герцогом Иоганном Баварским, грабившим Чешскую землю, и в ином — оказывается основанием для того, чтобы сопротивляться Сигизмунду — законному наследнику престола и новому королю, ведь в подобном качестве чешская знать уже признала его в своих грамотах 1415 и 1419 г.⁴³

При этом Ченек не порывал с монархом-грешником, но напротив — фактически давал понять, что власть Люксембургов в королевстве зависит от расположения панства: «Его Милость **еще** не провозглашен чешскими панамы в качестве короля». Переход конфликта в военную фазу сопровождался миграциями издателей манифеста в стан короля и обратно, часто — по причине военных неудач и под давлением более мощных полюсов сопротивления Сигизмунду, какими были Прага и Табор. Пражский хронист Лаврентий из Бржезовой обратил к Сигизмунду следующие слова: «О, бесчувственный государь! Почему домашних своих, кого должен защищать, ты по языческому обычаю преследуешь? Почему собственное гнездо, испражняясь, сквернить не перестаешь? Почему не останавливаешься в пролитии крови невинных? Почему ты стремишься уничтожить тех, кто противится тебе, сражаясь за закон Божий? Ожидай и предвидь, что в скорейшем времени Господь уготовит помощь боящимся Его. Тебя, который на множество народов / язычников надеется, Он обратит в бегство, победив малым числом. И псы ярые будут в скором времени лизать кровь твоих жестоких воителей в отмщение за Чашу истиннейшую Крови Христовой, которую ты стремишься уничтожить, преследуя своих верных вассалов. Вернись же к сердцу

⁴² «napomínáme vás všech y každého zvláště tú wieru, kteréž gste korunie a králewství Českému powinni, abyšte nayiasnejšiemu kniežieti a pánu, pánu Zigmundowi, rzímskému králi, vždy rozmnožiteli a uherskému etc. králi poddani nebyli a w nieho neslušeli ani geho poslúhali iakožto krále czeského ani geho úředníkóv, nebo to dobře wiete, žeť geho milost nenie geště pány českými za krále wolen ani k Czeskému králewství korunowan, ale králowství a zaziku Českého gest weliký a ukrutný nepřiel, iakož tomu můžete rozumieti skrzie tyto kusy». — *Hruza K.* Die hussitischen Manifeste vom April 1420 // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* Bd. 53. 1997. S. 169.

⁴³ *Novotný V.* Hus v Kostnici a česká šlechta. Poznámky a dokumenty. Praha, 1915. S. 61–62; *Archiv český...* D. 3. S. 206.

и признай, что **тяжело тебе идти против рожна** (цитата из Деян. 9:5. — *Н.Н.*). Покаявшись, прекрати вершить столько столь страшного зла. И если бы когда-нибудь Бог помиловал тебя и отпустил тебе твои несправедливости!»⁴⁴. Выделенной цитатой Лаврентий сравнил монарха с Савлом, который был ревностным иудеем и преследовал первых христиан, но голосом Спасителя был обращен в христианство.

На переговорах с Сигизмундом в Пожони в 1429 г. таборитов представлял англичанин-виклифит Питер Пэйн, чья речь формулирует аналогичный принцип справедливости противостояния монарху в случае, если он идет против Божественного закона: «Отвергни суету и выбери истину, поскольку так будешь иметь Бога своим другом и в мире будешь владеть этим благородным королевством через Него, как твой сиятельнейший отец (т.е. император Карл. — *Н.Н.*)... Ты не удивляешься тому, сколько раз твои войска, даже в десять раз превосходящие числом и вооружением, побитые, приведенные в замешательство, поворачивались спиной, столько раз жестоко обращенные в бегство малым числом налетчиков-крестьян, будучи побеждены и простерты к твоему не малому ущербу и позору? Это мы приписываем не нам, но Богу — Творцу и Триумфатору, Чьей истине мы служим, вы же с ней воюете и недостойным образом ей сопротивляетесь. Сам Тот, Кто держит небо и землю, — свидетель, что не ради себя мы воюем, и не из спеси и не для прибыли, **и не из иной какой-либо дерзости** сопротивляемся тебе. Измени свое отношение и у тебя будет преславное королевство; измени свою волю, освободи истину — и у тебя будет пражская община и богемская»⁴⁵.

⁴⁴ «O princeps insensate! Cur domesticos tuos, quos defensare deberes, gentili more persequeris, cur nidum proprium stercorisando defedare non cessas? Cur innocencium sanguinem fundere non desinis? Cur delere cupis, qui pro lege dei sui certando se tibi opponunt? Expecta parumper et prospice, dominus namque eum timentibus parabit auxilium et te, qui speras in multitudine gencium, paucorum numero prosternendo in fugam convertet, et pro sanguinis Christi calice veracissimo, quem in suis fidelibus persequens conaris destruere, tuorum crudelium belluarum in brevi temporis spacio canes rabidi sanguinem lingent!» — *Vavřinec z Březové. Kronika husitská // Prameny dějin českých = Fontes rerum bohemicarum / Vyd. J. Goll. D. 5. Praha, 1893. S. 531–532.*

⁴⁵ «Vanitatem respuas et veritatem eligas, quia sic deum habebis amicum et regnum hoc nobile quiete possidebis per ipsumque ut inclitissimus pater tuus... Non miraris, quociens tui exercitus licet decuplo auctiores armacioresque numero, cesi, confusi, terga verterunt, a paucis percussore rustico quociensque misere fugati in dompnaque (sic!) tua non pauca et verecundiam victi et prostrati? Non hoc nobis, sed deo auctori triumphatorique ascribimus, cuius veritati vobis eam oppugnantibus resistendo indigne deservimus ipso teste, qui celum terramque tenet, quod non pro nobis bella agimus nec pro fastu aut lucris nostris **aut alia quavis temeritate** tibi resistimus. Muta animum et habebis clarissimum regnum, muta voluntatem, libera veritatem et habebis Pragensem et Bohemicam communitatem». — *Bartoš F.M. Z bratislavské schůzky krále Zikmunda s husitskými vůdci r. 1429 // Časopis Matice moravské. R. 49. 1925. S. 184–188.*

На Базельском соборе право подданных на сопротивление монарху-грешнику пытался обосновать епископ таборитов Микулаш из Пелгржимова. С одной стороны, он призвал все прегрешающие власти последовать примеру Христа, Который сказал: «Кто из вас обличит Меня во грехе?» (Ин. 8:46). «Кто не склонился бы в смирении для обличения по образцу Его, поскольку ни один человек, сколь велик бы он в мире ни был, не является более невинным, лучшим и высшим, чем Христос?», — вопрошает Микулаш, что предполагает скорее словесное, чем деятельное сопротивление⁴⁶. С другой стороны, епископ таборитов частью процитировал, частью пересказал покаянное послание папы Льва IV императору Людовику, в котором был задействован сюжет о Вааламовой ослице: «папа Лев доказывает, что этот декрет необходим по той причине, что пророк Ваалам не только **был атакован** (лат. *impugnabatur*) ослицей, но и потом даже живым голосом был обличен»⁴⁷. Определенно, предполагалось как словесное нападение (обличение), так и телесное — ведь известно, что Вааламова ослица прижалась к стене и отдала ногу своего неразумного хозяина⁴⁸. И важно, что тот же самый глагол «атаковать» Микулаш применяет в своем итоговом выводе: «Потому и теперь на таком же основании можно народу Христа **с обвинениями** оплакивать публичные преступления вышестоящих. Ведь вышестоящие часто живут противозаконно, а следственно — свободно могут **в качестве извращенных быть атакованы** (лат. *impugnari* от *pugna* — «сражение») **праведными подданными**, поскольку иначе праведные станут причастными по причине своего согласия»⁴⁹. В тогдашнем контексте череды военных поражений, понесенных войсками Сигизмунда от гуситов, выбор глагола не представляется случайным.

Рассмотрение антигуситской позиции по вопросу права на неповиновение прегрешающему монарху нужно начать с той фразы, которой Сигизмунд Люксембургский 8 июля 1415 г. ответил на тезис Яна Гуса, процитированный выше: «Ян Гус, никто не живет без греха»⁵⁰. Кардинал Пьер д'Эльи упрекнул Гуса: не хватает тебе того, что свои-

⁴⁶ «quis tam arrogans vellet esse, qui exemplo ipsius se humiliter non submitteret arguendus, cum nullus homo, quantumcunque in mundo magnus, sit Christo innocencior, melior aut maior?». — Orationes. P. 14.

⁴⁷ «Et probat decretum hoc esse debitum eo, quod Baalam propheta nedum ab asina **impugnabatur**, sed et post eciam viva voce arguitur». — Ibid. P. 15.

⁴⁸ «Quem videns asina, junxit se parieti, et attrivit sedentis pedem» (Числа 22: 25).

⁴⁹ «Ergo nunc ex causa similiter licet Christo populo crimina superiorum publica **planctorie** deplorare. Item superiores sepius vivunt illicite, ergo licite possunt **tamquam perversi a iustis subditis impugnari**, quia alias iusti forent participes ex consensu». — Orationes. P. 14.

⁵⁰ «Johannes Huss, nemo sine crimine vivit». — *Petrus de Mladoniewicz*. Op. cit. P. 95.

ми писаниями собираешься, усомнившись, низвергнуть церковные ранги, но ты уже хочешь низвергнуть и сословие королей и самих королей из своего сословия»⁵¹. Тем самым, получается, что нерушимость сословной иерархии представлялась антигуситам более значимой, чем стремление к созданию безгрешного общества, которое завладело гуситами. В свою очередь, Жиль Шарли следующим образом ответил Микулашу из Пелгржимова: «Не все явственные смертные грехи должны наказываться человеком в соответствии со словами Божественного Закона — через суд, который накладывает наказание. Ведь среди них есть такие, которые человеком не могут караться без угрозы для добрых. И поскольку есть во множестве добрые и злые, и не могут быть отделены одни от других, такие грехи должны человеком попускаться — в случае, если за подобным попуском не последует большой скандал, чем в результате запрещения. Такие грехи не могут быть наказаны без угрозы церковной схизмы или тяжелых потрясений — как например, грех государя или иного человека, который имеет множество союзников»⁵².

Эта позиция перекликается с Законами Иштвана, которые имели хождение в Венгерском королевстве. В этом памятнике не прописывается четкое наказание за преступления против христианской веры: нежелающий ее соблюдать (т.е. человек, который живет во грехе по определению) сначала семь раз принимает поучения от епископа, после чего передается «королевскому правосудию, т.е. защитнику христианства» (лат. *regali iudicio scilicet defensori christianitatis*). Таким образом, итоговый вердикт оставался на усмотрение короля, который мог наказывать знатных менее строго, чем простых⁵³. Об Иштване Святом мы знаем, что князь Трансильвании Дьюла (крещенный византийцами, но сохранявший языческий образ жизни) был пленен им и отпущен восвояси⁵⁴. Аналогичная ситуация менее строгого наказания для могущественного человека предусмотрена

⁵¹ «Non sufficiebat tibi, quia statum spiritualem vilipendens conabaris dejicere per tua scripta et dogmata, et jam vis eciam dejicere statum regium et reges a statu suo». — Ibid. P. 96.

⁵² «puta, non omnia peccata mortalia publica sunt ab homine, ex dictamine divinae legis, poenaliter per iudicium punienda. Quaedam quidem illorum sunt, quae sine periculo bonorum puniri non possunt ab homine, ut cum in multitudine sunt boni et mali, et non possunt discerni isti ab illis, et talia sunt permittenda ab homine: si tamen ex illa permissione non sequatur majus scandalum quam ex punitione. Quaedam sine periculo schismatis ecclesiae aut gravis turbationibus puniri non possunt, ut peccatum principis aut alterius, qui sociam habet multitudinem». — Sacrorum conciliorum... T. 29. P. 887.

⁵³ Szent István törvényeinek XII. századi kézírata... P. 56.

⁵⁴ Титмар Мерзебургский именуется «Прокуй»: Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. v. R. Holtzmann. Berlin, 1935. P. 496–497.

за клятвопреступление: наказание (усекновение руки) применяется к «могущественным людям» лишь после троекратного (!) клятвопреступления, в то время как обычные люди не имели такого послабления. При этом необходимо отметить, что эта норма менялась со временем: условие наказания для знатного — «при троекратном преступлении клятвы» (лат. *ter juramento confRACTO*) — прописано в древнейшей рукописи законов (Адмонтском кодексе XII в.), но в Венском кодексе 1406 г. слово *ter*, по-видимому, отсутствовало⁵⁵.

Необходимо отметить, что право подданных судить, ограничивать и даже низлагать своего монарха-грешника, — это никоим образом не гуситское изобретение. В Золотой булле 1222 г. король Венгрии Андраш II прописал, что в случае ее несоблюдения им самим и его преемниками прелаты и знатные люди королевства получают право «возражения и сопротивления», т.е. принуждения венгерских монархов к соблюдению этого закона⁵⁶. Золотая булла была подтверждена Сигизмундом в Темешваре в сентябре 1397 г., после чего закреплена грамотой, изданной 13 января 1398 г.⁵⁷ В преддверии коронации 1387 г. венгерские прелаты и бароны сформулировали выборные капитуляции — условия, на которых их будущему королю Сигизмунду предстояло править. Как полное, так и частичное отступление монарха от этого документа давало сословиям право принуждать монарха к соблюдению капитуляций всеми возможными путями и «без всяческого клейма неверности» (лат. *absque omni nota infidelitatis*)⁵⁸. Кроме того, исследования С.К. Цатуровой показывают,

⁵⁵ Фиксимильная копия Адмонтской рукописи доступна здесь: Szent István törvényeinek XII. századi kézírata... Необходимо обратить внимание на то, что слово *ter* было пропущено в обеих расшифровках Адмонтской рукописи, предпринятых Л. Заводски и Э. Бартоник: Ibid. 57. l.; *Závodszy L.* Op. cit. 146. l. Слово записано с обратной буквой *r*, похожей на арабскую цифру 2. Как подчеркивает А. Капелли, она употреблялась как в сокращениях слога *-rum*, так и самостоятельно: *Capelli A.* Dizionario di Abbreviature Latini ed Italiani. Milano: Hoepli, 1912. P. XXVII–XXVIII. В публикации Венского кодекса, предпринятой И. Баттяни, слово *ter* отсутствует: *Leges ecclesiasticae regni Hungariae / Opera et studio Ignatii domini de Bathyán. T. 2. Claudiopoli, 1827. P. 61.*

⁵⁶ *De Bulla Aurea Andreae II Regis Hungariae MCCXXII / Szerk. Besenyei L., Érszegi G., Gorlero M.P. Verona, 1999. P. 29.* Необходимо отметить, что подобного рода сходства в становлении сословно-политического строя Венгерского и Чешского королевств были отмечены Р. Новотным: он указал на то, что в обоих королевствах имело место представление «об одной и той же знатности» (лат. *una et eadem nobilitas*). — *Novotný R.* Sociální, institucionální a konfesionální aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Praha, 2008. S. 57.

⁵⁷ *Knauz N.* Az MCCXCXVII-ki országgyűlés végezménye. Pest, 1856. 11. l.; 25–50. l.

⁵⁸ *Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból / Szerk. Wenzel Gustáv. 3. köt. Budapest, 1876. 622. l.* Эта цитата была явно позаимствована из Золотой буллы 1222 г., гарантировавшей епископам, йобационам и знатным людям Венгерского королевства право на сопротивление правителю-преступнику «без пятна какой-либо неверности» (лат. *sine nota alicuius infidelitatis*). — *De Bulla Aurea... P. 29.*

что во Французском королевстве «тема состоятельности монарха, соответствия короля своим обязанностям становится со временем всё более значимой и даже угрожающей, поскольку она подспудно подразумевает возможное отстранение от трона того, кто недостойн этого места»⁵⁹. Подобные же сомнения были выражены пражскими гуситами и оребитами в манифесте, составленном после их победы над чешскими лоялистами в битве при Вышеграде 5 ноября 1420 г.: «Жалуемся вам на Сигизмунда Венгерского — короля, если только достойно так называть его...»⁶⁰. Очевидно, что такими словами гуситы уже ставили под вопрос законность чешской коронации Сигизмунда от 28 июля 1420 г.

Подведем итоги. В рамках гуситской идеологии грех воспринимался в качестве социального преступления, что обусловлено гибельным воздействием греха, которое подчеркивают гуситы. Ян Гус, составители Четырех Пражских статей и их таборитских толкований, Микулаш из Пелгржимова едины в том, что грешников быть не должно. Оппонент Микулаша, традиционный католик Жиль Шарли отстаивал противоположную позицию, делая акцент на неспособности грехов противостоять Богу как Огню, который их испепеляет. Поэтому в католическом восприятии Жиля Шарли человеческий грех (если понимать под ним такое поведение, которое противоречит библейским нормам) подлежит наказанию лишь в том случае, если его поущение влечет большие потрясения, чем его пресечение. Слова главного противника гуситов, Сигизмунда Люксембургского («Ян Гус, никто не живет без греха»), сформулированы в том же русле. При этом был и такой католик, который по факту согласился с Четвертой Пражской статьей (Фердинанд, епископ Лукки). Кроме того, имеются аргументы в пользу того, что в обществе Венгерского королевства XV в. сохранялись те нормы поведения, которые были прописаны в законах Иштвана Святого, где в качестве социального преступления с тяжелыми последствиями рассматривается даже такой грех, который в понимании Жиля Шарли не вредил обществу («простой блуд»). С другой стороны, и среди гуситов гуситский императив всеобщего принуждения к праведности встречал неприятие, в частности — у Петра Хельчицкого.

⁵⁹ Цатурова С. К. «Король — чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV–XV вв. // Искусство власти. Сборник в честь Н.А. Хачатурян / Под ред. О.В. Дмитриевой. СПб., 2007. С. 108.

⁶⁰ «Žalujemť vám na Sigmunda, Uherského, ač hodné jest říci, krále...» / «Wir clagen üch über Sigmünden von Unger(e)n, ob er sein wert ist zu nenne(n) ein konig...». — Archiv český... D. 3. S. 217; Нюрнберг. Государственный архив. Staatsarchiv Nürnberg. Ansbacher Kriegsakten. Karton I. N 6.

Второй чертой греха в его гуситском понимании является равенство людей перед ним. Какой бы властью человек ни был облечен, ему не разрешено грешить — в противном случае он обличается и атакуется. Именно эта позиция лежит в гуситском неприятии Сигизмунда Люксембургского как монарха-грешника. В то же время, традиционный католик Жиль Шарли формулирует и обосновывает императив терпимости ко греху, совершенному монархом, во избежание тяжелых социальных потрясений. Думается, что в католическом лагере подобная позиция не была доминирующей, принимая во внимание те сословные движения, которые повсюду стремились к ограничению королевской власти и даже к праву на вооруженное сопротивление ее произволу, как это имело место в Венгерском королевстве XV в., чьи вассалы в 1420-х гг. храбро сражались против гуситов, но по факту могли быть во многом похожи на них.

References

Bartoš F.M. *Z bratislavské schůzky krále Zikmunda s husitskými vůdci r. 1429* [From the Bratislava Meeting of King Sigismund with the Hussite Leaders in 1429] // *Časopis Matice moravské*. R. 49. 1925. S. 171–195.

Heymann F. *John Žižka and the Hussite Revolution*. New York: Russell & Russell, 1969. 521 p.

Jánosi M. *A Szent István törvényeit tartalmazó kodexek* [Codices Containing the Laws of Saint Stephen] // *Magyar könyvszemle*. 94. évf. 1978. 3–4. sz. 225–254. l.

Kalivoda R. *Husitská ideologie* [Hussite Ideology]. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1961. 560 s.

Kalivoda R. *Husitské myšlení* [Hussite Thought]. Praha: Filosofia, 1997. 367 s.

Knauz N. *Az MCCCXCVII-ki országgyűlés végezménye* [The Proceedings of the Diet of 1397]. Pest: Landerer és Heckenást, 1856. 54. l.

Novotný R. *Sociální, institucionální a konfesijní aspekty vývoje české šlechty v pozdním středověku. Disertační práce* [Social, Institutional, and Confessional Aspects of the Development of the Czech Nobility in the Late Middle Ages. Dissertation]. Praha: [s. n.], 2008. 206 s.

Novotný V. *Hus v Kostnici a česká šlechta. Poznámky a dokumenty* [Hus in Constance and the Czech Nobility. Notes and Documents]. Praha: Společnost přátel starožitností českých v Praze, 1915. 100 s.

Palacký Fr. *Die Geschichte des Hussitentums und Prof. Constantin Höfler*. Kritische Studien. Prag: Friedrich Tempsky, 1868. 168 S.

Pekář J. *Žižka a jeho doba* [Žižka and His Times]. D. 3. Praha: Vesmír, 1930. 343 s.

Sedlák J.M. *Jan Hus. Přílohy* [Jan Hus. Appendices]. Praha: Děditsví svatého Prokopa, 1915. 370 s.

Seibt F. *Hussitenzeit als Kulturepoche* // *Historische Zeitschrift*. Jg. 195. 1962. S. 21–62.

Šmahel F. *Husitská revoluce* [The Hussite Revolution]. D. 2. Praha: Univerzita Karlova, 1993. 364 s.

Szent István törvényeinek XII. századi kézírata az Admonti kódexben [hasonmás kiadás] [The Twelfth-Century Manuscript of the Laws of Saint Stephen in the Admont Codex [Facsimile Edition]] / Szerk. Bartoniek E. és Gyöffry Gy. Budapest: Helikon kiadó, 1988. 92 l.

Toman H. *Žižkův duch, povaha a listy* [The Spirit, Character, and Letters of Žižka] / Upravil F.M. Bartoš. Praha: Státní nakladatelství, 1924. 87 s.

Tsaturova S.K. "Korol' — chinovnik, svyashchennaya osoba ili osel na trone?": predstavleniya ob obyazannostyakh korolya vo Frantsii XIV–XV vv. ["Is the King an Official, a Sacred Person, or a Donkey on the Throne?": Representations of the Duties of the King in France in the Fourteenth and Fifteenth Centuries] // *Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' N.A. Khachaturyan* [The Art of Power. A Collection in Honor of N.A. Khachatryan] / Ed. by O.V. Dmitrieva. Saint Petersburg: Aletheia, 2007. P. 99–131.

Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges vom Jahre 1419 an / Hrsg. von F. Palacký. Bd. 1. Prag: Friedrich Tempsky, 1873. 655 S.

Závodszy L. *A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai* [The Sources of the Laws and Synodal Decrees from the Times of Saint Stephen, Saint Ladislaus, and Coloman]. Budapest: Szent-István Társulat tudományos és irodalmi osztálya, 1904. 215 l.

Želivský J. *Dochovaná kázání z roku 1419* [Surviving Sermons from 1419] / Vyd. A. Molnár. Praha: Nakladatelství České akademie věd, 1953. 282 s.

Zilynská B. Recenze na: Opatrný D. Zachránit lidi od hříchů. Etika v teologii mistra Jana Husa [Review of: Opatrný D. Saving People from Sins. Ethics in the Theology of Master Jan Hus]. Jihlava: Mlýn, 2018 // *Acta universitatis Carolinae. Historia universitatis Carolinae Pragensis*. T. LIX. Fasc. 1. 2019. S. 193–194.

Поступила в редакцию
1 июня 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-26-40

И.Е. Андронов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ВИНЧЕНЦО ДЖОБЕРТИ (1801–1852)

I.E. Andronov

POLITICAL AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF VINCENZO GIOBERTI (1801–1852)

Аннотация. Изучение идейно-политического наследия Винченцо Джоберти, его взглядов на природу итальянского единства позволяет по-новому взглянуть на рост популярности его фигуры среди сегодняшних итальянских политиков федералистского крыла. Современная историография и общественно-политическая дискуссия представляют Джоберти как одного из центральных персонажей Рисорджименто. Среди причин этого — кризис традиционного федерализма, относительное снижение популярности идеологических ориентиров недавнего прошлого. Одним из важнейших актуализировавшихся тезисов Джоберти является установка относительно наличия самодостаточной философской мысли в Италии; другая по-новому звучащая идея заключается в главенствующей роли католической церкви в деле примирения амбиций региональных элит. В статье показано, что понимание этих и некоторых других тезисов Джоберти в наши дни довольно значительно отличается от того смысла, который в них вкладывал сам мыслитель, и продиктовано политической конъюнктурой. В свою очередь, это явление также не ново; применение высказанных в конкретной ситуации середины XIX в. идей к иным временным и политическим контекстам затрудняет понимание трудов философа, приводит к искажениям в его интерпретации. Фигура Джоберти как связующего звена между итальянской общественной мыслью и французским романтизмом изучена явно недостаточно. Сопоставление его проекта федералистского устройства будущей Италии с другими подобными проектами Рисорджименто позволяет выделить важнейшую индивидуальную особенность. В 1840-е гг. основной политической проблемой Италии виделось противоречие между необходимостью сплочения сил нации и наличием нескольких суверен-

Андронов Илья Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Andronov Ilya Evgenyevich, Doctor in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

orgizomenos@gmail.com

ORCID: 0009-0006-2412-6515

ных государей, региональных элит и локального патриотизма. Осознание целого ряда препятствий для политического объединения страны заставляло мыслителей предлагать различные способы выхода за пределы этого противоречия, основываясь на политических компромиссах и преодолении сиюминутных трудностей. Федерализм В. Джоберти, напротив, основывался на сочетании федералистского идеала с развитым философским учением. Это делало теорию Джоберти непригодной для политического применения, но является притягательным аспектом при изучении наследия философа на современном этапе.

Ключевые слова: Рисорджименто, романтизм, итальянская философия, папство и Италия, итальянский федерализм, неогвельфизм.

Abstract. The study of Vincenzo Gioberti's ideological and political heritage, his views on the nature of Italian unity allows us to take a new look at his growing popularity among today's Italian politicians of the federalist wing. Contemporary historiography and socio-political debates present Gioberti as one of the central characters of the Risorgimento. Among the reasons for this are the crisis of traditional federalism and relative decline in popularity of the ideological reference points of the recent past. One of Gioberti's most important actualized theses is the establishment of a self-sufficient philosophical thought in Italy; another newly sounding idea is the preeminent role of the Catholic Church in reconciling the ambitions of regional elites. The article shows that the understanding of these and some other theses of Gioberti nowadays differs quite significantly from the meaning that the thinker put into them, and it is dictated by the political conjuncture. This phenomenon is also not new. The application of ideas expressed in the mid-nineteenth century specific situation to other temporal and political contexts makes it difficult to understand the philosopher's works and leads to distortions in their interpretation. The figure of Gioberti as a link between Italian social thought and French Romanticism has been insufficiently studied. Comparing his project of the federalist structure of the future Italy with other similar projects of the Risorgimento allows us to identify the most important individual feature. In the 1840s the main political problem of Italy was seen as the contradiction between the need to unite the forces of the nation and the presence of several sovereigns, regional elites and local patriotism. Awareness of a number of obstacles to the political unification of the country led thinkers to propose various ways to go beyond this contradiction on the basis of political compromises and overcoming immediate difficulties. Gioberti's federalism, on the other hand, was founded on the combination of the federalist ideal with an advanced philosophical doctrine. This made his theory unsuitable for political application, but it is an attractive aspect when studying the philosopher's legacy at the present stage.

Keywords: Risorgimento, Romanticism, Italian philosophy, papacy and Italy, Italian federalism, neoguelphism.

* * *

Крах реального социализма в начале 1990-х гг., окончание (как казалось тогда) холодной войны вызвали глубокие потрясения в целом ряде европейских государств. Устоявшаяся в течение не-

скольких десятилетий, привычная европейцам двухблочная структура международных отношений рухнула. В ряде западноевропейских стран политическая идентичность ведущих политических партий утратила понятность для электората. Ряд ведущих партий лишился поддержки из-за рубежа, из их программ стали исчезать наиболее принципиальные программные формулировки¹. В начале 1990-х гг. в Италии разразились скандалы, связанные с коррупцией в высших эшелонах власти, в том числе — и в руководящих органах партий («Взяткоград» и операция «Чистые руки»). Разоблачения политического истеблишмента, тайных сговоров и махинаций практически всех ведущих политиков страны вызвали к жизни новые политические силы, чья преэминентность по отношению к их историческим предшественникам перестала быть очевидной.

Старые партии сменились аморфными группировками, среди которых выделялись силы, влачившие во время холодной войны маргинальное существование, — ультраправые, автономисты и другие. В новых обстоятельствах эти политические силы окрепли, обрели могущественных союзников, влились в широкие, но не имеющие четких программных или идеологических ориентиров движения. Успех, регулярно сопровождавший на выборах различные федералистские и регионалистские группировки, поставил под сомнение объективную ценность политического единства Италии, бывшую непреложной с самого 1861 г.

Помимо прочего, кризис заставил политические и интеллектуальные круги Италии искать новые идеологические ориентиры. Старые — учение Дж. Мадзини, труды К.Б. Кавура, идеи социалистов и анархистов рубежа XX–XIX вв., наследие левых писателей послевоенной эпохи и другие — себя исчерпали и в новых политических условиях более не годились. Среди множества политических и философских доктрин, сопровождавших процесс создания единого итальянского государства в XIX в., особенно привлекательными оказались идеи Винченцо Джоберти. Идея федералистского устройства Италии традиционно связывается с именами К. Каттанео и Дж. Феррари; менее известны заслуги тех, кто еще до революции 1848 г. поднимал эту тему в политической публицистике.

В течение двух десятилетий, последовавших за крахом биполярной политической системы, имя Джоберти активно инструментализировалось теми, кому хотелось нажать политический капитал на «истоках итальянского федерализма». Научная мысль не отставала: в Италии вышло несколько монографий, проводились научные кон-

¹ Mack Smith D. *Modern Italy. A political history*. New Haven; London, 1997. P. 476

ференции. В других странах интерес к Джоберти был значительно ниже.

Волна исследовательского интереса к Джоберти продолжалась до начала 2010-х гг. Последовавший затем кризис европейской либеральной идеи, а позже — глубокие потрясения, вызванные внешними факторами (миграцией населения, пандемией, беспрецедентным ростом международной напряженности), поставили под сомнение федералистскую идею в Италии. Естественно, это повлекло за собой снижение внимания и к подобной проблематике, приложенной к прошлому.

Фигура Джоберти — одного из крупнейших мыслителей Рисорджименто — связывается сегодня с общей проблематикой итальянского единства, из которого, впрочем, в последние годы постепенно вымывается исторический контекст. Отрываясь от конкретно-исторических условий своего возникновения, идеи Джоберти постепенно обретают определенную «вневременную» ценность, которую в современной итальянской науке принято отождествлять с «философией». Необходимо, впрочем, сделать важную оговорку: философское наполнение творчества Джоберти, безусловно, существует и в этом качестве является полноценным объектом для научного изучения коллег-философов. Мы сейчас ограничимся лишь замечанием о том, что не только взгляды Джоберти на наиболее отвлеченные и абстрактные истины бытия, но и его теории политического действия в конкретной ситуации середины 1840-х гг. традиционно рассматриваются единым комплексом, не имеющим внутренней динамики. В рамках настоящей статьи мы попытаемся сосредоточиться на эволюции его мировоззрения, а также на политических взглядах, имевших реальное воздействие на современные события. Это позволит определить роль его наследия не столько в философии, сколько для становления политической практики Рисорджименто и более поздних эпох.

Винченцо Джоберти родился в Турине 5 апреля 1801 г. Самообразование сыграло главную роль в его интеллектуальном развитии. Он много читал, выбирая литературу из разных областей знания. Об интересах молодого человека мы можем судить только по его отрывочным воспоминаниям и замечаниям, сделанным в более поздний период жизни. Франческо Траньелло отмечал особое увлечение молодого Джоберти такими авторами, как Дж. Вико, Г. Лейбниц, Н. Мальбранш и особенно И. Кант². Сам же Джоберти выделял

² *Traniello F. Gioberti, Vincenzo // Dizionario biografico degli italiani. Treccani, V. 55. Roma, 2001. P. 601–612.*

в своем круге юношеского чтения В. Альфиери, благодаря которому он приобрел антимонархические симпатии, а также привившего ему некоторую степень безбожия Ж.-Ж. Руссо. Другие философы, по его свидетельству, приучили его главным образом к самостоятельности мышления и скептическому подходу³. Отметим, что Джоберти даже в зрелом возрасте не проводил строгого разграничения между литераторами и философами, продолжая пользоваться последним определением в духе, характерном для предшествующей эпохи Просвещения. Можно также увидеть в этом неопределенном круге чтения симптомы будущей эклектичности воззрений туринского философа, однако стоит отметить, что интеллектуальная эволюция Джоберти и в юношеские годы, и позднее имеет много общего с его современниками, прославившимися на ниве католической общественной мысли, такими, как Ж. де Местр, Ф. Шатобриан, Л. Бональд и, в меньшей мере, Ф. Ламеннэ.

Закончив богословский факультет университета в 1823 г., спустя два года он был принят в Богословскую коллегию этого заведения. Докторская диссертация была представлена в том же 1825 г. и состояла из трех сочинений, изданных в академических целях небольшим тиражом: «О Боге и естественной религии», «О древнем договоре» и «О христианской религии и богословских добродетелях». Вскоре молодой священник (рукоположенный незадолго до защиты диссертации) был назначен придворным капелланом Туринского двора.

Следующий период его интеллектуального развития мало понятен историкам. И в биографии Джоберти такая страница не единственная; обстоятельства его карьеры священника и условия жизни известны значительно лучше. В любом случае, эволюция человека, в отрочестве увлекшегося чтением Руссо и отвергавшего любые целостные философские системы, не могла быть однонаправленной и последовательной. Усиливавшийся во второй половине 1820-х гг. контроль цензуры и идеологическое давление иезуитов в различных сферах религиозной жизни привели, помимо прочего, к обострению нравственных и мировоззренческих исканий целого поколения молодых людей Севера Италии, к которому принадлежали, помимо Джоберти, также К. Каттанео, М. д'Адзельо и Дж. Мадзини⁴.

Сохранившаяся переписка способна лишь отчасти пролить свет на этот процесс. Так, в одном из писем к Дж. Леопарди (Джоберти свел знакомство со многими литераторами, включая А. Мандзони

³ *Meditazioni filosofiche inedite di Vincenzo Gioberti, pubblicate dagli autografi della Biblioteca civica di Torino / A cura di E. Solmi. Firenze, 1909. P. 45.*

⁴ Подробнее см.: *Андронов И.Е. Джузеппе Мадзини: молодые годы. СПб., 2009. С. 39–83 и др.*

и Дж. Вергу) он отмечал свой «окончательный» переход от разнообразных форм религиозного сознания к католицизму как к «единственной неизменной форме христианства»⁵. Прочтение спустя два года «Моих темниц» С. Пеллико укрепило Джоберти в его приверженности ортодоксальному католицизму, но придало также уверенности в возможности сочетать религиозные и патриотические идеи в рамках единого комплекса. Христианские чувства, которыми пропитано произведение Пеллико, Джоберти противопоставлял учению иезуитов — «врагов философии и цивилизации»⁶. Таким образом, он де факто признавал возможность различной интерпретации базовых христианских ценностей в их католической форме. Приемлемой версией оставалась такая интерпретация, которая позволяла благополучно сочетать постулаты католицизма с «философией» в характерном для Джоберти понимании, т.е. с гуманитарным знанием, либерализмом и политическими свободами.

30-е годы XIX в. были отмечены активизацией политической дискуссии вокруг судеб Италии. Последовавшие за повторным разгромом карбонарских организаций (1830–1831), они характеризовались распространением новых, демократических проектов политического будущего Апеннинского полуострова. Развернулась бурная пропаганда идей Дж. Мадзини, деятельность созданного им общества «Молодая Италия». Джоберти был бесконечно далек от демократизма Мадзини, от его призывов к вооруженному выступлению против иноземных захватчиков (большая часть итальянского Севера, включая Милан и Венецию, относилась к Ломбардо-Венецианскому королевству в составе Австрийской короны). В эти годы молодой мыслитель находился под очарованием идеи о прямой связи между процветанием своей родины и расцветом в ней национальной философской школы. Слово *risorgimento* уже было в ходу, но оно пока (до 1847 г.) не приобрело нынешнего своего значения и писалось со строчной буквы. Джоберти считал очевидным наличие в Италии самостоятельной философской традиции, вполне сопоставимой с другими национальными школами и даже превосходящей их в некоторых аспектах. В своих письмах Джоберти проводит линию преемственности итальянской философии от Пифагора до А. Розмини. Основными этапами эволюции «итальянской философии» он считал философов элейской школы, латинскую святоотеческую литературу, философов-гуманистов и Дж. Вико. Себя он также относил к этой национальной школе. Идея об итальянской национальной школе

⁵ *Gioberti V.* Edizione nazionale. Epistolario. V. I. Firenze., 1927. P. 41–44. Письмо датировано апрелем 1830 г.

⁶ *Ibid.* P. 131–133. См. также: *Traniello F.* Op. cit.

в философии была не нова — схожие идеи высказывал в конце XVI в. Джордано Бруно⁷. В устах Джоберти она приобретала, тем не менее, особое звучание, поскольку напрямую увязывалась с проблемой поиска национальной идентичности, очевидно, еще не закрытой в 1830-е гг.

Мы точно не знаем, членом каких тайных обществ был Джоберти в эти годы. Видимо, он не состоял в «Молодой Италии», хотя опубликовал в одноименном журнале как минимум одну статью и поддерживал тесные отношения с некоторыми активными членами организации. Статья («Письмо в редакцию»), принадлежность которой перу Джоберти не подвергается сомнению (невзирая на псевдоним — Demofilo), была написана весной или летом 1833 г.⁸ и была опубликована в «Молодой Италии» в 1834 г. (К. Каттанео переиздаст ее в полемических целях в 1849 г., дав ей заголовок «О республике и христианстве», под которым она и известна сегодня). В ней Джоберти, в частности, сформулировал свои явные симпатии к республиканскому строю. Из философских «доктрин» автор выделил пантеизм («здоровый, моральный и религиозный») в качестве учения, «предопределенного к торжеству при единодушной поддержке всех добрых умов». Он отмечал, что пантеизм был присущ еще Дж. Бруно и Дж. Вико; его черты автор «Письма» находил и у Мадзини. Ситуация требовала, по мнению Джоберти, создания определенной «гражданской религии», преследующей цель «освобождения народов» (эта формула уже явно заимствована из риторики Мадзини). Создание же реальной религии не представлялось возможным («вне христианства религии нет»). Всё же наградой праведникам, соответствующей христианским ценностям «Спасения и Искупления», провозглашалось наступление «царства (Божьего. — И.А.) уже на этом свете»⁹.

В 1833 г., во время масштабной кампании по поиску членов тайных обществ в Сардинском королевстве, Джоберти сначала лишился должности при дворе, а затем по доносу был арестован и спустя 4 месяца выслан из пределов страны. Одновременно он лишился и благословения на служение в церкви. Поначалу Джоберти уехал в Париж, где свел знакомство со многими влиятельными интеллектуалами Июльской монархии. В декабре 1834 г. ему удалось устроиться преподавателем истории и философии в коллеж, основанный в Брюсселе

⁷ Некоторые моменты в малоизвестном сочинении Вико «О древнейшем знании итальянцев» (*Vico G. De antiquissima italorum sapientia ex linguae Latinae originibus eruenda* // Vici J.B. Opera omnia. V. I, Mediolani, 1835) могут также быть интерпретированы в соответствующем ключе. В текстах Вико вопрос об интерпретации часто не получает однозначного разрешения.

⁸ *Traniello F.* Op. cit. P. 603.

⁹ *Gioberti V.* Edizione nazionale. Epistolario. V. II. Firenze, 1927. P. 5–25.

другим итальянским эмигрантом. В коллеже обучались выходцы и из католических, и из протестантских семей. Новая интеллектуальная и религиозно-политическая обстановка, отличная и от туринского двора, и от бурных парижских дебатов, побудила Джоберти к размышлениям о роли революции в истории, конкретнее — о ценности парижского революционного импульса для событий в Италии. Одновременно мыслитель возвращается к религиозно-философским изысканиям, результатом которых становится публикация серии книг — «Теория сверхъестественного» (1838), «Введение в изучение философии» (1839–1840), «Письмо о философских и политических идеях г-на де Ламеннэ» (1841, первое сочинение на французском языке), «Письма о философских заблуждениях Антонио Розмини» (1841), а также нескольких менее масштабных работ.

1830-е годы стали временем острых дебатов между Джоберти и современными французскими авторами, главным образом — Ж. де Местром, Л. Бональдом и Ф. Ламеннэ. Уже в «Теории сверхъестественного» Джоберти тесно увязывал религиозную и политическую проблематику: «Условия политического существования народа основываются на предшествующих (этим условиям. — И.А.) условиях моральных». Главным пунктом, по которому туринец расходился с французскими философами, было сочетание принадлежности к католической церкви с требованием максимальной политической и религиозной свободы. В следующем сочинении («Введение в изучение философии») Джоберти анализирует состояние современной ему католической философии. Различные точки зрения укладываются от де Местра на одном фланге (олицетворяющем «деспотизм») до Ламеннэ на другом («вседозволенность», «анархия»). Тем не менее, противоположности имеют много общего: власть в теориях этих двух французских оппонентов выступает субъективной и самовольной, давая путь насилию и прихотям.

В 1843 г. вышло самое известное сочинение Джоберти — «О моральном и гражданском первенстве итальянцев», свидетельствовавшее об итогах значительной эволюции в сторону от мадзинизма, проделанной писателем. К анализу этого сочинения, сделанного В.С. Бондарчуком¹⁰, добавим, что своеобразное идейное наследие и монархические традиции управления Курии не были для Джоберти препятствием для осуществления папством новой политической роли. Тезис о превосходстве церковной власти над светской, на котором Курия основывала свои политические амбиции на протяже-

¹⁰ Бондарчук В.С. Национальная мысль и национальное сознание в Италии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М., 2005. С. 375–378.

нии всего Раннего Нового времени, мог, напротив, смягчить страсти и противоположные устремления отдельных государей Италии и установить между ними полную гармонию. После выхода в 1845 г. дополнения к «Первенству» («Прологомены к Первенству»¹¹) вспыхнула полемика с иезуитами. Как это часто бывает в идейном конфликте между церковной и светской мыслью, дискуссия велась посредством совершенно различных терминов и определений, причем в тех случаях, когда использовались одни и те же понятия, их наполнение также могло отличаться. Джоберти в «Первенстве» стремился опустить религию на землю, заставляя ее «упорядочивать и организовать земную жизнь»¹². Критики его отстаивали невозможность сведения к политическим, партийным потребностям того, что должно оставаться превыше всего в деятельности церкви — начала духовного и цивилизационного. Среди критиков Джоберти мы встречаем крупных идеологов Ордена Иисуса — Л. Тапарелли д'Адзелио и К.М. Курчи¹³. Ответом стали два памфлета¹⁴, в которых Джоберти полностью отошел от католической ортодоксии. Его слова упали на плодородную почву: критика иезуитов, прозвучавшая после избрания на папский престол Пия IX (1846), отлично сочеталась с невиданной ранее либерализацией общественной жизни не только в Папской области, но и в Италии в целом¹⁵. Это сделало философа исключительно популярной фигурой, символизировавшей надежды на перемены в церковной политике и обретение папой реальной политической силы в рядах либеральных реформаторов Италии. На-

¹¹ *Gioberti V. Prolegomeni del Primato morale e civile degli italiani*. Losanna, 1845.

¹² *Garin E. Storia della filosofia italiana*. V. 3. Torino, 1966. P. 1154.

¹³ *Curci C. M. Fatti e argomenti in risposta alle molte parole di Vincenzo Gioberti intorno a' Gesuiti nei Prolegomeni al Primato*. Napoli, 1845. Лучано Малуза считает, что по-настоящему резкой критика Джоберти стала лишь после публикации следующего труда Курчи — двухтомника 1848–1849 гг. (*Curci C. M. Una divinazione sulle tre ultime opere di Vincenzo Gioberti*. 2 vv. I Prolegomeni, il Gesuita moderno e l'Apologia. Paris, 1848–1849). См.: Vincenzo Gioberti e le Congregazioni romane. Il processo del 1849–1852. I giudizi, le procedure e la condanna nei documenti inediti dell'Indice e del Sant'Uffizio / A cura di L. Malusa, P. De Lucia. Pisa, 2011; *Malusa L. Dove vanno oggi gli studi sul pensiero di Vincenzo Gioberti? // Rivista Di Filosofia Neo-Scolastica*. Vol. 110, n. 1–2. 2018. P. 329–332. Это утверждение весьма сомнительно, так как нам хорошо известна и прохладная реакция на идеи Джоберти при папском дворе, и резкость в ответных репликах туринского философа, иначе остающаяся необъяснимой.

¹⁴ *Gioberti V. Il Gesuita Moderno*. 5 vv. Losanna, 1846–1847; *Idem*. *Apologia del libro intitolato Il gesuita moderno: con alcune considerazioni intorno al Risorgimento italiano*. Brusselle; Livorno, 1848.

¹⁵ Сочинение Джоберти «Il Gesuita moderno» попало в «Индекс запрещенных книг» 30 мая 1849 г. «заодно» с двумя книгами А. Розмини. Критике «Первенства» со стороны идеологов церкви в 1840-е гг. (иезуитов и не только), а также обстоятельствам помещения книги в «Индекс» посвящена монография Алессіо Леджьеро: *Leggiero A. Il Gioberti frainteso. Sulle tracce di una condanna*. Roma, 2013.

дежды оказались эфемерными и закончились разочарованием; последовавшие бурные перемены в жизни самого Джоберти являются прекрасной тому иллюстрацией.

В 1845 г. сардинский король Карл Альберт объявил политическую амнистию. Уже в следующем году Джоберти смог вернуться на родину, где был привлечен к государственной службе. Вершиной его карьеры стало участие в качестве министра без портфеля в кабинетах Ч. Бальбо (март–июль 1848 г.) и Г. Казати (июль–август 1848 г.), а затем — пост премьер-министра (16 декабря 1848 — 21 февраля 1849 г.). С восшествием на престол Виктора Эммануила 24 марта 1849 г. политическая карьера Джоберти стала клониться к закату. После пребывания чуть более одного месяца на должности министра образования (27 марта — 6 мая 1849 г.) он был отправлен послом в Париж, а затем уехал в Брюссель, где удалился от дел. Последним сочинением Джоберти стала книга «О гражданском обновлении Италии» (1850). 26 октября 1852 г. он скоропостижно скончался в Брюсселе.

В чем же причина взлета и последующего падения интереса к наследию В. Джоберти в XXI в.? Можно ли связывать их только с превратностями политической конъюнктуры?

Традиция критики наследия Джоберти требует, чтобы каждый из исследователей этого конгломерата идей в первую очередь обращал внимание на то, что отличало кругозор туринского философа от его собственного. Вот как писал об этом издатель трудов писателя Эдмондо Сольми (в переводе В.Ф. Эрн): «Философы находили Джоберти чересчур богословом, богословы — чересчур философом и подозревали его в рационализме; розминянцы объявили его пантеистом, пантеисты же смотрели на него, как на защитника христианства; политики изумлялись его высоким и оригинальным теориям и считали его неспособным к практической деятельности; метафизики считали его скорее политическим писателем и красноречивым государственным человеком, нежели истинным философом. Некоторые считали его обскурантом, ретроградом, *аббатом Джоберти*, другие же видели в нем философа без всякой религии и даже, быть может, атеиста»¹⁶.

¹⁶ *Gioberti V. La teoria della mente umana. Rosmini e rosminiani. La libertà cattolica. Milano, 1910. Prefazione. P. VI. Цит. по: Эрн В.Ф. Философия Джоберти. М., 1916. С. 10. Владимир Францевич Эрн (1882–1917) стал первым исследователем творчества Джоберти в России. Он подготовил диссертацию, которую успел опубликовать, но не защитить (см. выше), издал ряд статей. Его фигура была замечена в итальянской научной литературе, причем его вклад в изучение философии Винченцо Джоберти был оценен весьма высоко. См.: Salizzoni R. La ricezione di Gioberti in Russia. Vladimir Ern // *Giornata giobertiana*. Torino, 20 novembre 1998 / G. Riconda, G. Cuozzo (eds). Torino, 2000. P. 243–365.*

Нам представляется, что Джоберти выделяется среди современных ему политических мыслителей особым качеством своего федерализма. Дело не в том, что федерализм Джоберти связан с папством, а в том, что, по сравнению с Дж. Феррари и другими федералистами, он отталкивается не от текущей политической ситуации (например, решая, подобно другим мыслителям, кто займет ведущее положение в новом федеративном государстве), а от фундаментальных философских понятий. Кроме того, он делал из этих понятий прикладные выводы, понятные итальянскому обывателю. Занимавшиеся сходной проблематикой Дж.Д. Романьози и А. Розмини были менее понятны широкому кругу читателей, так как облекали свои мысли в абстрактную, подчеркнута «философскую» форму. Вследствие этого и выводы их гораздо менее ориентированы на практическое применение. Дж. Мадзини основывал свое учение на представлениях о справедливости и любви к родине, а не на глубоких фундаментальных истинах, носящих универсальный характер.

В 1990-х гг. сложилось понимание того, что именно Джоберти был автором первого в истории Италии федералистского проекта¹⁷, который, как казалось тогда, способен компенсировать все недостатки проекта унитарного (Мадзини) и восполнить врожденные недостатки единого итальянского государства. Этот факт сыграл известную позитивную роль в изучении наследия Джоберти, поскольку теперь его имя стали употреблять не только специалисты по истории политических идей в Италии XIX в., но и весьма далекие от этой темы и от истории вообще люди. С другой стороны, политики, журналисты и некоторые другие участники общеитальянской политической дискуссии, как правило, имели туманное представление о содержании идей Джоберти, о смысле, который он сам вкладывал в использованные им понятия. Одним словом, в начале XXI в. имя Джоберти стало популярнее, чем в предшествующую эпоху, но количество приписываемых ему политических идей существенно выросло.

В самом деле, Джоберти (в отличие от других современных ему сторонников итальянского федерализма) был далек от выделения отдельных регионов как элементов культурной и интеллектуальной панорамы Италии, отталкиваясь исключительно от реальных политических границ, существовавших на Апеннингах к середине 1840-х гг.

Перед всеми авторами политических доктрин Рисорджименто с 1830-х до конца 1860-х гг. стояла проблема судьбы старых госу-

¹⁷ Важные детали этого проекта были реконструированы в сочинении Джорджо Руми: *Rumi G. Gioberti. Bologna, 1999.*

дарств и связанных с ними людей. Аристократия, генералитет, другие элиты становились яркими противниками любой политической перспективы, влекущей потерю ими своих привилегий. Концепция Джоберти основывалась на казавшейся в середине 40-х гг. XIX в. очень привлекательной идее сохранить все привилегированные слои на своих местах, а объединение Италии провести в форме надстройки, основанной на ценностях теперь уже не национальных, а религиозных. Таким образом, в его конструкциях само понятие «федерализм» имело специфическое значение, основанное на традиции, а не на скрытом представлении жителей отдельных территорий о своем превосходстве над соседями. Об этом часто забывали, когда в 80–90-е гг. уже XX столетия пытались инструментализировать идеи и былую популярность Джоберти в интересах сепаратистских политических течений Северной Италии.

Отметим к слову, что неогвельфизм¹⁸ Джоберти так и остался единственной доктриной Рисорджименто, не основанной на неизбежном ослабевании политической роли папства. Дж. Канделоро рассматривал его сочинения в общем потоке литературы так называемых «умеренных» (в которой, помимо Джоберти и некоторых других, рассмотрены сочинения и Ч. Бальбо, и К. Тройя, и А. Росмини). Историк обнаружил общее для столь разнородных авторов обстоятельство — мысль о том, что в Средневековье вся европейская цивилизация вообще держалась на церкви. Опора на католическую традицию и на социальный прогресс в какой-то момент представлялась гарантией от засилья реакции и от излишеств демократии. Средневековое папство представало в трудах «умеренных» как вечный защитник Италии от захватчиков; церковь же виделась «вечным» проявлением итальянского духа, главным образом «благодаря вековому преобладанию итальянцев в управлении и организации католической церкви»¹⁹. В этом и заключается итальянское цивилизационное лидерство.

Как мы видели, Джоберти в большей мере, чем другие «умеренные», оставался активным участником международной философско-политической дискуссии. Несмотря на то, что он отстаивал идею итальянской национальной философии, а рядом последующих авторов рассматривался в качестве ее неотъемлемого элемента, он в тематике своих сочинений был гораздо более близок французской традиции. Его сочинения скорее свидетельствуют об углублявшейся

¹⁸ Это слово было изобретено Джузеппе Феррари, критиковавшим течение Джоберти, в качестве уничижительного эпитета, но в конце концов приобрело нейтральную коннотацию и получило всеобщее употребление.

¹⁹ *Канделоро Дж.* История современной Италии. Т. 2. М., 1961. С. 363.

интернационализации философской мысли, о формировании наднациональных тем и проблем, об интенсивном диалоге.

Нам представляется, что кризис, который переживает изучение наследия Джоберти в наши дни, связан с меняющимися представлениями об актуальности тех или иных его идей. Наиболее полное освещение в литературе получили представления туринского мыслителя о существовании и идентичности итальянской национальной философской школы применительно к XIX в. и в более широком временном контексте. Считается доказанным, что, несмотря на очевидную интернационализацию западной философской мысли в XIX — начале XX в., итальянская сохраняла известную автономность и своеобразие. Главной чертой ее было включение в философскую дискуссию сюжетов, более традиционно рассматривавшихся в других странах в русле политической экономии, политологии или социологии. Тема о своеобразии итальянской философии на фоне общеевропейской была на острие исследовательской актуальности еще совсем недавно²⁰.

Журналисты и общественные деятели рассматривают туринского философа в качестве одного из основателей федералистского направления в итальянской политической традиции, однако его федерализм, как мы видели, коренным образом отличается от понимания, распространенного в конце XX и самом начале XXI в. Многочисленные и чаще всего эфемерные политические группировки регионалистской направленности не имеют длительной традиции и генеалогически восходят к движению «Лига Севера», первую версию которой («Ломбардская лига») основал в 1982 г. Умберто Босси. Сегодня группы, считающие себя продолжателями федералистской идеи, на деле выступают с позиций автономизма, основывая свою пропаганду на констатации определенных преимуществ (культурных, экономических, демографических) своего региона на фоне окружающих. В некоторых случаях доходит до декларации программных установок на полную политическую независимость: достаточно вспомнить лозунг «Республики Падании», с которым У. Босси выступал в начале 1990-х гг. Очевидно, такое понимание «федерализма» коренным образом расходится с тем, что предлагал и обосновывал В. Джоберти в середине XIX в. Карло Каттанео, использовавший в качестве культурного и экономического ориентира родную Ломбардию, мог бы быть ближе к сегодняшним идеям практической политики. Можно предположить, что обращение к его на-

²⁰ См.: *Esposito R. Pensiero vivente. Origine e attualità della filosofia italiana*. Torino, 2010; *Il contributo italiano alla storia del pensiero / Ed. M. Ciliberto*. Roma, 2012; *Gentili D., Stimilli E. Differenze italiane. Politica e filosofia: mappe e sconfinamenti*. Roma, 2015.

следию также имеет свои утилитарные пределы: идея «Соединенных Штатов Европы», которую он разделял с Мадзини, сегодня реализована на практике, причем по совершенно другому сценарию.

В свою очередь, историки стремятся определить место наследия Джоберти в общей эволюции политико-философской мысли в Европе и, отдельно, в Италии. Этот подход меньше зависит от сиюминутной политической конъюнктуры и, следовательно, почти невосприимчив к колебаниям интереса, основанного на представлениях об актуальности темы. Стремление обнаружить в тех или иных мыслителях «предвестников» или «предтеч» современных идей в целом уже преодолено наукой. Перед специалистами-историками, впрочем, встает качественно иная проблема. Идеиное наследие Винченцо Джоберти предстает в качестве монолита, единого комплекса, единственный вектор развития которого заключается в устранении тех или иных противоречий, наличествующих в первых произведениях философа. Такое статичное понимание идейного наследия (схожая проблема относится и к изучению трудов других ведущих мыслителей Рисорджименто, и не только) препятствует плодотворному его изучению. Очевидно, что противоречивые искания мыслителя сами по себе являются важным документом эпохи, в данном конкретном случае — интересной характеристикой духовного климата Реставрации в Италии и июньской монархии во Франции, франко-итальянского культурного диалога и атмосферы первых лет понтификата Пия IX. Тот факт, что представления Джоберти о важнейших вопросах будущего Родины менялись вместе с переменной во взглядах на фундаментальные философские проблемы, свидетельствует не об отсутствии «верности» мыслителя той или иной доктрине, а скорее о готовности его развиваться и извлекать из споров и полемик стимулы для такого развития. Это обстоятельство в перспективе способно привлечь к фигуре Винченцо Джоберти внимание нового поколения исследователей.

References

Andronov I.E. *Giuseppe Mazzini: molodyye gody* [Giuseppe Mazzini: The Early Years]. Saint Petersburg: Aleteia, 2009. 359 p.

Bondarchuk V.S. *Natsional'naya mysl' i natsional'noye soznaniye v Italii* [National Thought and National Consciousness in Italy] // *Natsional'naya ideya v Zapadnoy Yevrope v Novoye vremya. Ocherki istorii* [National Idea in Western Europe in Modern Times. Essays in History]. Moscow: Veche, 2005. P. 375–378.

Candeloro G. *Istoriya sovremennoy Italii* [Storia dell'Italia moderna]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1961. 569 p.

Il contributo italiano alla storia del pensiero / Ed. M. Ciliberto. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2012. 793 p.

Curci C.M. *Fatti e argomenti in risposta alle molte parole di Vincenzo Gioberti intorno a' Gesuiti nei Prolegomeni al Primato*. Napoli: Stamperia e cartiere del Fibreno, 1845. 364 p.

Curci C.M. *Una divinazione sulle tre ultime opere di Vincenzo Gioberti. I Prolegomeni, Il Gesuita moderno e l'Apologia*. Paris: G. Renouard et Poussielgue-Rusand, 1849. Vol. 1. 525 p.; Vol. 2. 618 p.

Ern V.F. *Filosofiya Gioberti* [Gioberti's Philosophy]. Moscow: Put', 1916. 351 p.

Esposito R. *Pensiero vivente. Origine e attualità della filosofia italiana*. Torino: Einaudi, 2010. 265 p.

Garin E. *Storia della filosofia italiana*. Vol. 3. Torino: Einaudi, 1966. 1383 p.

Gentili D., Stimilli E. *Differenze italiane. Politica e filosofia: mappe e sconfinamenti*. Roma: Derive Approdi, 2015. 334 p.

Leggiero A. *Il Gioberti frainteso. Sulle tracce di una condanna*. Roma: Aracne, 2013. 263 p.

Mack Smith D. *Modern Italy. A Political History*. New Haven; London: Yale University Press, 1997. 534 p.

Malusa L. *Dove vanno oggi gli studi sul pensiero di Vincenzo Gioberti? // Rivista Di Filosofia Neo-Scolastica*. Vol. 110. N 1–2. 2018. P. 329–332.

Rumi G. *Gioberti*. Bologna: Mulino, 1999. 111 p.

Salizzoni R. *La ricezione di Gioberti in Russia. Vladimir Ern // Giornata giobertiana*. Torino, 20 novembre 1998 / G. Riconda, G. Cuozzo (eds). Torino, 2000. P. 243–365.

Traniello F. *Gioberti, Vincenzo // Dizionario biografico degli italiani*. Vol. 55. Roma: Treccani, 2001. P. 601–612.

Vici J. *De antiquissima italorum sapientia ex linguae Latinae originibus eruenta // Vico G.B. Opera omnia*. Vol. I. Milano: Società tipografica de' classici italiani, 1835, 956 p.

Vincenzo Gioberti e le Congregazioni romane. Il processo del 1849–1852. I giudizi, le procedure e la condanna nei documenti inediti dell'Indice e del Sant'Uffizio / A cura di L. Malusa, P. De Lucia. Pisa; Roma: Serra, 2011. 304 p.

Поступила в редакцию

16 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-41-69

Я.В. Леонтьев

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ЯКОВА БРАУНА
(1889–1937)**

Ya. V. Leontiev

**JACOB BROWN'S POLITICAL BIOGRAPHY
(1889–1937)**

Аннотация. В статье рассматриваются малоизученные аспекты биографии видного политического деятеля, литературного критика, публициста и прозаика Якова Вениаминовича Брауна с целью воссоздания во всей полноте общественно-политической деятельности этой многогранной личности. Исследуются, в том числе, неосуществленные литературные проекты, связанные с левоэсеровским движением, а также вехи репрессий в отношении Брауна. Изучение биографии Я.В. Брауна базируется на материалах архивно-следственных дел, комплексе газетных и журнальных материалов, документах РГАСПИ и РГАЛИ. Большинство источников впервые вводятся в научный оборот. На протяжении 1917–1933 гг. Браун являлся активным участником эсеровского и левоэсеровского движения, входя в 1918–1919 гг. в состав Всеукраинского комитета ПСР, в 1920–1921 гг. был членом-секретарем партии левых социалистов-революционеров (синдикалистов) Украины, в 1922–1923 гг. принадлежал к ЦК Объединенной партии левых с.-р. Украины и входил в состав Центрального бюро Объединения левого народничества (Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов), участвовал и выступал в качестве докладчика на партийных съездах и конференциях. Во время пребывания (с перерывами) в тюрьмах и ссылках в 1923–1933 гг. Браун оставался на левонароднических позициях и поддерживал контакты с единомышленниками. Однако разрыв с ними не спас его от ареста и расстрела в 1937 г. Деятельность Брауна в ка-

Леонтьев Ярослав Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова

Leontiev Yaroslav Viktorovich, Doctor in History, Associate Professor, Professor, Department of History of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

leoyar@mail.ru

ORCID: 0009-0003-3709-0070

честве партийного публициста прослеживается по публикациям в газетах «Народное дело», «Борьба», журналах «Клич», «Знамя», «Народное просвещение», сборнике «Пути революции». Представляют интерес и неосуществленные литературные проекты книгоиздательства «Революционное творчество» и одноименного журнала, в которых предполагалось участие Иванова-Разумника и Сергея Есенина. Особого внимания заслуживает письмо Брауна И.З. Штейнбергу с упоминанием о его лекции «Есенин и Маяковский» в Харькове весной 1922 г. и письмо Владимиру Маяковскому от 8 ноября 1927 г., в котором Браун рассказывает о задуманной им книге «Есенин и Маяковский».

Ключевые слова: левые социалисты-революционеры, борьбисты, синдикалисты, Елисаветград, книгоиздательство «Революционное творчество», репрессии.

Abstract. The article concerns the little-studied aspects of the biography of the prominent political figure, literary critic, publicist and prose writer Yakov Veniaminovich Braun in order to reconstruct in its entirety the social and political activity of this multifaceted personality. The author examines the unrealized literary projects connected with the left-wing Socialist Revolutionary movement and repressions against Braun. The study is based on the archival and investigative materials, publications in newspapers and magazines, documents of the Russian State Archive of Socio-Political History and the Russian State Archive of Literature and Art. Most of the sources are introduced into scientific discourse. Throughout 1917–1933, Braun was an active participant in the Socialist Revolutionary and Left Socialist Revolutionary movements, member of the All-Ukrainian Committee of the Socialist Revolutionary Party in 1918–1919, secretary of the Party of Left Socialist Revolutionaries (syndicalists) of Ukraine in 1922–1923, member of the Central Committee of the United Left Socialist Revolutionary Party of Ukraine in 1922–1923 and the Central Bureau of the Association of Left Narodnik Movement (Association of the Party of Left Socialist Revolutionaries and the Union of Socialist Revolutionary Maximalists). He participated and acted as a speaker at party congresses and conferences. During his imprisonment and exile (with interruptions) in 1923–1933, Braun followed a left Narodnik direction and maintained contacts with like-minded people. However, breaking with them did not save him from arrest and execution in 1937. Braun's activities as a party publicist can be traced through his articles in the newspapers *Narodnoe Delo* and *Bor'ba* and magazines *Klich*, *Znamya* and *Narodnoe Prosveshchenie*, as well as in the collection of articles *Puti revolutsii*. Also of interest are the unrealized literary projects of the publishing house “Revolutionnoye Tvorchestvo” and the magazine of the same name with the participation of Ivanov-Razumnik and Sergei Esenin. Particularly noteworthy is the letter from Braun to I.Z. Steinberg with a mention of his lecture titled *Esenin and Mayakovsky* in Kharkov in the spring of 1922 and a letter to Vladimir Mayakovsky dated November 8, 1927, in which Braun narrates about the book *Esenin and Mayakovsky* that he planned to write.

Keywords: left socialist revolutionaries, *bor'bists*, syndicalists, Elisavetgrad, publishing house “Revolutionnoye Tvorchestvo”, repressions.

В последние три десятилетия личность и творчество одаренного писателя, литературного и театрального критика и одновременно крупного политического деятеля Якова Вениаминовича Брауна (1889–1937) привлекает внимание исследователей. Однако Браун известен преимущественно в качестве литератора, в первые годы НЭПа заведовавшего отделом «Театр и книга» в журнале «Театр и музыка», литературного сотрудника и автора журналов «Жизнь искусства», «Новая Россия», «Сибирские огни» и др. Политическая же биография Брауна изучена пока совершенно недостаточно.

В 1992 г. известная новосибирская исследовательница, историк литературы Н.Н. Соболевская, назвавшая Брауна «человеком ренессансного склада», выпустила монографию «Страницы советской литературной критики 20-х годов (В. Правдухин, Я. Браун)»¹. В 1993 г. видный исследователь истории народничества Б.С. Итенберг в соавторстве с историком русской философии и общественной мысли А.И. Володиным проанализировал выступление Брауна на вечере в честь столетнего юбилея П.Л. Лаврова². В 1999 г. О.А. Сушковой были опубликованы два художественных произведения Брауна (рассказ «Глаза» и повесть «Гамбит дьявола») в сборнике произведений репрессированных авторов «За что? Проза, поэзия, документы»³. В том же году мною была опубликована статья «Харьковские революционеры духа и читинские скифы. (Из истории литературных связей левых народников)», одним из главных героев которой стал Браун⁴. В 2007 г. во Франции вышла книга прозы Брауна «Гамбит дьявола» в переводе Г. Аккерман⁵. В 2016 г. в сборнике «Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха» мною были опубликованы фрагменты работы Якова Брауна «Культура революционного крестьянства»⁶.

Настоящие фамилия, имя и отчество Я.В. Брауна — Израиль Беньяминович Броун. Он родился в Елисаветграде (ныне Кропивницкий), уездном центре Херсонской губернии, в небогатой ме-

¹ Соболевская Н.Н. Страницы советской литературной критики 20-х годов (В. Правдухин, Я. Браун). Новосибирск, 1992.

² Володин А.И., Итенберг Б.С. Наследство П.Л. Лаврова в идейной борьбе 1920-х годов // Отечественная история. 1993. № 5. С. 63-66.

³ За что? Проза, поэзия, документы / Сост. В. Шенталинский, В. Леонович. М., 1999.

⁴ Stanford Slavic Studies. 1999. Vol. 20. P. 102–118.

⁵ Braun Ya. Le gambit du diable. Paris, 2007.

⁶ Леонтьев Я.В. Неизвестная статья Якова Брауна о Сергее Есенине и крестьянских поэтах // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: Сб. научных трудов. Т. 4. М.; Константиново; Рязань, 2016.

щанской семье. По окончании шестиклассного городского училища поступил в последний класс Коммерческого училища. С 15-летнего возраста юноша зарабатывал уроками, с этого же времени пробовал писать стихи и прозу. Его печатным дебютом была серия «психологических этюдов» из жизни молодежи в киевском журнале «Клич» в 1912 г.⁷ В то же время, с 1909 по 1914 г., он был участником молодежных эсеровских кружков в родном городе и за границей, куда выехал в 1912 г. для продолжения образования. В юношеском кружке в Елисаветграде Израиль вместе со сверстниками читал и обсуждал произведения П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского; за границей он участвовал в кружке, в котором вел занятия основатель неонароднической партии СЕРП (Социалистической еврейской рабочей партии) М.Б. Ратнер. Прочувшись вплоть до Первой мировой войны в Технологическом институте в австрийском городе Грац (параллельно он занимался в консерватории), Броун за несколько дней до начала войны вернулся в Россию. Он состоял на воинском учете в Елисаветграде, но в армию не призывался (вероятно, по состоянию здоровья). К этому периоду относится его женитьба на своей сверстнице Фанни Григорьевне Блюмкиной (1890–1964), окончившей в 1911 г. женскую гимназию в Елисаветграде. Была ли первая жена Брауна (носившая затем именно эту фамилию) в родственных отношениях со знаменитым террористом и разведчиком Я.Г. Блюмкиным, не выяснено. Но, так или иначе, она тоже принадлежала к эсерам и со временем стала среди них достаточно заметной фигурой.

В 1917 г. Броун, хорошо подкованный в теоретическом плане сторонник революционного народничества, оформил формальное членство в партии эсеров, поддерживая первоначально центристское течение. (По другим сведениям, он вступил в ПСР еще во время пребывания за границей). После Февральской революции он возглавил общестуденческое социалистическое объединение в родном городе и начал сотрудничать в московском журнале «Клич», выходявшем под редакцией известного анархиста, приват-доцента, в дальнейшей профессора Московского университета А.А. Борового. По замыслу редактора, этот журнал должен был стать печатным органом Федерации работников умственного труда, которую начал создавать Боровой. В его личном фонде в РГАЛИ сохранилось яркое письмо Израиля Броуна этого периода (датировано 4 сентября 1917 г.), хорошо его характеризующее:

«Чувствую себя виноватым пред Вами за безобразно долгое молчание. Но не забывчивость и не лень виною: вот уже около двух

⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-36036. Т. 1. Л. 9.

месяцев, с 10 июля, как я объезжаю города и городишки нашего края по поручению Елисаветградской организации партии социал-революционеров и читаю лекции по вопросам нашей программы и тактики, а также по вопросам текущего момента. Впрочем, в двух местах (в г. Елисаветград и в г. Берислав) я читал лекцию “Революция и задачи трудовой интеллигенции» — и прошли они столь необычно-красиво, при таком пылком, чутком внимании аудитории, что я минутами думал, что все люди — в самом деле — братья.

Обычно же я читаю темы: 1) “Революционная Россия и задачи Учредительного собрания”, 2) “Революция и контр-революция”, 3) “Программа, история и тактика партии с.-р.”; 4) “Партия народ[одной] своб[оды] при свете социалистической мысли” (самая злая лекция, из всех лекций и речей, каких я когда либо где либо читал, произносил или слышал), 5) “Мировая война и развал Интернационала”...

За это время я читал минимум 25–30 раз... Числа митингов, собраний, мною устроенных, я не помню... В маленьких еврейских местечках меня хотели побить сионисты, а в маленьких русских городках офицеры-корниловцы...

Но это только вносит разнообразие в мою работу. Главное, кругом такая тьма, неразумие, недоумение, глупость и невежество, что воинский писарь при желании мог бы стать культурным работником... Работаю я много, очень много: неделями не сплю, или сплю, прикорнув к окну поезда, а то и к плечу соседа... Не представляю себе, как это я мог бы успокоиться хоть на неделю до Учредительного собрания... Никогда бы не поверил, что из меня — такой пылкий политический работник выйдет... Одновременно оставляю в провинциальных газетках небольшие статьи по вопросам момента. Если в лекциях я еще спокоен и объективен, то в газ[етных] статьях не могу удержаться от политики, от задора и сарказма... Кого я совсем не выношу — так это кадетов на российской улице и сионистов — на еврейской... Очень не люблю также “украинцев-самостийников”⁸.

В это же время Броун становится членом уездного комитета эсеров и соредактором «Известий» Елисаветградского Совета. Достаточно быстро приобретя журналистскую известность, он с этого времени превратился в Якова Брауна. После установления первой Советской власти на Украине и раскола партии эсеров, он остался в рядах так называемых «правых» эсеров. С данным газетно-агитпроповским клише, позже переживавшим в историографию, он был категорически не согласен и, подобно большинству эсеровских

⁸ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 292. Л. 7–9.

ортодоксов-учредителей, являлся эсером центра, занимая оппозиционную нишу в советских органах. Это выразилось, в частности, в его горячей поддержке вооруженного выступления местных рабочих против захватившего Елисаветград анархистского отряда М.Г. Никифоровой (легендарной Маруси) и пришедших к ней на помощь войск красного военачальника А.М. Беленковича 11–13 марта 1918 г.

С приходом немцев и провозглашением зависимой от них Украинской державы П.П. Скоропадского Броун вошел в состав Центрального штаба по борьбе с гетманщиной (в этот орган входили представители восьми партий, включая большевиков) и был избран членом Всеукраинского комитета ПСР. По его собственным словам, за повстанческую агитацию среди крестьян он был приговорен оккупантами к повешению. Вследствие этого ему пришлось бежать из Елисаветграда и курсировать между разными городами. Так, в Киеве Броун под измененной на «Браун» фамилией вошел в редколлегию партийной газеты «Народное дело» — органа Всеукраинского Комитета ПСР, и продолжал принимать деятельное участие в эсеровском подполье. В это время он также пользовался еще одним литературным псевдонимом: «И. Веков». Известен факт его участия в пленуме Всеукраинского комитета 15–19 апреля 1918 г.⁹

Согласно газетному отчету, на пленуме Браун по-прежнему представлял Елисаветград. Заслуживает внимание его выступление с отчетным докладом о ситуации в уезде:

«Выборы в украинское учредительное собрание прошли при абсентеизме¹⁰ в 80–90 процентов; в некоторых селах совершенно не производились выборы; в Голте из 2.600 избирателей явилось к урнам 4 человека. Крестьянский съезд, собравшийся в первых числах апреля, принял резолюцию о назначении новых выборов в украинское учредительное собрание. В этой же резолюции были высказаны пожелания о немедленном созыве Всероссийского Учредительного Собрания, федерации с Россией, критиковались проекты набора и отчуждения хлебных излишков. На съезде большинство крестьян примыкало к российским эсерам (45 человек), меньшинство к украинским с.-рам и с. д. (35 чел.); на съезде присутствовал представитель коменданта, потребовавший под угрозой разгона съезда пересмотра резолюции, после чего была принята резолюция

⁹ Народное дело (Киев). 17 апреля 1918 г. № 6. С. 2.

¹⁰ Абсентеизм — уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах, или, в более широком понимании, политическое поведение, характеризующееся бездействием, т.е. уклонением от какого-либо политического участия, но главным образом подразумевается уклонение от своих прямых электоральных функций.

украинских эсеров, предложивших требовать в украинском учредительном собрании федерации с Россией и созыва Всероссийского Учредительного Собрания. В деревнях отношение к украинским социалистам недружелюбное, партийной организации приходилось удерживать крестьян от активных выступлений. Крестьяне были взволнованы комендантским объявлением, в одном из пунктов которого требовалось вносить арендную плату помещикам. На соединенном заседании земельного комитета, продовольственной управы, представителей земского самоуправления, совета крестьянских депутатов, союза земельных собственников и горожан немецкой национальности (присутствовали с совещательным голосом) было решено потребовать исключения вышеназванного пункта. После заявления земельного комитета о том, что он ручается за посев земли, требование совещания было удовлетворено.

Совет рабочих депутатов функционирует; из 147 членов совета 50 меньшевиков и бундовцев, 28 эсеров и 12 серповцев¹¹. В исполнительном совете крестьянских депутатов из 15 человек — 9 российских эсеров, 4 украинских и 2 беспартийных. Деятельность партий оживает; митинги разрешаются, но иногда, ораторы арестовываются. Профессиональные союзы довольно сильны. Украинский комендант Базилевич предписал городской думе в течение трех дней снять красный флаг: протесты думы и рабочих возымели свое действие и флаг продолжает красоваться. Из газет выходит только известия социалистических партий (с.-р. меньшевики, бунд и е. с.¹²).

Вплоть до начала 1919 г. Браун оставался в составе Исполкома Елисаветградского Совета рабочих депутатов, представляя в нем эсеров. Установившиеся в этот период контакты с другими революционными и рабочими организациями способствовали его избранию в Киевский Совет рабочих депутатов после возвращения на Украину так называемой «второй» Советской власти. На первом же заседании Киевского Совета 13 февраля 1919 г. он выступил с небольшой речью, подчеркнув для начала, «что его партия просто с.-р., а не “правые” с.-р., как принято называть ее». Заявив о том, что «положение трудное», Браун, согласно газетному отчету, произнес: «Нет данных констатировать теперь, что началась мировая революция. Но все же таки у нас хватает мужества из двух фронтов избрать революционный. Мы проклинаяем гражданскую войну, но идем на нее, ибо другого выхода нет, ни одна партия не может остаться вне

¹¹ Имеются в виду члены Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП).

¹² Очевидно, еврейские социалисты.

баррикад»¹³. При этом Браун заявил, что «коммунисты совершают в земельном вопросе ошибку», проводя вместо социализации земли национализацию, и потребовал «большей ясности» от декларации большевистского правительства Х.Г. Раковского.

Прошедшая в Киеве в марте Всеукраинская конференция эсеров центра выдвинула лозунг «единого социалистического фронта». Ей предшествовало состоявшееся общее собрание Киевской организации ПСР, на котором была принята резолюция «с признанием диктатуры трудового народа, как единственной формы власти, способной закрепить завоевания революции». В обоих случаях тон во многом задавал входивший в состав Президиума Всеукраинского комитета ПСР и возглавлявший эсеровскую фракцию в Киевском Совете Яков Браун.

Тем не менее, колебания эсеров в лице центральных и местных органов партии по-видимому вызывали у него сомнения в целесообразности оставаться в дальнейшем в рядах ПСР. 11 мая Браун вначале сложил с себя членство во Всеукраинском комитете, а затем 8 июня киевская газета «Борьба» — печатный орган выступавшей за продолжение союза с большевиками (в отличие от большинства ортодоксальных и левых эсеров) Украинской партии левых социалистов-революционеров (борьбистов) — поместила его заявление в ЦК этой новообразованной партии следующего содержания:

«Считая, что ныне, в суровые дни мирового кризиса социальной революции, ни один социалист, ни один революционер, и, тем более, ни одна революционно-социалистическая партия не вправе оставаться вне баррикад или между баррикадами революционной борьбы за диктатуру трудящихся классов, полагая в то же время, что партия социалистов-революционеров (центра), в рядах которой я активно работал до последнего времени, бессильно болтается “без руля и ветрил” между баррикадами, между фронтами мировой схватки труда и капитала, — я, доводя до сведения трудящихся масс о своем выходе (1 июня) из партии с.-р., настоящим обращаюсь к Ц.К. у. п. лев. с.-р. (борьбистов) с просьбой зачислить меня в число членов укр[аинской] партии левых с.-р. (борьбистов)»¹⁴.

Переход в ряды борьбистов открыл для Брауна более широкую возможность печататься в советской прессе. Под его редакцией в Киеве начал выходить орган Наркомпроса Украины «Народное просвещение» (№ 1 вышел в июле 1919 г. в Киеве), вскоре, однако, прекращенный из-за прихода денкинцев. Именно в нем был опублико-

¹³ Известия Киевского Совета рабочих депутатов. 8 февраля 1919 г. № 3. С. 3.

¹⁴ Борьба (Киев). 8 июня 1919 г. № 93. С. 4.

ван текст большой статьи «Культура революционного крестьянства». В трех номерах «Борьбы» Браун поместил статью «Судьбы народников и народничества», в которой подверг разбору все существовавшие на тот момент эсеровские и левоэсеровские группировки¹⁵.

На некоторое время Браун по решению ЦК борьбистов перебирается в Москву, где ему был поручен важный участок партийной работы в качестве представителя партии во Всероссийском бюро по объединению революционного народничества¹⁶. С изгнанием денкинцев столицей Советской Украины 19 декабря 1919 г. становится Харьков. Яков Браун играл заметную роль в его политической жизни в качестве редактора органа ЦК газеты «Борьба» и председателя Харьковского комитета партии борьбистов, вошедшей в коалиционные органы власти вместе с украинскими коммунистами и национал-революционными «боротьбистами». Его снова избирают в Совет, он постоянно выступает на различных митингах, соперничая с большевиками и меньшевиками и приобретая славу популярного оратора и опытного полемиста. В нескольких номерах «Борьбы» Браун публикует программную статью «На пути к объединению партий революционного социализма», в которой ратует за интеграционные процессы.

Летом 1920 г. перед борьбистами встала дилемма: одни из них выступали за самороспуск с последующим вступлением в КП(б)У, другие ратовали за сохранение партии на платформе революционного синдикализма. Накануне ликвидационного съезда произошел раскол, после чего постановлением Политбюро ЦК борьбистов Браун и группа его сторонников были исключены из партии¹⁷.

В августе 1920 г. произошло образование партии левых социалистов-революционеров (синдикалистов) Украины, на учредительном съезде которой в Киеве Браун был избран членом ее ЦК. Теперь уже от лица этой партии Браун выступал в качестве партийного оратора и лектора. 27 августа он выступил на районном съезде химической промышленности в Киеве, полемизируя с большевиками и меньшевиками с позиций синдикализма. В том же месяце он прочел две лекции: «Сыны и певцы трудовой деревни» в общестуденческом клубе и «От разрушения к созиданию» в клубе эсеров-максималистов. В этот период он пользовался псевдонимом «Б. Ивин»

¹⁵ Борьба (Киев). 22 июля 1919 г. № 129. С. 1; 24 июля 1919 г. № 131. С. 1; 26 июля 1919 г. № 133. С. 1.

¹⁶ Подробней см.: *Леонтьев Я.В.* К истории создания Партии революционного социализма // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

¹⁷ Борьба (Харьков). 17 июля 1919 г. № 163. С. 1.

Затем последовало объединение синдикалистов с умеренным крылом Украинской ПЛСР (интернационалистов), выступавшим за легализацию на условиях прекращения вооруженной борьбы с большевиками. Сохранилась «Справка», составленная Брауном в качестве члена-секретаря ЦК объединенной партии 14 декабря 1920 г. для Политбюро ЦК КП(б)У, где он уточняет слагаемые этого союза:

«Объединенная партия левых с.-р. Украины возникла 10-го сентября с.г. путем слияния партии левых с.-р. (синдикалистов) Украины с Укр[аинской] пар[тией] левых с.-р. интернац[ионалистов] (меньшинства).

В свою очередь партия лев[ых] с.-р. (синдикалистов) окончательно сформировалась на Учредительном Съезде партии в Киеве (20–24 июля с.г.), в процессе собирания значительных неликвидаторских элементов быв[ших] лев[ых] с.-р. (борьбистов), оставшихся верными левонародническому мировоззрению и выкристаллизовавшихся синдикалистские требования в области экономики. <...>

После раскола, произошедшего на укр[аинской] конференции пар[тии] левых с.-р. (интернационалистов) 7–10 сентября, меньшинство которой покинуло съезд из-за крупных тактических разногласий с большинством ее, выяснилась полная тождественность программно-тактических позиций л.с.-р. (синдикалистов) и л.с.-р. интернационалистов (меньшинства), в виду чего обе партии слились в «Объединенную партию л.с.-р. (синдикалист[ов] и интернационалист[ов]) Украины».

Акт объединения сопровождался выпуском специальной декларации от имени ЦК объединенной партии, в которой задачи партии в области экономической формулируются в форме признания необходимости разгрузки государства от социально-культурных и экономических функций и их передачи профессионально-производственным объединениям пролетариата и трудового крестьянства; в области политической — в форме признания необходимости возрождения советской демократии.

18-го ноября в Москве процесс объединения завершился путем слияния объединен[ой] партии левых с.-р. Украины с л. с.-р. интернац[ионалистами] (группы «Знамя» <...>).

Органом партии является в Москве журнал «Знамя» (с № 5), руководимый т. И. Штейнбергом. Таким образом, партия во всей Сов[етской] России вступила на путь легального существования и реального сотрудничества с Советской властью»¹⁸.

¹⁸ ЦДАГО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 102–103.

После освобождения И.З. Штейнберга из Бутырской тюрьмы летом 1919 г. с санкции Ф.Э. Дзержинского его сторонники именовались «легалистами», или «штейнберговцами», иногда «знаменцами». Еще в августе того же года, вопреки возражениям группы членов ЦК во главе с Марией Спиридоновой, Центральный Комитет ПЛСР по настоянию Штейнберга принял «Тезисы» об изменении тактики в сторону единого революционного фронта с большевиками и поддержки Красной армии. Осенью штейнберговцы провели серию переговоров с Л.Б. Каменевым и другими высокопоставленными коммунистами, на которых было выработано окончательное соглашение. В 1920 г. произошла легализация этой части партии левых эсеров, и Штейнберг от их имени был даже допущен к выступлению на VIII Всероссийском съезде Советов.

Вскоре между российскими и украинскими левозеро-евскими легалистами было достигнуто соглашение об объединении в формате конфедерации. После переговоров с Союзом эсеров-максималистов и сторонниками Б.Д. Камкова штейнберговцы достигли договоренности о проведении общепартийного всероссийского съезда, впервые после 1918 г. Однако после выступления моряков в Кронштадте, происходившего под левозеро-евско-максималистскими лозунгами, правящая партия предприняла новые аресты левых социалистов.

Как раз в марте 1921 г. Яков Браун был избран товарищем (заместителем) председателя оппозиционной беспартийной рабочей конференции в Харькове, собравшей 2000 делегатов, за участие в которой он подвергся аресту. Хотя в своих показаниях на следствии в 1933 г. он утверждал, что будто бы до конца года оставался в политическом концлагере, на деле летом того же года Браун был уже на свободе в Харькове, о чем свидетельствует его участие в Совете партии в июне 1921 г. На этом форуме он внес резолюцию «Об организационном объединении левонародничества»:

«Считая, что теоретическая разработка программы рев[олюционного] соц[иалистического] синдикализма и практическая пропаганда, агитация и организация трудящихся масс вокруг наших идеалов требует организационного сплочения и консолидации сил левонародничества, синдикалистски мыслящего, съезд партии поручает ЦК энергично продолжать свою работу в направлении скорейшего и полного организационного объединения левонародничества на основе наших синдикалистских и левонароднических программно-тактических положений»¹⁹. В перехваченном чекистами письме И.З. Штейнбергу он взывал: «Нужно ускорить объединение левона-

¹⁹ ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Д. 51690. Л. 31.

родничества, ибо все, идущие с нами к объединению левонародников, укрепят количественно, морально, качественно нашу линию ориентации на трудовой народ, на самих себя и международное синдикалистское движение ...»²⁰.

Вскоре Браун вместе с женой снова оказался под арестом и был заключен в политизолятор Всеукраинской ЧК в Харькове. В ноябре последовало его освобождение. 21 декабря 1921 г. он адресовался из столицы УССР в Москву к известному левозеровскому деятелю, в прошлом одному из организаторов литературного объединения «Скифы» С.Д. Мстиславскому:

«Уважаемый Сергей Дмитриевич! <...>

Мы здесь на Украине, затеваем кн[издатель]ство (беспартийное, левонародническое) «Революционное Творчество», выпускаем лит[ературно]-художеств[енный] сборник при участии С. Есенина, Пастернака, А. Чапыгина, Н. Клюева, И. Штейнберга, В. Карелина, Л. Вершинина, Г. Петникова, Иванова-Разумника, моем, Арнаутова и др. Мы были бы больше, чем рады, получить от Вас статью на тему «Революция и театр». Общая тема (не название) сборника: «Революция Духа». Предполагаемые статьи: «Скифство и мещанство в революции» В. Карелина, «Футуризм и имажинизм, как социальные явления» (моя), «Роль личности в революции» (И. Штейнберга), «Литература и революция» (Ив[анова]-Раз[умника]), и др. <...>

Гонорар вышлем тотчас же по получении от Вас материала»²¹.

Не вызывает сомнения, что Браун лично либо через посредников делал предложения об участии в сборнике потенциальным авторам и вел с ними переговоры о гонорарах. Можно вполне определенно говорить о его личном знакомстве с другом и соратником Велимира Хлебникова, «будетлянином»²² Г.Н. Петниковым, который заведовал литературно-издательским отделом Харьковского губернского литературного комитета, и с Сергеем Есениным, о чем засвидетельствовала младшая дочь Брауна. Вместе с Петниковым и прозаиком А.П. Чапыгиным (председателем гублиткома) Браун еще в феврале 1920 г. принимал участие в «литературных митингах» в харьковских Народном и Рабочем домах.

Упомянутый в письме Л. Вершинин — это видный деятель левозеровского движения в Казани, а позднее на Украине Леонид Сергеевич Венецианов (1896–1937). Он был известен и как поэт,

²⁰ Там же.

²¹ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1 Д. 261. Л. 1.

²² Термин был изобретен (образован от словоформы «будет») Велимиром Хлебниковым для обозначения деятелей искусства футуристического толка.

под псевдонимом «Л. Вершинин» выпустил стихотворный сборник «Лилия на крови». Василий Алексеевич Арнаутов (1881–1937) был также заметным деятелем левоэсеровского движения в Одессе и Харькове.

Интересно, что в архивно-следственном деле соратника Брауна по ЦК Объединенной партии левых эсеров (синдикалистов и интернационалистов) Украины М.А. Шелонина сохранился черновик заявления от имени Центрального Комитета во Всеиздат (всеукраинский аналог Госиздата) от 26 ноября 1920 г. о разрешении на издание «литературно-художественного, социально-политического и экономического» ежемесячного журнала «Знамя борьбы» с участием Я. Брауна, И.З. Штейнберга, С. Есенина, имажиниста А. Кусикова, писателя Ефима Зозули и др. Таким образом, мысль о привлечении в литературные сотрудники Сергея Есенина не оставляла украинских левых эсеров.

В течение 1921 г. и в начале 1922 г. легалисты, несмотря на чинимые им препоны, достигли определенных политических результатов: им удалось провести депутатов в Моссовет, Петросовет и некоторые другие местные советы, открыть в нескольких городах партийные клубы, сформировать межпартийный блок «левого народничества». На вечере памяти А.А. Блока в августе 1921 г. в партийном клубе левых эсеров «Знамя» в Москве наряду с другими политиками и литераторами выступал Сергей Есенин. Вплоть до лета 1922 г. продолжал выходить одноименный журнал «Знамя», в котором были представлены завидные литературные силы. В Берлине и Милане одним из главных соратников Штейнберга А.А. Шрейдером было организовано издательство «Скифы» и также начато издание журнала «Знамя» на трех языках — русском, немецком и питальянском. Однако ряд задуманных литературных проектов левым эсерам так и не удалось реализовать.

Касаемо анонсированной Брауном темы статьи «Футуризм и имажинизм, как социальные явления», отметим, что интерес его к этому вопросу, как убедимся далее, не спадал. В начале 1922 г. он сотрудничал с харьковским еженедельником «Художественная мысль», в частности, под псевдонимом «Эльвич» в № 10 вышла его статья «Вульгаризация и порнография в современной художественной литературе».

* * *

Цитируемое ниже письмо Я.В. Брауна И.З. Штейнбергу от 25 марта 1922 г. было перлюстрировано и в таком виде целиком отло-

жилось в составе фонда Центрального Комитета компартии (ф. 17) в РГАСПИ²³. С него были сняты машинописные копии, последняя страница копии завизирована и на ней помечено: «Отпечатано и разослано в 27-ми экземпляров следующим т.т.», фамилии которых перечислены: Ленину, Троцкому, Дзержинскому, Зиновьеву, Калинин, Каменеву, Сталину, Молотову, Куйбышеву, Ворошилову, Зеленскому, Короткову, Ярославскому, Андрееву, Рыкову, Сапронову, Чубарю, Сокольникову, Русакову (Тифлис), Павлуновскому, Манцеву; к делу было приложено 5 экземпляров, итого — 26 экземпляров. Первая копия, по-видимому, осталась у перлюстраторов из Секретно-политического отдела ГПУ.

В деле РГАСПИ сохранились две копии письма Брауна, из проводительных отношений к которым видно, что это были экземпляры, предназначенные для И.В. Сталина и В.М. Молотова. На сопроводительном листе-«четвертушке», с грифом «СОВ. СЕКРЕТНО» и штампом «Бюро Секретариата Ц.К. РКП.», было напечатано:

«ТОЛЬКО ЧЛЕНАМ ЦК РКП (б)

Тов. ... [от руки вписаны фамилии]

При сем прилагаем для сведения копию письма на имя Л. С.-Р. ШТЕЙНБЕРГА.

ЗАМПРЕД ГПУ *Уншлихт*

НАЧ СО ГПУ *Самсонов*»

Ниже подписей была напечатана (число и месяц вписаны от руки) дата: «9/V 1922 г.». В штампах обоих экземпляров были проставлены одни и те же реквизиты: «получено 4 мая 1922 г., вх. № 33841-с, группа СЕКРЕТНО». Один из экземпляров имеет подпись изготовителя копии: «Верно: А. Тамм 2 апреля с.г.»; другой экземпляр — аналогичную подпись: «Верно: Ф. Кириллов». Молотовский экземпляр имеет ремарки, сделанные чернилами, красным и синим карандашами: «др. парт. / с-р»; «с-архив 5/V ВМ», и роспись: «ВМол». Сталинский экземпляр имеет ремарки: «др. парт.», «вх. ЦК № 3459/с 5/V 22».

Такое сверхпристальное внимание к письму Брауна И.З. Штейнбергу со стороны чекистов и высшего партийного руководства РКП(б) можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, боязнью повторения событий годичной давности (восстание в Кронштадте и массовые забастовки, прокатившиеся в Москве, Петрограде, Харькове), а, во-вторых, началом подготовки судебного процесса над членами ЦК ПСР и широкомасштабной антиэсеровской компании.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 272. Еще одна копия была обнаружена Г.М. Аккерман в ЦДАГО Украины.

Письмо Брауна значительно расширяет и дополняет наши представления о росте влияния левых эсеров и методах их агитации и пропаганды в этот период.

Остановимся на нескольких его фрагментах.

«Харьков 26 марта 1922 г. 11 час. вечера.

Дорогой близкий Исаак Захарович <...>

Писал я Вам и о том, что мы еще до получения Вашего письма приняли решение о возобновлении издания Бюлл[етеня] ЦК, и я сейчас заканчиваю подготовку № 1. В первых числах апреля буду у Вас непременно и тогда привезу и Бюлл[етень], и все остальное. Ваши материалы получили. Спасибо за них глубокое. Очень порадовало нас Ваше сообщение о подготовленном к печати сборнике о судьбах рев[олюционно]-соц[иалистического] нар[одничества]. Я с удовольствием дам статью, хотя какую, пока еще не знаю. Сейчас я всецело поглощен большущей статьей “Партии государственного капитализма и левонародничество” <...>, сдаю на пишущую машинку, копию отправляю в Одессу (там мы издаем сборник “Революционное ТВОРЧЕСТВО” в 3-4 печатных листа, выходит офиц[иально] от имени партии под редак[цией] М. Шел[онины] и С. Зака, часть материалов уже отправил, бумага и деньги пока имеются, а остальное привезу Вам для каких угодно целей: хотите, перешлите в Берлин, пускай издадут книжкой, ведь займет два или 3 печатных листа, хотите, печатайте в сборнике (если по теме подходит) или в “Знамени” (если подходит по размерам и цензурным условиям). Хотите, сокращайте или даже бросайте в корзину, мой долг, во всяком случае, будет исполнен. Кстати о печатании: на последнем заседании ЦК приняли постановление обратиться к Вам в ЦОБ [1] с просьбой о включении нашего представителя в редакц[ионную] кол[легию] “Знамени”, — 2) обеспечить соответствующим образом наше влияние на Берлинское [издательство] “Скифы”, которое издает далеко не то, что нужно, и где тон, и кстати, прескверный тон, задает чуждый партии ЛУНДБЕРГ, сжигающий книгу ШЕСТОВА (15000 экз.) — что за дикая цензурная ауто-дафе, но не хуже чекистской».

Как видим, спустя три месяца после письма С.Д. Мстиславскому идея книгоиздательства и издания одноименного сборника «Революционное творчество» не только не заглохла, а даже наоборот, развивалась. Однако в итоге ни того, ни другого так и не удалось запустить. Упомянутый Михаил Аркадьевич Шелонин (наст. имя Швайц Моисей Исаакович, 1897–1938) был одним из лидеров украинских левых эсеров и редакторов партийных изданий. Самуил Сергеевич Зак (1868–1930) являлся заметным деятелем еще народнического и затем эсеровского движения. Оба они оставили след

в истории экономической мысли: Зак как автор ряда книг на экономические темы и по рабочему вопросу, работавший в руководстве Наркомпрода УССР и Госплане РСФСР; Шелонин позднее заведовал кафедрой конкретной экономики и планирования Киевского коженного института.

Сборник, о котором Штейнберг ранее сообщил Брауну, под названием «Пути революционного народничества» был анонсирован в 1922 г. левоэсеровским издательством «Наш путь» в Москве. В России, однако, он не вышел, но в 1923 г. берлинское издательство «Скифы» выпустило сборник «Пути революции», в котором, в числе других текстов, были напечатаны статья И.З. Штейнберга «Дантоново и Робеспьерово начало в революции» и статья Я.В. Брауна «Быт революции и революция быта».

Об уничтожении работы философа Льва Шестова «Что такое большевизм», напечатанной в виде брошюры издательством «Скифы», сам Е.Г. Лундберг рассказал позже в «Записках писателя»²⁴. Тут же Браун намекал на сожжение осенью 1921 г. чекистами в Москве полутора тысяч экземпляров номера 10 (12) журнала «Знамя»²⁵.

Во второй части письма Браун подробно расписывал бурную культурную и общественно-политическую жизнь Харькова.

«Теперь о нашей деятельности здесь. Прежде всего, мы с конца января выступали уже на 5 вечерах. [1] 29 января я и Карелин на диспуте “Крас[о]та и контр-революция”, 2) 7 февраля я и он же на вечере [памяти] Блока, 3) 30 января я и Ильич²⁶ и Карелин на вечере [памяти] Короленко, 4) 5 марта на огромном диспуте о «Смене вех» — я и В.А. [Карелин], 5) 6 марта вновь на повторении диспута я и он же. Каждое выступление наше привлекает массу народа, [который] ломает двери и окна, и на Смене вех были обмороки в толпе и даже кто-то (жена одного меньшевика) стала в очереди за билетами рожать... Тоска и голод по живому слову здесь колоссальные, не успеваю раскрыть рта, и уже устраивают овацию, вечер о “Смене вех” был огромным политическим событием, в зале пребывала 4-х тысячная толпа, шум был огромный, после 1-го доклада беки²⁷ были разгромлены на голову (между прочим, блестяще выступили меньшевики).

²⁴ См.: *Обатнина Е.Р.* История одной сожженной книги // Русский Берлин 1920–1945. Международная научная конференция, 16–18 декабря 2002 г. М., 2006. С. 158–168.

²⁵ См.: И.З. Штейнберг. Драма Блока: Статья из сожженного журнала / Публ. Я. Леонтьева // Независимая газета. 8 августа 1996 г. № 145. С. 8.

²⁶ Прозвище Ивана Ильича Кушнаренко-Трубицкого (1889–1938), активного участника левоэсеровского движения в России и на Украине.

²⁷ Т.е. большевики.

Второй вечер боялись устроить, и лишь “НЭП” заставил — билеты, видите ли, были все проданы».

Продолжая далее хронике, Браун сообщает Штейнбергу:

«А тут еще на второй вечер подкатили по контрамаркам 1000-у комсомольцев, рабфаковцев и чекистов, сп[евать] “Интернационал” стали, и читали, и вновь вставали — и как зло выдули. Но повторить день для “свободного слова”, как говорил мек АСТРОВ²⁸, более не решились. А тут еще 12 Марта в день 5-й годовщины Февральской революции меньшевики выпустили прокламацию, перехватили их рабов божиих и еще высылают в Москву. Я, впрочем, не унываю и 3 Апреля приглашен выступать на тему “О духовном закате Европы” (по поводу книги ШПЕНГЛЕРА). 9-го апреля читаю лекцию “Три революционных эпопеи” (“Бесы” Достоевского, “Петербург” Белого и “Дневник сатаны” Л. АНДРЕЕВА).

А там еще и еще: Губполитпросвет расписал меня чуть ли не на 6 лекций вперед: “Есенин [и] Маяковский”, “Искусство и НЭП”, “Быт революции и революционное творчество” и т.д. Все это для нас хотя [бы] ничтожные отдушины. Впрочем, появляются и большие. Я уже говорил Вам, что разрешили нам книгоиздательство “Революционное творчество”. Теперь появился книгопродавец, который предлагает заем — ни дать ни взять по Маяковскому — в размере 150.000.000²⁹ рубл. за [то] только, что мы ему исходатайствовали магазин и дали ему монопольное представительство книгоиздательства по Харькову. Мы на это, конечно, пойдем и начнем издавать сборники “Рубикон”. Завтра начинают договариваться».

Запомним название одной из его лекций — «Есенин и Маяковский». Как увидим далее, эта идея и позже не оставляла Брауна.

* * *

Вскоре после написания данного письма, в апреле 1922 г., Я.В. Браун вместе с женой³⁰ переехал в Москву, войдя в состав сначала Центрального оргбюро ПЛСР объединенных (интернационалистов и синдикалистов) и ее Московского оргбюро, в которых он бок о бок работал с И.З. Штейнбергом, а затем в состав Центрального бюро (ЦБ) Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов.

²⁸ Т.е. меньшевик Астров-Повес Исаак Сергеевич (1876–1922), один из руководителей социал-демократического движения на Украине, член ЦК РСДРП (меньшевиков) и Главного Украинского комитета партии.

²⁹ Название поэмы В.В. Маяковского «150.000.000».

³⁰ На момент ареста Я.В. Брауна в 1937 г. в Куйбышеве она под девичьей фамилией Блюмкина проживала по адресу: Петровский пер., д. 10, кв. 46 (ОРАФ по Самарской обл. Д. П-6209. Л. 10). Сама Ф.Г. Браун-Блюмкина была арестована 15 апреля 1937 г.

В конце апреля 1922 г. Браун передавал в попавшем в руки чекистов письме товарищам по партийной работе в Харькове А.М. Трелбелу, А.И. Стрельцову и Ильичу (И.И. Трубицкому) новости из Москвы. О себе он сообщал, что приступил к чтению лекций «по романскому синдикализму в высшей школе Профинтерна». По его инициативе состоялось заседание Центрального оргбюро ПЛСР объединенных, на котором он выступил с докладом о положении дел на Украине. Браун также сообщал, что его ввели в состав ЦОБ, редколлегии журнала «Знамя» и партийного издательства «Наш путь» в качестве представителя Украины³¹.

В очередном письме из Москвы от 5 мая Браун добавлял, что в скором времени «безотлагательно» состоится партийный съезд, намеченный на 3 июня. Дополнительно он сообщил, что выступил на общем собрании московской организации с докладом «Партии государственного капитализма и левонародничество», после чего состоялась оживленная дискуссия с участием И.З. Штейнберга и др.

В это время Браун активно сотрудничал в столичных и зарубежных журналах «Авангард», «Театр», «Мастерство театра», «Жизнь искусства», «Новая Россия» и других. Особо стоит выделить журнал «Сибирские огни», литературную политику которого формировали недавние эсеры В.П. Правдухин и его жена Л.Н. Сейфуллина и где неоднократно печатался Браун. Сотрудниками альманаха литературы, искусства и науки «Авангард», издававшегося авторами, объединившимися вокруг «Ассоциации революционного искусства», одновременно с ним были объявлены Н. Асеев, О. Мандельштам, Б. Пастернак. В номере газеты «Московский понедельник», вышедшем 7 августа 1922 г., в статье «Деревни последние песни» Браун высказался о творчестве С. Есенина, Н. Клюева и П. Орешина, в частности, проанализировав поэму «Пугачев». В журнале «Театр и музыка» Браун заведовал отделом «Театр и книга». В октябре–ноябре он участвовал в диспутах о театре «Разгром Левого фронта», организованном имажинистами, и по докладу В.Э. Мейерхольда «Тартюфы коммунизма и рога носцы морали».

По партийной линии в начале июня 1922 г. он участвовал во все-русской конференции легалистов в качестве члена президиума. Конференция проходила вместо съезда с 3 по 6 июня, в ней приняли участие 22 делегата с решающим голосом. Конференция обсудила и приняла постановления по ряду вопросов: о международном и внутреннем положении, о текущей экономической политике, о профессиональном движении, о кооперации, об Интернационале,

³¹ ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Д. 51624. Л. 86-87.

по аграрному вопросу и сельско-хозяйственной кооперации. Браун выступил на ней в качестве содокладчика по организационному вопросу и по вопросу об Интернационале.

На конференции было избрано Центральное Бюро из семи членов, включая Брауна. С его именем было связано и редактирование выходявшего в Москве левоэсеровского журнала «Знамя» на последнем этапе существования этого издания. В конце августа от имени ПЛСР объединенных Браун выступил на Московской губернской конференции работников печати, сказав, «что «свободная профессия» тружеников печати всегда была «свободна» от классового чувства ... но при всем том она всегда поднимала свой голос в защиту свободного слова и печати»³².

Осенью 1922 и зимой 1923 г. он неоднократно выступал на открытых заседаниях в партийном клубе левых эсеров и эсеров-максималистов на ул. Петровка. Среди его лекций и докладов звучали такие темы, как «Человек и Вещь», «Нэповский быт и нэповская общественность», «От НЭПа к социализму» (по поводу книги известного левокоммунистического теоретика Е.А. Преображенского). 28 января 1923 г. в годовщину смерти одного из ветеранов максималистского движения Н.И. Ривкина Браун выступил на вечере его памяти с докладом «Ривкин как поэт»³³.

В конце 1922 г. он вместе с И.З. Штейнбергом принял активное участие в предвыборной компании левых эсеров и эсеров-максималистов. Как опытному оратору ему поручались такие важные «площадки», как АМО (впоследствии ЗИЛ), факультет общественных наук 1-го МГУ, железнодорожные мастерские. К этому времени произошло слияние остатков ПЛСР объединенных с Союзом эсеров-максималистов, и на I Всероссийском съезде общего «Объединения» в последних числах декабря Браун был повторно избран в состав Центрального Бюро.

4 января 1923 г. ЦБ «Объединения» обратилось в отдел управления Моссовета с ходатайством об отправке Штейнберга в зарубежную командировку с целью «организации заграничного представительства Объединения и оформления выхода из Венского Интернационала», причем поручителями Штейнберга «при отъезде за границу» выступали лидер эсеров-максималистов Г.А. Нестроев и Я.В. Браун³⁴. Из своей «командировки» он уже никогда в Россию не вернулся, а 15 января 1936 г. путем опроса членов Политбюро ЦК

³² РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 14. Л. 40.

³³ Там же. Л. 76.

³⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-28563. Т. 3. Л. 155, 156.

ВКП(б) было решено «в продлении паспорта гр-ну Штейнбергу отказать», т.е. по сути он лишился советского гражданства³⁵.

Политические невзгоды — прекращение выхода журнала «Знамя», срыв избирательной компании, перманентные аресты товарищей — поначалу скрашивались литературными успехами Брауна и его семейной жизнью. В 1923 г. родилась его первая дочь Нина. Однако летом того же года последовали события, резко преломившие судьбу Брауна. 15 июля он выступил с докладом «Лавров и современность» на вечере в Политехническом музее. Мероприятие в честь столетия основоположника русского революционного народничества было организовано левыми эсерами и эсерами-максималистами при участии Веры Фигнер и старого знакомца Брауна анархиста А.А. Борового, а закончилось затеянным коммунистической частью аудиторией шумным скандалом.

Именно доклад Брауна, тезисы которого были ранее представлены в соответствующий отдел московского Отдела народного образования и утверждены с разрешения МК РКП(б), вызвал наиболее бурную реакцию. Докладчик, в частности, заявил, что «ни к одному насильственному акту Советского правительства Лавров не приложил бы руки» и подверг резкой критике Л.Д. Троцкого за искажение взглядов теоретика народничества, чтобы «нравственно светлым именем Лаврова» освятить «уродства нынешней революции». Несмотря на тщетные попытки со стороны председательствующей В.Н. Фигнер погасить скандал, Брауну пришлось на середине оборвать доклад³⁶. Главные организаторы вечера (К.Н. Прокопович и О.Л. Чижиков) подверглись аресту, но Брауну удалось уехать в Петроград. В ходе обыска у него на квартире были изъяты следующие рукописи: «Власть», «Три стихии» (2 экземпляра), «Косы», «Драма с драматургом», «Право», «Душно», «Человек и вещь», «Я, ты и кусочек неба», «Кризис современной литературы», «Потеря или нашел себя» (2 экземпляра), «Самкопиление», «Тайны жизни», «Сегодня он не может писать», «Осколки прошлого», «Скитания», «Перелом» (2 экземпляра), «Самосуд»³⁷. (Над повестью «Самосуд» он потом продолжил работать в тюрьме.)

После задержания 17 сентября Браун был доставлен в Москву, где обвинен ОГПУ в попытке перейти на нелегальное положение,

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 21. Л. 106.

³⁶ Подробней см.: Незапечатленный труд: из архива В.Н. Фигнер / Публ. Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 460–461; *Володин А.И., Итенберг Б.С.* Наследство П.Л. Лаврова в идейной борьбе 1920-х годов // Отечественная история. 1993. № 5. С. 63–66.

³⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-28682. Л. 10.

и «за ярко антисоветское выступление на вечере памяти Лаврова» по решению Комиссии НКВД по административным высылкам от 28 сентября приговорен к трем годам заключения в Суздальском концлагере (политизоляторе). В ответ Браун объявил голодовку, а ЦБ Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов направил открытым текстом на имя Н.И. Бухарина такую телеграмму: «Приговор об отправке члена Центрального Бюро Объединения партии левых эсеров и союза максималистов Якова Брауна в концентрационный лагерь на три года в Суздаль несмотря на его голодовку оставлен в силе ГПУ точка В виду того что Браун болен активным туберкулезом и неврозом сердца что подтверждено и врачами ГПУ и что приговорен он за выступление на разрешенном вечере памяти Лаврова по утвержденным органами МОНО тезисами Центральное Бюро просит о замене концлагеря высылкой за границу так как его болезнь требует серьезного и длительного лечения»³⁸.

Однако этот шаг не подействовал, и Браун оказался сначала в бывшем Спасо-Евфимиеве монастыре в Суздале, превращенном в политизолятор, а затем в марте 1924 г. был переведен в бывшую Ярославскую каторжную тюрьму в Коровниках, причем «этот перевод произошел неожиданно, молниеносно». В Ярославле он оказался единственным на тот момент социалистом, а, следовательно, был лишен всех преимуществ политрежима. В издававшемся И.З. Штейнбергом берлинском «Знамени борьбы» вследствие этого появилась заметка «Истязания Якова Брауна». В ней со слов Ф.Г. Браун сообщалось: «А режим здесь такой для Брауна: одиночка, закрытая целый день дверь, отсутствие общих прогулок, прогулки по дворику раз[ером] 3х2, загаженному человеческими экскрементами и кухонными отбросами, запрещение гулять по асфальту, а только в этом смрадном месиве, электричество круглые сутки, постоянное наблюдение через “глазок”, полное отсутствие возможности работать, так как стук, царящий в течение всего дня в этом жилище, не дает возможности сосредоточиться. Его здоровье катастрофически ухудшается. Слабость, кашель, липкий холодный пот — все говорит само за себя. Все сидящие в этой тюрьме... пользуются правом общения, а он сидит заперт и при нем “особая” охрана...»³⁹.

К тому же во время свидания с женой, «вследствие какого-то формального нарушения правил», на них накинулся охранник, с которым едва не произошло столкновение, что могло закончиться для узника плачевно. Речь шла уже не столько об изменении режима со-

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 642. Л. 30

³⁹ Знамя Борьбы. 1924. № 2. С. 14.

держания, а о выживании, и Браун перешел к активным протестным действиям. После проведения новой 15-дневной голодовки, он был направлен в конце 1925 г. в Костромскую тюрьму, где находился по 28 сентября 1926 г. Подробности предпринимаемых им обструкций до конца не известны, но понятно, что таким образом он боролся не только за политрежим, но и за право продолжать заниматься литературным трудом.

Так или иначе, но он добился своего. Дальнейшее пребывание Брауна в местах лишения свободы стало важным этапом его литературной биографии. Находясь в заключении, он создал около 40 печатных листов текстов и продолжал публиковаться. Так, в первом номере «Сибирских огней» за 1925 г. увидела свет его повесть «Самосуд» из эпохи Гражданской войны на Украине. Тогда же им была подготовлена не изданная до сих пор монография о творчестве Андрея Белого «Под знаком планетарного кризиса» (рукопись хранится в РГАЛИ), начата работа над книгой критических очерков «Современное женское творчество» о творчестве А. Ахматовой, М. Цветаевой и еще 22-х поэтесс и писательниц (из этой работы оказались напечатаны только очерк о произведениях Л. Сейфуллиной и фрагменты, посвященные В. Инбер и А. Коллонтай). В итоге 29 ноября 1926 г. он был заочно принят во Всероссийский союз писателей и ему был прислан членский билет Московского отдела Союза под № 36 за подписью В.В. Вересаева⁴⁰.

Тем временем по решению ОСО при Коллегии ОГПУ от 13 августа 1926 г. Браун был выслан из Костромы в Зырянский край сроком на три года. Находясь в ссылке в Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар), он продолжил интенсивно заниматься литературным трудом. О методах его работы, интересах той поры и трудностях, с которыми приходилось сталкиваться, живо свидетельствует не публиковавшееся письмо к В.В. Маяковскому от 8 ноября 1927 г., отложившееся в личном фонде О.М. Брика в РГАЛИ:

«Уважаемый Владимир Владимирович!

Давно готовлюсь написать книгу о Вас и Сергее Есенине — опыт формально-социологической параллели. Одной из причин, тому мешающих (помимо тысячи т.н. “объективных”), является отсутствие в моем распоряжении всех Ваших работ (сейчас сохранился у меня лишь т. II Вашего собрания “13 лет работы”).

Ввиду этого, обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне возможно более полный комплект печатных Ваших работ для временного

⁴⁰ Фотокопия, полученная от дочери Брауна С.Я. Рязановой (личный архив автора).

пользования (в течение 2-3 месяцев, т.е. до написания мною монографии).

С своей стороны, обязуюсь вернуть Вам книги Ваши тотчас же по окончании моего труда — и вернуть в полной неприкосновенности. Это — единственный, ныне имеющийся способ собирания писательских книг для критического исследования, особенно же в тех “великолепных” условиях, в каких мне приходится работать. В свое время (года 2-3 назад) мне таким же порядком присылали все свои работы (в т.ч. корректуры не напечатанных произведений) Борис Николаевич (А. Белый), Евг. Ив. Замятин, Леонид Леонов, Вера Инбер, Ал. Ник. Толстой, и мн[огие] др[угие], причем все они получили свои книги назад тотчас же по завершении моих статей и книг, посвященных их творчеству.

Само собою, разумеется, по напечатании книги “Есенин и Маяковский” непременно пришлю Вам именной экземпляр. Коль хотите, предоставлю фрагмент этой книги для напечатания в “Новом Лефе”.

Вы, б[ыть] м[ожет], знаете, что я — не “лефовец”, но с удовольствием готов напечатать на страницах Вашего журнала часть своей монографии, хотя бы и в дискуссионном порядке. ...»⁴¹.

* * *

В усть-сысольской ссылке Браун был избран политическим старостой колонии левых эсеров. На жизнь он зарабатывал, трудясь экономистом в облфинотделе, облотделе местного хозяйства и облплане, по заказу которого подготовил монографию «Довоенное и современное состояние кустарно-ремесленной промышленности Коми области». В ссылке он во второй раз женился — на Александре Вячеславовне Клусовой, дворянке по происхождению, осужденной постановлением Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 15 октября 1926 г. по одному из эсеровских молодежных дел. В 1927 г. в этом браке родилась вторая дочь Брауна — Светлана.

Особой страстью Брауна были шахматы, что не раз находило отражение в сюжетах его литературных произведений, равно как и в его публикациях в специализированных изданиях по шахматам. В ссылке он участвовал в кассе взаимопомощи политссыльных и не редко собирал их в своем доме на литературные вечера.

Согласно информационным сводкам Коми областного отдела ОГПУ за 1928 г., Браун «по вечерам занят литературной работой, пишет повесть “Гамбит дьявола”». В первых числах января он

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Д. 598. Л. 1-1 об.

на дому читал лекцию на тему «Литературное творчество Алексея Толстого»⁴².

В октябре 1929 г. Браун вместе с новой семьей вернулся в Москву, где окончил роман «Гипнотические парни» и повесть «Старики» (не были опубликованы) и продолжил работу над несколькими другими беллетристическими произведениями. В то же время ему удалось найти место литредактора в журнале «Скотоводство», издававшемся Народным комиссариатом совхозов, и стать членом профсоюза животноводческих рабочих. Это трудоустройство помогло ему получить жилплощадь в городке «Скотоводство» во 2-м Старо-Коптельском переулке. Круг его московских и ленинградских знакомств (в Ленинград Браун ездил во время отпуска в 1930 г.) в этот период делился на три группы: бывшие левые эсеры, литераторы и шахматисты. Среди его литературных контактов можно назвать известного литературного критика, публициста и литературоведа, в прошлом одного из главных левоэсеровских теоретиков Иванова-Разумника (Р.В. Иванова), писателей М.Э. Казакова, К.А. Федина. С рядом ссыльных левых эсеров, включая М.А. Спиридонову, Браун состоял в постоянной переписке.

Начавшаяся коллективизация и ее методы не могли не вызвать оживленных обсуждений в среде бывших эсеров. Интересные показания в отношении тогдашней позиции Брауна дал на следствии в 1937 г. бывший член ЦК ПЛСР В.Е. Трутовский:

«Характерной для этого периода является позиция московской группы ЛСР во главе с Брауном. Как мне впоследствии удалось узнать, Браун, отошедший от партии ЛСР и получивший возможность проживания в Москве, со времени сплошной коллективизации резко изменил свою позицию, ориентируясь на крестьянское восстание, приобретающее, по его мнению, черты исконно русских бунтарских движений. Изменение позиций Брауна характерно также вследствие того, что с начала левоэсеровского подполья Браун неизменно являлся представителем ликвидаторско-легалистской штейнберговской группировки, принципиально отрицающей подпольную организацию»⁴³.

Эти показания вполне правдоподобны и не расходятся с откровенными показаниями самого Брауна. В ночь с 14 на 15 февраля 1933 г. он был в очередной раз арестован в Москве по параллельному

⁴² *Рогачев М., Таскаев М.* «Тюрьма без решеток» страны Советов // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 3. Сыктывкар, 2000. С. 251–252.

⁴³ Левые эсеры и ВЧК: Сб. док. / Науч. ред. А.Л. Литвин. Казань, 1996. С. 493–494.

делу с арестованным в Ленинграде Ивановым-Разумником и иными обвиняемыми по делу о «Народническом центре» (Н.В. Брюллова-Шаскольская, А.А. Гизетти, Д.М. Пинес и др.). Массовые аресты также прошли в местах ссылки. Браун был помещен во Внутреннюю тюрьму ОГПУ и в течение недели допрашивался по ночам, причем, по его словам, «за явным отсутствием какого бы то ни было обвинительного материала (поскольку никакой политической работы я с 1926 г. не веду)» чекисты «сосредоточили весь допрос на моих политических мнениях и воззрениях». 1 марта Браун подал в двух экземплярах заявление в Коллегию ОГПУ СССР и на имя И.В. Сталина, заявив, что хотя является «по своему мировоззрению левонародником-максималистом», но «всегда отрицал и столь же твердо и сейчас отрицаю методы нелегальной работы против советской власти, что многократно мною официально декларировалось в заявлениях»⁴⁴.

Однако в дальнейшем Браун начал сотрудничать со следствием, признав, что вследствие форсированной индустриализации («индустриального фетишизма, приносящего труженика-производителя в жертву производству», как выразился он) и роста «стихийного недовольства масс (особенно крестьянских)», он и его единомышленники «считали, что такая обстановка должна либо заставить правящую партию сделать серьезный шаг навстречу принципам трудовласти, что представлялось маловероятным, либо же станет реальной угрозой пугачевщины, т.е. массового антибольшевистского движения крестьянства в форме стихийных крестьянских бунтов, пестро политически окрашенных»⁴⁵. По его словам, он со товарищи «считали неизбежной и необходимой идейную и организационную консолидацию лево-народнических элементов». Это признание позволило следователям приписать ему участие в несуществующем «Народническом центре».

В обвинительном заключении, утвержденном начальником Секретно-политического отдела ОГПУ Г.А. Молчановым, среди «групп организации, непосредственно связанных с центром» и «установленных» следствием, значилась:

«МОСКОВСКАЯ ГРУППА БРАУНА — ячейка организации в Москве, состоящая из левых эсэров и непосредственно возглавлявшаяся членом центра чл[еном] ЦК ПЛСР БРАУНОМ. Ячейка играла роль центра информации и связи организации»⁴⁶.

⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-36036. Т. 1. Л. 22.

⁴⁵ Там же. Л. 60.

⁴⁶ Там же. Т. 5. Л. 224.

Дело «Народнического центра» 1933 г. закончилось для Брауна постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ о высылке на три года в Самару (вскоре переименованную в Куйбышев). 29 июня Молчанов, адресуясь к заместителю председателя ОГПУ Я.С. Агранову, запросил «распоряжения о выделении спецконвоя для отправки к месту ссылки в гор. Самару члена руководящего центра эсеровско-народнической организации»⁴⁷.

По прибытии туда 20 июля Браун неожиданно обратился с заявлением в Коллегию ОГПУ СССР, в котором «сообщал о своем окончательном и бесповоротном отходе от всякой политической деятельности и о разрыве с партией левых эсеров»⁴⁸. Чем был вызван такой шаг? Разумеется, это не было простой уловкой. Скорее всего, он был обусловлен наступившим осознанием иллюзорности надежд на новую «пугачевщину» и бесперспективности любых открытых проявлений инакомыслия в наступившую вслед за «великим переломом» эпоху. Вероятно, этот шаг также можно объяснить физической и психологической усталостью Брауна и желанием укрыться от постоянного чекистского прессинга в семейном кругу. Уместно процитировать его письмо отцу от 6 августа 1933 г.:

«Я и впрямь виноват перед тобою, дорогой папа! Твое письмо от 15 июля, такое сердечное и теплое, тронуло меня до глубины души, но... я хотел сообщить о своей жизни что-либо определенное, положительное и, увы, ничего на деле не выходило. Я, конечно, мог бы найти в конце концов место экономиста (ты рассмешил меня предложением заделаться бухгалтером; вот этого еще мне не доставало), но я решил на это раз твердо и окончательно заниматься только литерат[урным] трудом, голодать, но не сдаваться. А я — парень упрямый. ...»⁴⁹.

В том же месяце к месту ссылки мужа приехала его жена А.В. Браун с дочерью Светланой. Она привезла известия о том, что кое-кто из эсеров считает его отречение «ренегатским», а его самого — «политическим мертвецом» и «дезертиром». В Самаре (с 27 января 1935 г. Куйбышев) Я. Брауну удалось устроиться на работу завлитом драмтеатра и преподавателем литературы в учебном комбинате 106 артполка. Жена трудилась корректором. Отныне они всячески избегали контактов с бывшими товарищами по партии и другими политссыльными. Правда, когда в 1934 г. в Самару ненадолго прибыли близкая знакомая и соратница Брауна по совмест-

⁴⁷ Там же. Т. 1. Л. 85.

⁴⁸ ОРАФ по Самарской обл. Д. П-6209. Л. 19.

⁴⁹ Фотокопия, полученная от дочери Брауна С.Я. Рязановой (личный архив автора).

ной деятельности в Московской организации Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов А.А. Селиванова вместе со своим молодым мужем Б.Л. Гольдбергом (в 1924–1925 гг. активным участником молодежной левоэсеровской организации в Нижнем Новгороде), они три-четыре раза посетили квартиру Брауна⁵⁰. Целью этих визитов были попытки склонить Брауна к изменению занятой им позиции, но они оказались тщетными. Наиболее резким и нелюбезным оказался разговор с Селивановой с участием прибывшего из Уфы левым эсером Н.К. Подгорским. По словам Брауна, на вопрос Подгорского «об истинных мотивах моего выхода из партии и отхода от политической работы, я заявил, что не желаю быть “женихом мертвой невесты”, что такой мертвой невестой я считаю навеки организационно и идейно мертвую с моей точки зрения партию левых эсеров»⁵¹.

Позднее, чтобы уберечь себя от дальнейших преследований, 27 ноября 1936 г. Браун адресовал заявление заведующему культотделом крайкома ВКП(б) Д.И. Резникову с подтверждением о полном отречении от бывшего эсерства⁵². На время ему действительно удалось предохраниться. Любимым его времяпрепровождением в Куйбышеве стали просиживание за шахматной доской в горсаду и ежедневные занятия в краевой библиотеке, во время которых он случайно познакомился с другим ссыльным литератором и близким сотрудником Иванова-Разумника по Вольфиле⁵³ А.А. Гизетти, в прошлом также активным эсером. В сентябре 1936 г. Брауну дозволили съездить в отпуск в Москву, где он навещил отца и старшую дочь. 22 декабря того же года он выезжал с командой профсоюзов для участия в шахматных соревнованиях в Оренбург.

Но никакое отречение уже не могло спасти его от начавшейся в рамках «Большого террора» эсеровской операции НКВД. 9 февраля 1937 г. Браун снова был арестован по обвинению в том, что, «оставаясь на прежних эсеровских позициях», он якобы вел «активную контр-революционную деятельность, направленную против существующего государственного строя»⁵⁴. При последнем аресте у него были изъяты рукописи «Есенин и Маяковский», «Современное женское творчество» и другие. Все они, по-видимому, уничтожены по окончании следствия.

⁵⁰ ОРАФ по Самарской обл. Д. П-6209. Л. 15.

⁵¹ Там же. Л. 21.

⁵² Там же. Л. 25.

⁵³ Вольфила — Вольная философская ассоциация, существовала в Петрограде в 1919–1924 гг.

⁵⁴ ОРАФ по Самарской обл. Д. П-6209. Л. 2.

Он содержался в Кряжской тюрьме в Куйбышеве и пытался откровенными и правдивыми показаниями спасти свою жизнь. Но опытный шахматист на сей раз просчитался, и линия защиты в ситуации заведомого обречения на казнь не удалась. Постановлением Тройки при УНКВД по Куйбышевской области от 7 декабря 1937 г. Браун был приговорен к расстрелу. 21 декабря сотрудники УНКВД Козачинин и Миронычев составили акт о приведении приговора в исполнение⁵⁵.

Его жена, несмотря на отбытие ею в молодости политссылки, не была репрессирована. Зато старшая дочь, едва окончив Московский университет, была арестована и осуждена на 10 лет заключения, которые отбыла в лагерях Инты. Ее мать, первая жена Брауна Ф.Г. Блюмкина также была арестована в 1937 г. и приговорена к восьмилетнему сроку заключения, а по отбытии такового «как социально-опасный элемент» по решению ОСО при МГБ СССР сослана в Коми АССР. А.В. Браун безуспешно пыталась добиться информации о местонахождении мужа, но лишь в октябре 1946 г. их дочери Светлане было объявлено о смерти отца в лагере от «воспаления легких» в начале 1942 г. Правду о постигшей его участи учитель русского языка и литературы С.Я. Рязанова-Браун узнала лишь в годы «перестройки». Потомки Якова Брауна, теперь уже в пятом после него поколении, так и остались жить в Самаре, городе, где он принял смерть.

References

Leontiev Ya.V. *K istorii sozdaniya Partii revolyutsionnogo sotsializma* [A Propos of the History of the Party of Revolutionary Socialism] // *Politicheskiye partii v rossijskikh revolyutsiyakh v nachale XX veka* [Political Parties in Russian Revolutions in the Early 20th Century]. Moscow: Nauka, 2005. P. 357–377.

Leontiev Ya.V. *Khar'kovskiyevy revolyutsionery dukha i chitinskiye skify. (Iz istorii literaturnykh svyazey levykh narodnikov)* [Kharkov Revolutionaries of the Spirit and Chita Scythians (From the History of Literary Links of the Left Narodniks)] // *Stanford Slavic Studies*. 1999. Vol. 20. P. 102–118.

Leontiev Ya.V. *Neizvestnaya stat'ya Yakova Brauna o Sergeye Esenine i krest'yanskikh poetakh* [Unknown Article by Yakov Braun about Sergei Esenin and Peasant Poets] // *Sergey Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha: sbornik nauchnykh trudov* [Sergei Esenin. Personality. Creative Work. Epoch: Collection of Research Papers]. Vol. 4. Moscow; Konstantinovo; Ryazan': IMLI RAN, 2016. P. 670–693.

Obatnina E.R. *Istoriya odnoy sozhzhennoy knigi* [A History of a Burnt Book] // *Russkiy Berlin 1920–1945. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya 16–18 dekabrya 2002 g.* [Russian Berlin 1920–1945. International Scientific Conference 16–18 December 2002]. Moscow: Russkiy put', 2006. P. 158–168.

⁵⁵ Там же. Л. 80.

Rogachev M., Taskayev M. “*Tyur'ma bez reshetok*” strany Sovetov [The “Prison without Bars” of the Country of Soviets] // *Pokayaniye: Komi respublikanskiy martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressiy* [Repentance: Komi Republican Martyrologist of Victims of Mass Political Repressions]. Vol. 3. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo, 2000. P. 238–324.

Sobolevskaya N.N. *Stranitsy sovetskoy literaturnoy kritiki 20-kh godov: (V. Pravdukhin, Ya. Braun)* [Pages of Soviet Literary Criticism of the 1920s (V. Pravdukhin, Ya. Braun)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU, 1992. 193 p.

Volodin A.I., Itenberg B.S. *Nasledstvo P.L. Lavrova v ideynoy bor'be 1920-kh godov* [P.L. Lavrov's Legacy in the Ideological Struggle in the 1920s] // *Otechestvennaya istoriya*. 1993. N 5. P. 54–74.

Поступила в редакцию
5 апреля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-70-85

Сунь Ичжи, Я.С. Гузей

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ:
СОЗДАНИЕ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОЙ СИСТЕМЫ
ВДОЛЬ КАЙДАЛОВСКОЙ ВЕТВИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Sun Yizhi, Ia.S. Guzei

**MODERNIZATION OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE
ON THE CHINESE EASTERN RAILWAY: ESTABLISHMENT
OF THE POSTAL AND TELEGRAPH SYSTEM ALONG
THE KAI DALOVSKAYA LINE AT THE TURN
OF THE 19th AND 20th CENTURIES**

Аннотация. Создание развитой почтово-телеграфной системы в конце XIX — начале XX в. являлось важным показателем модернизации общества наряду со строительством железных дорог. Эффективная эксплуатация Ки-

Сунь Ичжи, лаборант-исследователь кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
Sun Yizhi, Laboratory Researcher, Department of Contemporary Russian History, Institute of History, Saint-Petersburg State University
yizhisun961203@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2656-2859

Яна Сергеевна Гузей, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Iana Guzei, PhD Candidate in History, Senior Fellow, Department of Contemporary Russian History, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Associate Professor, Graduate School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
guzeiana@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1700-6217

Исследование выполнено в рамках совместного проекта «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия» при поддержке Российского научного фонда (№ 23-48-00004) и Государственного фонда естественных наук КНР (№ T22611139560).

This research was supported by a joint grant from the Russian Science Foundation no. 23-48-00004 and the National Natural Science Foundation of China (国家自然科学基金) (Project No. T2261139560) “Chinese Eastern Railway as a Transborder Socio-cultural System: Studying Its History, Reconstructing and Modeling Mechanisms of Cultural Heritage Protection”.

тайско-Восточной железной дороги и ее соединительной ветви — Кайдаловской линии — напрямую зависела от организации связи вдоль железной дороги. Обеспечение полноценной почтово-телеграфной связи было также важно и для местного населения. Целью данного исследования является реконструкция и анализ процесса формирования почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской линии Забайкальской железной дороги. В связи с изменением административной принадлежности Забайкальской области в течение XX в. сведения по интересующему нас вопросу разбросаны по разным центральным и региональным архивам России. В основном же эти материалы находятся в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Иркутской области и Государственном архиве Забайкальского края. После сбора и детального анализа имеющихся данных авторы пришли к выводу, что процесс создания почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской линии был сложным и занял много времени. До строительства железных дорог в административном центре Агинской степной думы почта и телеграф отсутствовали. Хотя во время строительства Кайдаловской линии в Чинданте была открыта первая почта, в дальнейшем процесс формирования полноценной почтово-телеграфной системы в данном регионе затянулся вплоть до Первой мировой войны, главным образом — из-за отсутствия достаточного финансирования со стороны правительства. Несмотря на интерес властей к модернизации системы связи во благо развития местного населения и многократные просьбы органов самоуправления во главе с Агинской степной думой, а в дальнейшем — Агинским инородческим волостным правлением, почтово-телеграфные отделения вдоль Кайдаловской линии в первую очередь открывались именно в то время и в тех местах, где возникала острая необходимость в военном присутствии или в железнодорожном строительстве.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, почтово-телеграфная связь, Кайдаловская линия, Забайкальская железная дорога, Забайкалье, Агинское, Могойтуй, Борзя.

Abstract. In the late 19th and early 20th centuries, the development of a robust postal and telegraph system, alongside the construction of railways, was a crucial indicator of social modernization. The efficient operation of the Chinese Eastern Railway and its connecting Kaidalovskaya line depended heavily on the organization of communication along the railway. Establishing comprehensive postal and telegraphic communication was also vital for the local population. This study aims to examine the formation of the postal and telegraphic system along the Kaidalovskaya line of the Transbaikalian Railway. Due to changes in the administrative affiliation of the Transbaikalian region throughout the 20th century, information on this topic is dispersed across various central and regional archives of Russia. These materials are mainly housed in the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Republic of Buryatia, the State Archive of the Irkutsk Region, and the State Archive of Zabaykalsky Krai. The authors concluded that creating the postal and telegraph system along the Kaidalovskaya line was a complex and prolonged process. Before the construction of railways, there was no post and telegraph in the administrative centre of the Aginsky Steppe Duma.

Although the first post office was opened in Chindant during the construction of the Kaidalovskaya line, the establishment of a fully functional postal and telegraph system in the region was delayed until World War I, primarily due to the insufficient government funding. Despite the authorities' interest in modernizing the communication system for the local population and repeated requests from self-government bodies, including the Aginsky Steppe Duma and later the Aginsky Indigenous Volost Administration, postal and telegraph offices along the Kaidalovskaya line were primarily established when and where there was an urgent need for military presence or railway construction.

Keywords: Chinese Eastern Railway, postal and telegraphic communication, Kaidalovskaya line, Transbaikalian Railway, Transbaikalia, Aginskoye, Mogoituy, Borzya.

* * *

Строительство железных дорог в Российской империи стало важнейшим стимулом для создания почтово-телеграфных станций, потребовавшихся не только для связи и быстрого обмена сообщениями между машинистами и служащими железных дорог, но и для оперативной связи с отдаленными регионами огромной страны.

К началу XX столетия перед Россией, соединившей телеграфной линией значительную часть своей европейской территории, встал вопрос дальнейшего развития средств связи, способных связать центральную часть страны с ее дальневосточной окраиной. Этому как нельзя лучше способствовало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Именно «проведение телеграфных линий на Восток», по мнению современников, стало едва ли не самым значимым событием, придававшим «России особенное значение и в глазах Европы»¹.

Одной из важнейших задач, стоящих перед российским правительством, стало оснащение почтово-телеграфными станциями Кайдаловской линии — железнодорожной ветки, соединившей Транссиб и КВЖД. И хотя сегодня активно изучается, с одной стороны, история строительства и эксплуатации указанной линии², а с другой — развитие связи в Российской империи³, формирование и раз-

¹ Шперк Ф. Россия Дальнего Востока. СПб., 1885. С. 4.

² Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 8. С. 100–111; Дмитриева Н. В. На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 861–874.

³ Базилиевич К. В. Почта в России в XIX в. М., 1927; Вигилев А. Н. История отечественной почты. М., 1990; Высоков М. С. История почты, телеграфа и радио на Дальнем Востоке России (40-е гг. XVII — начало XX в.). Южно-Сахалинск, 2004; Высоков М. С. Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX — начале XX вв.: дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2004.

витие почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской линии не привлекало пока серьезного внимания исследователей. Даже в работе А. Ведмидь, которая весьма подробно рассматривала историю строительства и введения в эксплуатацию Кайдаловской линии, вопрос о создании почтово-телеграфных станций не стал предметом отдельного анализа. Автор ограничился лишь упоминанием, что «при всех основных станциях были сооружены почтово-телеграфные конторы»⁴. Однако это утверждение не вполне соответствует исторической действительности: почтово-телеграфные пункты появились далеко не при всех основных станциях данной линии. Нет упоминания о развитии почтово-телеграфных пунктов вдоль Кайдаловской линии и в работе Т.Е. Санжиевой, изучавшей формирование почтово-телеграфной связи в Забайкальской области⁵.

Цель настоящей работы — проследить динамику формирования и развития почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской линии Забайкальской железной дороги в конце XIX — начале XX вв. Исследование выполнено на базе архивных документов, хранящихся в центральных и региональных архивах России, в том числе материалов Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел, хранящихся в Российском государственном историческом архиве; документов Агинской степной думы и Агинского инородческого волостного правления, хранящихся в Государственном архиве Республики Бурятия; материалов Управления Иркутского почтово-телеграфного округа, отложившиеся в фондах Государственного архива Иркутской области и Государственном архиве Забайкальского края. Используются также материалы Управления Забайкальского почтово-телеграфного округа из Государственного архива Забайкальского края. Архивные источники дополнены мемуарами, схемами и картами, хранящимися в Оловянинском историко-краеведческом музее, а также указателями по Забайкалью, опубликованными в начале XX в., и результатами исследований местных краеведов.

До конца XIX в. в районе строительства Кайдаловской линии железной дороги, даже в одном из крупнейших селений Забайкалья — Агинском, где располагалась Агинская степная дума, не было почтового отделения. В связи с этим 9 марта 1899 г. начальник Забайкальского почтово-телеграфного округа обратился к Главному

⁴ Ведмидь А. Через степи Даурии, к 100-летию ввода в постоянную эксплуатацию Кайдаловской ветви Забайкальской железной дороги. Чита, 2001. С. 22.

⁵ Санжиева Т.Е. Почтовая связь Забайкалья в конце XIX — начале XX века // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2016. С. 182–188.

управлению почт и телеграфов в Санкт-Петербурге с ходатайством открыть почтовое отделение и сберегательную кассу на станции Чиндانت, «расположенной на строящейся ветви Маньчжурской дороги»⁶. На установлении почтовой станции в Чинданте особенно настаивал начальник Забайкальской железной дороги, поскольку наличие почтового пункта здесь позволило бы наладить быстрый обмен сообщениями, что в свою очередь ускорило бы процесс прокладки железной дороги. Со своей стороны, глава Забайкальского участка строительства обещал оказывать всяческое содействие в деле открытия станции: предоставить помещение с отоплением и освещением на три года, а также внести единовременное пособие в размере 195 руб. на первоначальное обзаведение и канцелярские надобности. В Главном управлении почт и телеграфов просьбу сочли вполне уместной и своевременной⁷. В результате уже 14 марта 1899 г. министр внутренних дел разрешил открыть в Чинданте почтовое отделение со штатом из начальника (с окладом в 450 руб.) и почтальоном (240 руб.)⁸. Таким образом, на Кайдаловской линии железной дороги 1 мая 1899 г. было официально открыто первое почтовое отделение⁹. Между тем открытое исключительно для обеспечения нужд железнодорожных служащих, Чиндантское почтовое отделение просуществовало чуть больше года и было закрыто фактически сразу же после введения в эксплуатацию Кайдаловской линии, в январе 1901 г.¹⁰

После закрытия Чиндантского отделения его функции были переданы почтовому отделению, открытому уже при станции Онон-Китайский Кайдаловской линии. Подготовка к открытию почтового отделения здесь началась еще в 1900 г., однако в связи с различными организационными моментами оно задерживалось. Это дало повод Главному управлению почт и телеграфов 18 января 1901 г. обратиться к начальнику Забайкальского почтово-телеграфного округа с просьбой объяснить причины задержки¹¹. Уже 22 января того же года Главное управление получило ответную телеграмму, в которой отмечалось, что причиной задержки стало отсутствие подходящего помещения, однако все вопросы улажены, и 19 января 1901 г. почтовое отделение на станции Онон-Китайский было открыто для

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 3. Д. 2489. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2–3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 7.

посетителей¹². К концу 1901 г. станция Онон-Китайский была переименована в Оловянную¹³.

Первоначальное местонахождение почтового отделения на станции Оловянная установить достаточно трудно, однако, по сведениям местных краеведов, оно находилось, скорее всего, в здании самого вокзала¹⁴. Согласно воспоминаниям А.Н. Филиппова — жителя и почтового служащего селения Оловянная, в 1906 г. на станции было построено отдельное здание почтового отделения¹⁵. Самой ранней картой станции Оловянная, на которой указано местонахождение почты, является карта-схема 1930–1933 гг., хранящаяся в Оловянинском историко-краеведческом музее. В это время почта уже находилась не в районе железнодорожной станции, а в самом поселке, на Московской улице. У местных жителей эта улица получила негласное название «сладкой», поскольку в дореволюционное время именно здесь предпочитали селиться русские и китайские купцы¹⁶. Историческое здание почты не сохранилось, сегодня на его месте построен магазин.

Второе пристанционное почтовое отделение вдоль Кайдаловской линии было открыто на станции Борзя — крупнейшем пункте новой железнодорожной ветки с паровозным депо. В отличие от Оловянной, отделение в Борзе изначально планировалось как почтово-телеграфное. Идея открытия телеграфа здесь появилась еще до введения в эксплуатацию Кайдаловской линии¹⁷. Предполагалось, что почтово-телеграфная станция в Борзе не только сыграет особую роль в деле строительства железной дороги, но и будет иметь важное значение в случае военных действий на Дальнем Востоке¹⁸.

Отделение планировалось открыть в доме Людвиновского, который находился рядом со зданием железнодорожной станции. Первоначально владелец требовал за свой дом 1000 руб. в год, однако уже к концу апреля 1902 г. он согласился отдать его под нужды почтово-телеграфного отделения за годовую плату в 525 руб. без учета расхо-

¹² РГИА. Ф. 1289. Оп. 3. Д. 2489. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ Матафонова О.И., Никончук А. Станция Оловянная: взгляд в прошлое (очерк по следам школьного проекта). Чита, 2022. С. 29.

¹⁵ Филиппов А.Н. В батраках. — URL: <https://proza.ru/2011/10/01/915> (дата обращения 28.05.2023)

¹⁶ Серова А.И. Борьба Оловяненцев за Советскую власть // Архив Оловянинского историко-краеведческого музея. Д. ст. Оловянная; Журавлева Е., Некрасова Е. Из истории поселка Оловянная // Архив Оловянинского историко-краеведческого музея. Д. Оловянная.

¹⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1357. Л. 7–7 об.

¹⁸ Там же. Л. 7–7 об.

дов за отопление. При этом местные торговые фирмы обязывались «вносить в пособие казне на содержание в Борзе отделения по 125 руб. ежегодно»¹⁹. В результате 1 мая 1902 г. Главным управлением почт и телеграфов было предложено открыть отделение на станции Борзя со следующими условиями: 1) штат должен состоять из начальника с окладом в 750 руб., надсмотрщика с окладом в 630 руб., почтальона с окладом в 300 руб. и сторожа с окладом в 240 руб. в год; 2) заключить контракт с Людвиновским на наем помещения для отделения сроком на 6 лет за плату 525 руб. в год: 400 руб. от казны и 125 руб. от торговых фирм²⁰.

Между тем серьезным препятствием для осуществления изначального плана стала высокая стоимость затрат на открытие почтово-телеграфной станции в Борзе. После утверждения сметы по аренде помещения и окладам сотрудников расчет технической части показал, что единственной телеграфной линией в этом регионе является прямой правительственный провод № 81 Чита — Харбин, работа которого обслуживалась аппаратами Уитстона. Полноценное включение станции Борзя в эту линию требовало проведение «провода до Кайдалова на протяжении 220 верст», что обошлось бы российской казне в непомерную сумму — 15 тыс. руб.²¹ С точки зрения Главного управления почт и телеграфов, это были совершенно неоправданные расходы: «открытие же телеграфного действия для общей корреспонденции едва ли настолько необходимо, что бы указанный выше значительный расход на устройство провода (а вместе с тем и расход на содержание чинов для телеграфной службы) мог получить достаточное оправдание»²². Чтобы сократить общую стоимость расходов, начальник Забайкальского округа предложил подключить Борзю к проводу № 81 Чита — Харбин посредством менее затратного аппарата Морзе с целью надзора за линией, но без возможности приема и передачи депеш²³. Именно этот вариант и был принят в качестве окончательного: было решено открыть в Борзе почтовое отделение с установкой аппарата Морзе, что потребовало 725 руб.²⁴ Так, 16 ноября 1902 г. на станции Борзя старшим механиком, инженером-электриком Горбуновым и начальником почтового отделения Сибиряковым были проведены работы по установке кон-

¹⁹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1357. Л. 7–7 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 5–6.

²² Там же. Л. 7–7 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 8–9.

трольного аппарата Морзе в почтовом отделении и составлен акт выполнения работ²⁵.

В результате вдоль Кайдаловской линии вплоть до начала Русско-японской войны, кроме почтового отделения Чиндант, были открыты только два почтовых отделения — на станциях Оловянная и Борзя. Однако уже в 1901 г. начальник Забайкальской железной дороги отметил необходимость организовать почтовые операции на некоторых других станциях: «почти около всех станций <...> имеется значительное население, а между тем почтово-телеграфные конторы, исключая городские станции, находятся в расстоянии до нескольких верст. Ближайшее к станциям население, являясь для поездок, получения и отправления грузов, обращается к начальникам станций с просьбами о приеме к отправлению всякого рода корреспонденции, но так как на станциях названной дороги производство почтовых операций не организовано, то в этом приходится им отказывать»²⁶.

В январе 1902 г. Агинская степная дума получила от крестьянского начальника 2-го участка Читинского уезда предложение о «смене местонахождения железнодорожной почты России со станции Дарасун на станцию Могойтуй»²⁷, т.е. фактически — об открытии почтовой конторы на станции Могойтуй. Для обсуждения данного вопроса и составления общественного приговора 14 января 1902 г. был собран полный суглан (заседание) родовых глав, выборных и других членов. По решению общего собрания был принят приговор, в котором отмечалось, что «прием и сдача сельской почты на имя Агинской степной думы <...> ныне производится в ближайшем почтово-телеграфном отделении Дарасун отстоящем от степной думы в 70 верстах <...>», однако проведение «железной дороги по речке Могойтуйе, отстоящей от думы в 30 верстах», дает возможность «ходатайствовать о приеме и сдаче корреспонденции» на железнодорожной станции Могойтуй²⁸.

Ходатайство было передано через крестьянского начальника 2-го участка Читинского уезда начальнику Забайкальского почтово-телеграфного округа, а оттуда было отправлено в Петербург в Главное управление почт и телеграфов. От себя начальник Забайкальского почтово-телеграфного округа добавлял, что открытие на станции Могойтуй возможности для организации почтовых операций было

²⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1357. Л. 15.

²⁶ Там же. Оп. 7. Д. 550. Л. 7.

²⁷ Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 335. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 4–4 об.

бы желательным и необходимым «как для надобностей окрестного населения, так и железнодорожной администрации», поскольку «Могойтуй находится на участке Кайдаловской ветви Забайкальской железной дороги», а между станциями Кайдалово–Оловянная, на протяжении 127 верст не имеется других почтовых учреждений²⁹.

В июне 1902 г. Главное управление почт и телеграфов получило от Управления железных дорог запрос на открытие почтовой операции и на станции Адриановка³⁰. А 8 августа 1902 г. было принято решение открыть производство почтовых операций на 17 станциях Забайкальской железной дороги, в том числе и на станции Могойтуй, где почтовые операции стали осуществляться с 1 октября 1902 г.³¹ Что же касается станции Адриановка, то здесь всё заработало 1 июня 1903 г.³²

Между тем рост поселков вдоль линии железной дороги, а также начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война привели к росту объема корреспонденции и почтовых операций, которые были возложены на начальников станций. Неслучайно уже 2 сентября 1905 г. начальник Забайкальской железной дороги отправил рапорт в Министерство путей сообщения, где говорилось, что объем почтовых операций на станциях Адриановка и Могойтуй «за последнее время настолько увеличился, что начальники этих станций и прочие агенты положительно лишены возможности, без ущерба для дела, выполнять возложенные на них обязанности по почтовым операциям, так как деятельность эта требует на некоторых станциях не менее 9 часов ежедневной работы, каковой труд агентов не может не отразиться вредно на общем деле движения поездов, в особенности в настоящее время в виду массового воинского движения». В своем рапорте он ходатайствовал об открытии на вверенных ему 18 станциях железной дороги (в том числе и на станциях Могойтуй и Адриановка) самостоятельных почтовых отделений. Управление железных дорог сочло необходимым удовлетворить данную просьбу и обратилось к Главному управлению почт и телеграфов с просьбой вместо почтовых операций открыть полноценные почтовые отделения при станциях Забайкальской железной дороги³³.

Однако главным препятствием в осуществлении этого намерения оказался недостаток денежных средств. Закрытие почтовых операций на 18 станциях Забайкальской железной дороги и откры-

²⁹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 7. Д. 550. Л. 15.

³⁰ Там же. Л. 16.

³¹ Там же. Л. 19–19 об.

³² Там же. 23–23 об.

³³ Там же. Л. 49–49 об.

тие вместо них почтовых отделений требовало ежегодно свыше 20 000 руб. на обустройство и обслуживание отделений³⁴. В то же время, понимая, что полное упразднение почтовых операций причинило бы еще «большие неудобства и затруднения как населению, так и самим железнодорожным служащим», Главное управление почт и телеграфов предложило Министерству путей сообщения сохранить почтовые операции с условием увеличения заработной платы помощников и начальников станций³⁵. На что получило категоричный отказ от Управления железных дорог. В этих условиях Главное управление почт и телеграфов было вынуждено отдать распоряжение о закрытии почтовых операций на 18 станциях Забайкальской железной дороги с 1 января 1906 г. и попытаться организовать хотя бы на 7 станциях, имевших общую доходность свыше 1000 руб. в год (Адриановка, Баян, Илька, Ингода, Кручина, Селенга и Шилка), почтовые отделения. Разработку общего проекта почтовых отделений и поиск дополнительных средств на их содержание было решено поручить начальнику Забайкальского округа³⁶.

После Русско-японской войны приостановленные почтовые операции на станциях Кайдаловской ветви были частично восстановлены. На большинстве станций появилась возможность проводить простейшие почтовые операции с выдачей корреспонденции. Согласно материалам торгово-промышленного ежегодника «Вся Чита и Забайкалье», по состоянию на 1910 г. такие операции осуществлялись на станциях Ага, Адриановка, Булак, Бурятская, Бырка, Даурия, Китайский разъезд, Мациевская, Могойтуй, Седловая, Соктуй, Хадабулак, Харанор, Шарасун³⁷.

Прекращение в 1906 г. почтовых операций на станциях Могойтуй и Адриановка довольно скоро почувствовало местное население. Агинское инородческое волостное правление уже в том же году попыталось даже инициировать открытие полноценного почтового отделения на станции Могойтуй. На что получило ответ от крестьянского и инородческого начальника 2-го участка Читинского уезда, что для открытия в какой-либо местности почтового отделения требуется согласие Главного управления почт и телеграфов. Кроме этого, в документе сообщалось, что желательным было бы и финансовое участие в содержании отделения заинтересованных обывателей, а именно — внесение суммы в 195 руб.: 75 руб. на перво-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 52–53 об.

³⁷ Адресно-справочный и торгово-промышленный ежегодник на 1910 год «Вся Чита и Забайкалье» с отделом Приамурья в районе постройки Амурской железной дороги. Чита, 1910. С. 100–101.

начальное устройство почтового отделения и 120 руб. на канцелярские расходы³⁸. В сентябре 1907 г. выяснилось, что помимо взноса в 195 руб. также необходимо найти удобное помещение с отоплением и освещением для самого почтового учреждения и квартиру для начальника почты на срок не менее трех лет. Обязательным условием было и местонахождение этого помещения — в непосредственной близости от вокзала, в противном случае, население должно взять на себя обязательство еще и по доставке почты от вокзала до отделения и обратно³⁹. Эти условия крестьянский и инородческий начальник 2-го участка Читинского уезда передал на утверждение ближайшим к станции Агинскому и Цугольскому волостным правлениям. На что получил согласие Агинского волостного правления и отказ Цугольского волостного правления, посчитавшего, что открытие почтового отделения на станции Могойтуй станет «непосильным бременем для населения сей волости»⁴⁰. По всей видимости, решение Цугольского волостного правления отказаться от открытия почтового отделения на ст. Могойтуй объяснялось близостью цугольской местности к станции Оловянная, где уже действовало почтовое отделение. В результате ходатайство Агинского волостного правления об открытии в почтового отделения на станции Могойтуй в 1907 г. не было удовлетворено.

Следующую попытку открыть на станции Могойтуй почтовое отделение местное население предприняло только в 1911 г. 23 января 1911 г. Могойтувский поселковый сбор вынес приговор о ходатайстве перевода из селения Усть-Иля в Могойтуй почтово-телеграфного отделения. В приговоре общества сообщалось, что местное население обязуется в течение 5 лет вносить по 50 руб. в год в помощь казне в деле устройства почтово-телеграфного отделения и оказать правительству содействие в транспортировке телеграфных столбов⁴¹. Переносу почтового отделения из Усть-Иля в Могойтуй решительно воспротивился Акшинский уездный распорядительный комитет, отметивший тот факт, что почтовое отделение в Усть-Иля находится на почтовом тракте и обслуживает несколько крупных населенных пунктов. При этом комитет в целом считал желательным учреждение в Могойтуйе почтово-телеграфного отделения⁴². Однако на более высоком уровне ходатайство не нашло поддержки.

³⁸ ГА РБ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 63. Л. 2–2 об.

³⁹ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁰ Там же. Л. 7–8.

⁴¹ Государственный архив Иркутской области (ГА ИО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 107. Л. 5.

⁴² Там же.

Процесс открытия новых почтовых отделений вдоль Кайдаловской линии возобновился в 1910-х гг. С этого времени начинается и кампания по преобразованию почтовых отделений в почтово-телеграфные. Так, в почтово-телеграфные были преобразованы почтовые отделения на станциях Оловянная и Борзя, а в 1912 г. в памятной книжке Забайкальской области появились сообщения о даурском почтово-телеграфном отделении⁴³. В 1913 г. почтовое отделение было открыто на станции Адриановка. Инициатором его создания выступило местное население, которое обещало содействие казне в предоставлении бесплатного помещения для почты сроком на два года. В связи с этим Главное управление решило открыть с 1 июня 1913 г. при станции Адриановка почтовое отделение со штатом из начальника и почтальона с окладом по 300 руб. в год⁴⁴.

В 1914 г. после двух неудачных попыток (в 1906–1907 гг. и 1911 г.) на станции Могойтуй наконец было открыто телеграфное отделение, которое фактически сразу же было преобразовано в почтово-телеграфное⁴⁵. Изначально отделение в Могойтуе планировалось открыть в доме некоего Перфильева, однако его дом оказался недостаточно удобным по размерам, а его хозяин настаивал на более высокой плате. В связи с этим начальник Иркутского почтово-телеграфного округа поручил начальнику Усть-Илинского почтово-телеграфного отделения найти более подходящий дом в Могойтуе. В конечном итоге телеграфное отделение было открыто в доме казака П.Л. Попова⁴⁶. Официально оно начало свою работу 1 сентября 1914 г. и изначально работало только «для нужд военного ведомства»⁴⁷.

Уже в первой половине 1915 г. Могойтуевский станичный сбор 2-го военного отдела Забайкальского казачьего войска возбудил ходатайство о преобразовании телеграфного отделения на станции Могойтуй в почтово-телеграфное. Общество Могойтуя обещало оказать казне единовременное денежное содействие в сумме 75 руб. на заготовку необходимого имущества⁴⁸. Могойтуевская станция находилась в центре 5 селений с довольно зажиточным населением и значительным числом торговых заведений, в связи с чем масштаб поступающей и отправляемой корреспонденции при ст. Могойтуй был весьма значителен (ежемесячно в среднем до 600 простых отправлений, 20 заказных, 25 переводом на сумму 1000 руб., 3 посыл-

⁴³ Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г. Чита, 1912. С. 73.

⁴⁴ Государственный архив Забайкальского края (ГА ЗК). Ф. 38. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁴⁵ ГА ИО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 114. Л. 27.

⁴⁶ Там же. Л. 63.

⁴⁷ Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 129. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

ки общей ценностью до 20 руб. и др.)⁴⁹, что и послужило главными основаниями для преобразования отделения в почтово-телеграфное с 26 февраля 1916 г.⁵⁰

В целом до 1917 г. в Российской империи вдоль Кайдаловской линии были открыты всего 5 почтовых и почтово-телеграфных отделений. Некоторые из них, такие как почтово-телеграфное отделение при ст. Могойтуй, хотя и имели особую важность для местных жителей, тем не менее, были открыты довольно поздно, а процесс их формирования затягивался на десятилетия. На ряде станций населению была предоставлена возможность пользоваться простыми почтовыми операциями — с получением корреспонденции, но зачастую без возможности ее отправки.

Ситуация с прокладкой телеграфных линий и открытием гражданских телеграфных сообщений в поселках и на станциях вдоль Кайдаловской линии также была непростой. В районе существовала только одна правительственная телеграфная линия между Читой и Харбином № 81, однако на ней не было промежуточных пунктов с функцией приема и передачи депеш. Попытки проложить новую правительственную телеграфную линию между Усть-Иля и Могойтуем предпринимались в 1911 г.⁵¹, однако не были в то время реализованы.

Вдоль Кайдаловской линии телеграфное сообщение в основном шло по железнодорожной линии. Во время строительства вдоль дороги устанавливались два телеграфных провода. Планировалось, что по первому проводу будут передавать служебную и частную корреспонденцию, а по второму — корреспонденцию, непосредственно связанную с транспортным сообщением и движением поездов⁵². Позже, в 1904 г., был проложен и третий телеграфный провод, требовавшийся для оптимизации работы телеграфной службы⁵³.

Уже к началу 1901 г. возник вопрос об использовании железнодорожного телеграфа в правительственных и гражданских целях, ввиду отсутствия в целом ряде районов альтернативной телеграфной линии. 25 февраля 1901 г. начальник читинской почтово-телеграфной конторы отправил начальнику Забайкальского почтово-телеграфного округа рапорт с просьбой разъяснить ситуацию, касающуюся возможности получения и отправки телеграмм на станциях Кайдаловской линии. Дело в том, что, несмотря на отсутствие в то

⁴⁹ ГА ИО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 114. Л. 14–14 об.

⁵⁰ Там же. Л. 26.

⁵¹ Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 107. Л. 14.

⁵² ГА ЗК. Ф. 293. Оп. 1. Д. 61. Л. 54 об.

⁵³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 7. Д. 356. Л. 1.

время приема и отправления частных телеграмм на станциях дороги, читинские корреспонденты получали телеграммы с этих станций посредством железнодорожного телеграфа⁵⁴. Прием частных телеграмм со станций Кайдаловской ветви производился не только в Чите, но и в Нерчинске⁵⁵. Всё это свидетельствовало о настоятельной необходимости открытия гражданского телеграфа на станциях Кайдаловской ветки железной дороги.

В этих условиях 10 сентября 1901 г. начальник телеграфа Забайкальской железной дороги сообщил начальнику Забайкальского почтово-телеграфного округа, что с 1 ноября 1901 г. планируется открыть официальный прием телеграмм и внутренней корреспонденции на станциях Кайдаловской линии, таких как Адриановка, Бурятская, Могойтуй, Ага, Оловянная, Бырка, Хадобулак, Борзя, Хоронор, Шарасун, Мациевская. Он также просил уведомить его, на каких станциях потребуются ветви для соединения с правительственным телеграфом⁵⁶. Начальник Забайкальского почтово-телеграфного округа, в свою очередь, доложил Главному управлению почт и телеграфов, что в связи с отсутствием правительственного телеграфа вдоль Кайдаловской линии переприемным пунктом может быть только Кайдаловская почтово-телеграфная контора⁵⁷. 25 октября 1901 г. Главное управление почт и телеграфов сообщило начальнику Забайкальского почтово-телеграфного округа, что министр внутренних дел разрешил устройство соединительной телеграфной ветви между Кайдаловской почтово-телеграфной конторой и «местной станцией Кайдаловской ветви»⁵⁸. 18 декабря 1901 г. начальник Забайкальского почтово-телеграфного округа получил информацию от Службы телеграфа Забайкальской железной дороги, что соединительная ветвь была устроена между Кайдаловской почтово-телеграфной конторой и ст. Адриановка. Служба телеграфа дала распоряжение начать обмен сообщениями по соединительной ветви в 12 часов ночи 1 января 1902 г. Все депеши со станций от Маньчжурии до Адриановки, предназначенные для правительственного телеграфа, должны были направляться на ст. Адриановка для дальнейшей передачи до Кайдаловской почтово-телеграфной конторы⁵⁹.

1 января 1902 г., согласно телеграмме Кайдаловской почтово-телеграфной конторы начальнику Забайкальского почтово-теле-

⁵⁴ ГА ЗК. Ф. 293. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–2.

⁵⁵ Там же. Л. 9–10 об.

⁵⁶ Там же. Л. 12–12 об.

⁵⁷ Там же. Л. 13–14.

⁵⁸ Там же. Л. 37–37 об.

⁵⁹ Там же. Л. 42–42 об.

графного округа, обмен правительственного телеграфа со станциями Кайдаловской линии был открыт официально, после чего окончательно была устроена система гражданских телеграфных сообщений на поселках вдоль Кайдаловской линии посредством телеграфа⁶⁰.

Подводя итог, стоит сказать, что формирование почтово-телеграфной системы вдоль Кайдаловской ветки Забайкальской железной дороги представляло собой сложный и в целом довольно длительный процесс, растянувшийся на долгие годы. Огромную роль в установлении и развитии этой системы играло правительство и Министерство путей сообщения, непосредственно заинтересованные в развитии средств связи в отдаленном и малонаселенном регионе. При этом с развитием и заселением поселков вдоль железнодорожной линии с инициативой строительства почт и телеграфов всё чаще выступало и местное население, оказывавшее поддержку правительству в материальном и хозяйственном плане. В целом, одним из главных препятствий для открытия новых почтовых отделений на станциях Кайдаловской линии Забайкальской железной дороги стало отсутствие достаточного финансирования, поскольку обустройство и содержание почтово-телеграфных отделений требовало нередко весьма серьезных затрат. В результате почтово-телеграфные отделения открывались в первую очередь там, где в них видели острую необходимость в военном плане или в деле железнодорожного строительства.

References

Bazilevich K.V. *Pochta v Rossii v XIX v.* [Postal Service in Russia in the 19th Century]. Moscow: Izdatel'stvo NKPT, 1927. 196 p.

Dmitrieva N.V. *Na puti k KVZhD: finansovaya sostavlyayushchaya istorii stroitel'stva Kaidalovskoy zheleznodorozhnoy vetvi* [On the Way to the Chinese Eastern Railway: The Financial Component of the History of the Construction of the Kaidalovskaya Railway Line] // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2023. Vol. 13. N 4. P. 861–874.

Khodyakov M.V., Zhao Zhiqing. *Stroitel'stvo tserkvey v Zabaykale i Kitaysko-Vostochnaya zheleznaya doroga: Kaidalovskaya vetv' na rubezhe XIX–XX vekov* [Construction of Churches in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: The Kaidalovskaya Line at the Turn of the 19th and 20th Centuries] // *Bulletin of NSU. Series "Istoriya, filologiya"*. 2023. Vol. 22. N 8. P. 100–111.

Matafonova O.I., Nikonchuk A. *Stantsiya Olovyannaya: vzglyad v proshloye (ocherk po sledam shkol'nogo proekta)* [Olovyannaya Station: A Look into the Past (An Essay Following a School Project)]. Chita: IRO Zabaykalskogo Kraia, 2022. 154 p.

Sanzhiyeva T.E. *Pochtovaya svyaz' Zabaykal'ya v kontse XIX — nachale XX veka* [Postal Communication in Transbaikalia in the Late 19th and Early 20th Centuries] //

⁶⁰ Там же. Л. 45.

Irkutsk Historical and Economic Yearbook. Irkutsk: Izdatel'stvo Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. P. 182–188.

Shperk F. *Rossiya Dal'nego Vostoka* [Russia of the Far East]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1885. 503 p.

Vedmid' A. *Cherez stepi Daurii (K 100-letiyu vvoda v postoyannuyu ekspluatatsiyu Kaidalovskoy vetvi Zabaykalskoy zheleznoy dorogi)* [Through the Steppes of Dauria (On the 100th Anniversary of the Introduction of the Kaidalovskaya Line of the Transbaikal Railway into Permanent Operation)]. Chita: Zabtrans, 2001. 54 p.

Vigilev A.N. *Istoriya otechestvennoy pochty* [History of the National Postal Service]. Moscow: Radio i Svyaz', 1990. 312 p.

Vysokov M.S. *Istoriya pochty, telegrafa i radio na Dal'nem Vostoke Rossii (40-e gg. XVII — nachalo XX v.)* [History of Postal Service, Telegraph, and Radio in the Russian Far East (1640s — Early 20th Century)]. Yuzhno-Sakhalinsk: Izdatel'stvo SakhGU, 2004. 120 p.

Vysokov M.S. *Rossiyskaya imperiya na putyakh modernizatsii: zarozhdeniye i razvitiye elektrosvyazi v XIX — nachale XX vv.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk* [The Russian Empire on the Path of Modernization: The Emergence and Development of Electrical Communication in the 19th and Early 20th Centuries: Doctor in History Dissertation]. Saint Petersburg: RGPU imeni A.I. Herzena, 2004. 468 p.

Поступила в редакцию
25 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-86-106

Е.А. Суслопарова

ЖЕНСКОЕ ЛЕЙБОРИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

E.A. Susloparova

THE WOMEN'S LABOUR MOVEMENT IN GREAT BRITAIN IN THE INTERWAR PERIOD

Аннотация. В центре внимания статьи — развитие женской лейбористской организации Великобритании в 1918–1939 гг. После Первой мировой войны британские социал-демократы вели активную агитационную и пропагандистскую работу, позволившую в относительно короткий срок принципиальным образом трансформировать и усилить партийную организацию. Одним из компонентов реформ стало развитие женских партийных секций на основе существовавшей ранее Женской лейбористской лиги. В статье уделено внимание активисткам, стоявшим у истоков движения, — М. Филлипс, М. Сазерленд, С. Лоуренс, Д. Джоусон, М. Бондфилд, Э. Уилкинсон, а также рассмотрено, какие пропагандистские приемы и методы партия использовала с целью привлечь к себе новых сторонниц. Автор останавливается как на вопросах подготовки женщин-ораторов, организации для них специальных классов и летних школ, так и на массовых мероприятиях, призванных популяризировать лейбористскую партию среди населения. Внимание уделено женским партийным неделям и месячникам. В статье рассмотрена территориальная организация женских секций, попытки совершенствования управления ими по вертикали, создание женских консультативных советов, центральных комитетов в городах, женских федераций в графствах. Автор отмечает, что в рассматриваемый период наиболее заметные успехи женского партийного строительства были достигнуты в послевоенные 1920-е гг. В 1930-е же гг. рост женских секций и членства замедлился. Особое внимание уделено вхождению первой женщины-лейбористки в правительственный кабинет Р. Макдональда в 1929 г. — М. Бондфилд, которая заняла в нем должность министра труда. Дается оценка за-

Суслопарова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Susloparova Elena Alekseevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

susloparovaelena@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8889-7937

конотворческой деятельности М. Бондфилд в качестве главы министерства, выделяются обстоятельства, которые помешали ей осуществить значимые реформы в сфере страхования безработных. В статье проанализированы проблемы, которые вызывали наиболее заметные трения во взаимоотношениях партийного и профсоюзного руководства с женскими секциями. Среди них — вопросы выделения семейных пособий, популяризация мер по контролю над рождаемостью.

Ключевые слова: британские политические партии, лейбористская партия, суфражизм, женские секции в лейбористской партии, Маргарет Бондфилд, Мэрион Филлипс.

Abstract. The article focuses on the development of the women's Labour organization in Great Britain from 1918 to 1939. After the First World War, British social democrats engaged in active agitation and propaganda efforts, which enabled them to transform and strengthen the party organization significantly in a relatively short period. A key aspect of these reforms was the development of women's party sections, building on the foundation of the previously existing Women's Labour League. The article highlights the contributions of the activists who were instrumental in the movement's early days, including M. Phillips, M. Sutherland, S. Lawrence, D. Johnson, M. Bondfield, E. Wilkinson. It also examines the propaganda techniques and methods used by the party to attract new supporters. The author discusses the preparation of female speakers, the organization of special classes and summer schools for them, and the staging of mass events aimed at popularizing the Labour Party among the public. Special attention is given to women's party weeks and months. The article delves into the territorial organization of women's sections, efforts to improve their vertical management, and the creation of women's advisory councils, central committees in cities, and federations in counties. The author notes that the most notable successes in women's party building were achieved in the post-war 1920s. However, the growth of women's sections and membership slowed in the 1930s. A significant focus is on the entry of the first Labour woman, M. Bondfield, into R. MacDonald's government in 1929, where she served as Minister of Labour. The article assesses M. Bondfield's legislative activity as head of the ministry and highlights the circumstances that hindered her from implementing significant reforms in unemployment insurance. Additionally, the article analyzes the problems that caused the most notable tensions between the party and trade union leadership and women's sections, particularly regarding family allowance allocations and the popularization of measures for birth control.

Keywords: British political parties, Labour Party, suffragism, women's sections in the Labour Party, Margaret Bondfield, Marion Phillips.

* * *

Роль женщин в современной политической жизни весьма велика. Они голосуют на выборах, играют значимую роль в партийном строительстве, занимают министерские должности и даже периодически возглавляют правительственные кабинеты. Подобная картина

выглядит настолько привычной, что сегодня с трудом можно себе представить времена, когда женщины были лишены права выражать свои политические предпочтения посредством голосования, не говоря уже о выстраивании успешной политической карьеры.

Борьба британских женщин за избирательные права имеет глубокую и порой весьма трагичную историю. В 1903 г. Э. Панкхёрст основала Женский социально-политический союз, развернувший борьбу за право голоса для представительниц слабого пола. В достижении своих целей суфражистки не брезговали насильственными средствами, в том числе поджогами и хулиганством. Подобное поведение женщин, стремившихся привлечь к себе внимание любыми способами, имело двоякий результат. С одной стороны, перед началом Первой мировой войны страницы британских газет пестрели рассказами о скандалах с участием суфражисток. С другой стороны, их активность вызывала испуг и враждебность со стороны многих политиков, людей, наделенных властью и видевших в подобных действиях наглядное подтверждение того, что дамам пока нельзя давать право голоса. За поведение, выходящее за рамки закона, женщины-активистки периодически попадали в тюрьмы.

Отношение лейбористской партии к расширению права голоса за счет женщин в целом всегда было положительным. Однако партия с момента основания на рубеже XIX — XX вв. не находилась в авангарде суфражистского движения, сомнительного в плане методов достижения целей. Отдельные видные лейбористы, однако, открыто сочувствовали его бунтующим активисткам. В ряду подобных примеров можно назвать имена первого лидера партии К. Гарди, а также Дж. Лэнсбери, которым удалось близко познакомиться с известной суфражисткой Э. Панкхёрст и ее дочерьми. Гарди, автор работы «Мольба об избирательном праве для женщин»¹, в начале XX в. оказался настолько поглощен суфражизмом, что стал даже объектом упреков со стороны коллег, не без основания предполагавших, что это увлечение заслонило собой все остальные сферы его деятельности, что могло оказаться губительным для партии. В 1908 г. Гарди по собственному желанию покинул пост лидера.

Лэнсбери и вовсе, будучи депутатом британского парламента, в 1912 г. отказался от своего мандата во имя дела суфражизма. Нашумевшая история была связана с очередным заключением в тюрьму известной суфражистки Э. Дэвисон, которая в знак протеста неоднократно прибегала к голодовкам. Вначале Лэнсбери устроил скандал в палате общин, обвинив премьер-министра Г. Асквита, на

¹ *Hardie J.K. The Citizenship of Women. A Plea for Women's Suffrage. London, 1906.*

тот момент противника предоставления дамам права голоса, в недостойном джентльмена поведении в отношении заключенной². Лэнсбери даже призывал лейбористов прибегнуть к своего рода тактике обструкции, а именно — начать голосовать в парламенте против всех биллей либерального кабинета независимо от их содержания до тех пор, пока правительство не дарует женщинам избирательные права. Лейбористская партия оказалась не готова к такому рискованному шагу. Лэнсбери же продолжил протест в одиночку, самовольно сложив с себя депутатские полномочия, чтобы привлечь внимание современников к происходящему. В его округе, лишившемся депутата, вскоре прошли дополнительные выборы с участием в том числе и самого Лэнсбери, которые герой скандальных событий проиграл³.

Рабочая газета “Daily Herald”, которую в те годы редактировал Лэнсбери, также предпринимала усилия, чтобы всколыхнуть общественное мнение. Сотрудничавший с изданием выдающийся карикатурист австралийского происхождения У. Дайсон разместил в мае 1913 г. на его страницах рисунок, на котором министр внутренних дел Р. Маккена насильственно кормил через воронку привязанную к стулу суфражистку Дэвисон⁴. Ее судьба в конечном счете оказалась печальна. После очередного освобождения из тюрьмы она выбежала во время скачек с суфражистской символикой в руках прямо под копыта лошади и погибла. Вскоре “Daily Herald” напечатала на всю полосу очередную карикатуру — зловещее изображение Дэвисон в образе смерти, несущей плакат «Право голоса для женщин».

Наряду с отчаянной борьбой суфражисток, огромную роль в достижении женщинами права голоса сыграла Первая мировая война. Миллионы женщин, заменивших на фабриках и заводах ушедших на фронт мужчин, заслужили это право тяжелым трудом в тылу во имя достижения победы. На исходе войны всем было очевидно, что оттягивать далее избирательную реформу недопустимо. В результате в феврале 1918 г. король Георг V подписал закон о народном представительстве. Он даровал избирательные права всем мужчинам независимо от материального статуса с 21 года, а также впервые в истории — женщинам с 30 лет. В 1928 г. реформа была доведена до конца, возрастная планка для представителей обоих полов была уравнена (с 21 года). Таким образом в результате этих двух законов Великобритания получила в межвоенный период всеобщее избирательное

² Parliamentary Debates. House of Commons. 1912. Vol. 40. Col. 217.

³ На эту тему см. подробнее: Сулопарова Е.А. Джордж Лэнсбери (1859–1940). Страницы политической биографии лидера британских лейбористов // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 183–184.

⁴ Daily Herald. 1913. 24 May.

право, а всем политическим партиям предстояло научиться работать с массовым избирателем, в том числе с женщинами. Число голоствующих в 1920-е — 1930-е гг. будет составлять в среднем 15–22 млн человек⁵.

В данной статье, на основе главным образом партийных документов, прессы, а также мемуарной литературы, прослеживается, как разворачивалась работа с женским населением со стороны лейбористской партии Великобритании между двумя мировыми войнами, кто стоял у ее истоков, каков был ее механизм, в чем заключались основные успехи, а также сложности и промахи в этой работе.

В британской научной литературе имеется целый ряд работ, посвященных истории женского рабочего, лейбористского движения в достаточно широких хронологических рамках. Среди них можно выделить книгу «Женщины в лейбористском движении. Британский опыт» под редакцией Л. Миддлтона⁶. В XXI в. были опубликованы монографии К. Колетт «Накануне: женщины, феминистки и лейбористская партия», Н. Слоан «Женщины в комнате. Лейбористская забытая история», П. Бартли «Лейбористские женщины у власти»⁷ и ряд других. Однако ни одна из них не была сконцентрирована на межвоенном периоде. На сегодняшний день единственной монографией, непосредственно посвященной периоду 1918–1939 гг., остается работа П. Грэйвз⁸. В отечественной историографии, несмотря на наличие публикаций по истории суфражистского движения⁹, исследований на тему лейбористского женского партийного строительства никогда не предпринималось, что позволяет надеяться на то, что данная статья восполнит относительный пробел.

В британской литературе при характеристике лейбористов попадает определение «мужская партия»¹⁰. Достаточно вспомнить, что в 1900 г. во время создания организации на памятном собрании

⁵ Joyce P. *Politico's Guide to UK General Elections 1832–2001*. London, 2004. P. 182, 201, 210, 239.

⁶ *Women in the Labour Movement. The British Experience* / Ed. by L. Middleton. London, 1977.

⁷ Collette C. *The Newer Eve: Women, Feminists and the Labour Party*. Basingstoke; New York, 2009; Sloane N. *The Women in the Room. Labour's Forgotten History*. London; New York, 2018; Bartley P. *Labour Women in Power. Cabinet Ministers in the Twentieth Century*. Cham, 2019.

⁸ Graves P. *Labour Women: Women in British Working-class Politics 1918–1939*. Cambridge, 1994.

⁹ См., например: Шнырова О.В. Социально-правовой статус женщины в Викторианской Англии и суфражистское движение // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4 (8). С. 100–110; Она же. Суфражизм и избирательная реформа 1918 г. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (13). С. 82–89.

¹⁰ Sloane N. *Op. cit.* P. 79.

в лондонском Мемориал-холле присутствовали только мужчины, представители профсоюзов и социалистических обществ. Ни одна женщина не была приглашена участвовать в историческом по своему значению мероприятии.

Избирательные реформы 1918 и 1928 гг. предоставили право голоса не только женщинам, но и самым бедным слоям населения. Заметный количественный рост и усиление после Первой мировой войны тред-юнионов, входивших в лейбористскую партию на основе коллективного членства, также стали значимым подспорьем для ее стремительного роста и в конечном счете — формирования первых в истории собственных правительственных кабинетов под руководством Р. Макдональда в 1924 и 1929–1931 гг. Женская лейбористская лига была создана еще в 1906 г., однако поначалу ее деятельность оставалась ограниченной. Согласно новому уставу, принятому в 1918 г., партия, наряду с коллективным членством, начала создавать местные лейбористские ячейки в избирательных округах, которые комплектовались за счет индивидуального членства. В 1918 г. лига была интегрирована в лейбористскую партию, а ее местные организации превратились в женские партийные секции¹¹. Таким образом, 1918 год стал важнейшей точкой отсчета в истории развития лейбористской женской организации.

С момента создания секций во главе движения оказалась личность весьма примечательная — Мэрион Филлипс. Она родилась в Австралии в 1881 г. в семье юриста еврейского происхождения и была младшей из детей. Еще с юности Мэрион пророчили блестящее научное будущее. Она изучала философию и экономику в университете Мельбурна, который окончила в 1903 г. Затем Филлипс переехала в Англию и занялась научной работой в Лондонской школе экономики и политических наук. Карьера Мэрион складывалась настолько успешно, что она сумела получить докторскую степень. Поэтому среди коллег по партии ученую даму часто принято было называть доктор Филлипс. Еще в предвоенные годы она познакомилась с представительницей Фабианского общества Беатрисой Вебб, войдя в состав экспертов, привлеченных комиссией по усовершенствованию Законов о бедных. Одно время Филлипс была вовлечена в суффражистское движение. Тем не менее близко знакомая с ней лейбористка Эллен Уилкинсон писала, что Мэрион «никогда не была феминисткой в том смысле, в каком обеспеченные представительницы среднего класса его понимают»¹². Право голоса для женщин было для нее

¹¹ *Graves P.* Op. cit. P. 1.

¹² *Labour Magazine.* 1932. Vol. 10. N 10. P. 460.

возможностью приблизить достижение в стране социализма, но не целью само по себе.

По воспоминаниям современников, Мэрион Филлипс обладала ярко выраженными лидерскими качествами и умела находить общий язык как с мужчинами — коллегами по партии, так и с женщинами¹³. Известный лейборист А. Гендерсон называл ее человеком «поразительной интеллектуальной силы»¹⁴. Однако острая на язык Вебб в своих дневниках язвила, что Мэрион, сидя за рабочим столом в лейбористской штаб-квартире, порой имела «угрожающий» вид¹⁵. Предположительно, именно это обстоятельство позволило с самого начала наладить определенный порядок и дисциплину в рамках женского партийного строительства.

Согласно новому партийному уставу, принятому в 1918 г., представительницам женских секций было отведено 4 места в исполкоме, насчитывавшем примерно два десятка человек. Первыми от лица секций в него были включены: социалистическая активистка, супруга профсоюзного деятеля Флоренс Харрисон Белл; врач и суфражистка Этель Бентам; член Фабианского общества Сьюзан Лоуренс; бывшая учительница, жена известного лейбориста Филиппа Сноудена — Этель¹⁶. Партийные лозунги — требование социальной справедливости, полной занятости, выплаты пособий по безработице, расширение бесплатной системы образования для детей, строительство жилья — были созвучны после войны настроениям многих женщин-избирательниц. Партия выдвинула на первых послевоенных выборах в декабре 1918 г. всего четыре кандидата в парламент от прекрасного пола. Самой известной среди них была дочь сукошника 38-летняя шотландская суфражистка Мэри Макартур¹⁷. Еще в 1906 г. она основала Национальную федерацию женщин работниц, которая в 1921 г. была интегрирована в Национальный профсоюз неквалифицированных рабочих. Тем не менее, никто из лейбористок в парламент не прошел, а сама Мэри спустя два года скончалась¹⁸.

Единственной женщиной, избранной в 1918 г. в палату общин, оказалась ирландская суфражистка Констанция Маркевич. Однако, будучи представительницей партии Шинн Фейн¹⁹, она, как и другие

¹³ Labour Woman. 1932. Vol. 20. N 8. P. 40.

¹⁴ Daily Herald. 1932. 25 January.

¹⁵ Webb B. Diaries 1912–1924 / Ed. by M. Cole. London, 1952. P. 116.

¹⁶ Report of the 18th Annual Conference of the Labour Party. London, 1918. P. 2.

¹⁷ Report of the 19th Annual Conference of the Labour Party. London, 1919. P. 29.

¹⁸ См. подробнее о М. Макартур: *Hamilton M.A. Mary Macarthur: A Biographical Sketch*. Westport, 1976.

¹⁹ Шинн Фейн (*ирл.* «мы сами») — левая националистическая партия, созданная в 1905 г.

ее соратники-националисты, отказалась ехать в Лондон и участвовать в заседаниях²⁰. В январе 1919 г. в Ирландии было сформировано собственное правительство, провозгласившее независимость от королевства. Эти события послужили прелюдией к началу войны за независимость между Ирландской республикой и Великобританией. В результате первой женщиной — депутатом британского парламента принято считать леди Астор, сторонницу консервативной партии. Она была избрана на дополнительных выборах 1919 г. от округа, который ранее представлял в Вестминстере ее муж, перебравшийся в тот год в палату лордов²¹.

Лейбористы же, лишённые пока женского представительства в парламенте, в первые послевоенные годы были заняты выстраиванием по всей стране партийной пропагандистской машины, в которой достойная роль отводилась женским секциям. К середине 1919 г. они уже располагали пятью национальными организаторами (трое отвечали за Англию, по одной активистке полагалось на Уэльс и Шотландию). В их обязанности входили поездки по стране с целью налаживания связей и контактов между территориально разбросанными организациями²². Однако «путешествующие» пропагандистки были ограничены в своих действиях. В 1920 г. партия решила начать создавать центры на местах, которые бы на постоянной основе координировали деятельность местных активисток. Они получили название женских консультативных советов. К следующим выборам 1922 г. таких советов в стране уже насчитывалось три десятка, общее количество женщин индивидуальных членов партии, по официальным данным, приближалось к 100 тыс., число же местных женских секций превысило 800²³.

С целью привлечь внимание к партии лейбористы начали после войны проводить многочисленные массовые собрания, насчитывавшие порой по несколько сотен участниц и адресованные специально женской аудитории. В начале 1920-х гг. они устраивались в крупных городах — Лондоне, Бристоле, Ньюкасле, Ноттингеме, Кардиффе, Ковентри и ряде других.

Кульминацией подобных мероприятий считалась ежегодная женская лейбористская конференция, планировавшаяся, как правило, на весеннее время. На конференцию съезжались не только

²⁰ См. подробнее о К. Маркевич: *Haverty A. Constance Markievicz. Irish Revolutionary.* London, 1988.

²¹ *Grigg J. Nancy Astor. Portrait of a Pioneer.* London, 1980. P. 72–74.

²² Report of the 19th Annual Conference of the Labour Party. P. 33.

²³ Report of the 22nd Annual Conference of the Labour Party. London, 1922. P. 50, 64–65.

активистки со всей страны, но также и руководство, видные деятели самой партии, ее секретарь А. Гендерсон, управлявший работой штаб-квартиры, а также У. Адамсон, Р. Макдональд, Дж. Лэнсбери и другие. В те годы, при незначительном еще распространении радио и отсутствии телевидения, очень большую роль в пропаганде играло умение партийного активиста выступить перед большой аудиторией. Женщинам-лейбористкам в те годы только предстояло осваивать это непростое мастерство. На рубеже 1921–1922 гг. партия приступила к организации специальных курсов, которые должны были обучать женщин-ораторов²⁴. Они будут функционировать все последующие годы.

Ценным пропагандистским орудием также являлось ежемесячное издание “Labour Woman”, выходявшее с 1913 г. и активно занимавшееся после войны популяризацией партии. Редактором была руководитель женского движения Мэрион Филлипс. В нем печатались статьи на социальные, политические и даже внешнеполитические темы, уделялось внимание и женской моде.

На выборах 1922 г. партия выдвинула 10 женщин — кандидатов в парламент, а в 1923 г. уже 14. По итогам последних три лейбористки наконец одержали победу. Героинями избирательной кампании 1923 г. стали Сьюзан Лоуренс, Дороти Джоусон и Маргарет Бондфилд²⁵. Самая старшая из них, Сьюзан, родилась в 1871 г. в респектабельной семье юриста, училась в Кембриджском университете, в 1911 г. вступила в Фабианское общество, а в 1912 г. — в лейбористскую партию. Внешне Сьюзан походила скорее на аристократку либо представительницу среднего класса, однако это не помешало ей завоевать симпатии в рабочей среде. 39-летняя Дороти Джоусон, также выпускница Кембриджа, была дочерью предпринимателя. За спиной у нее имелся опыт работы в Национальном профсоюзе неквалифицированных рабочих²⁶.

Единственной женщиной-депутатом, вышедшей из рабочей среды, стала в 1923 г. Маргарет Бондфилд, родившаяся в 1873 г. в семье текстильщика. Героиня событий 1923 г. вспоминала, что после победы голосовавшие за нее жители округа буквально «сошли с ума» от ликования²⁷. В молодости Маргарет жила в бедности, работала продавщицей, а переехав в Лондон, вступила в профсоюз продавцов, где вскоре стала заметной активисткой. Близко знавшая ее

²⁴ Report of the 22nd Annual Conference of the Labour Party. P. 66.

²⁵ Report of the 23rd Annual Conference of the Labour Party. P. 50; Report of the 24th Annual Conference of the Labour Party. P. 12.

²⁶ См. о ней: *Meeres F. Dorothy Jewson. Suffragette and Socialist*. London, 2014.

²⁷ *Bondfield M. A Life's Work*. London; New York, 1948. P. 251.

Мэри Гамильтон отмечала, что Бондфилд смолоду обладала редким для молодых лейбористок тех лет качеством — выраженными ораторскими способностями и умением легко привлечь к себе внимание аудитории²⁸. В 1923 г. Маргарет была также избрана председателем Британского конгресса тред-юнионов, что было весьма необычно, поскольку ранее этот почетный пост занимали исключительно мужчины — профсоюзные функционеры.

Уже скоро волею обстоятельств Бондфилд довелось занять младший пост в правительстве. В конце 1923 г. находившийся у власти лидер консерваторов С. Болдуин решил вывести свою партию на досрочные парламентские выборы в связи с решением перейти к политике протекционизма, не заявленной в ходе предыдущей кампании тори 1922 г. Выборы, однако, хотя и принесли консерваторам победу, не позволили им, как прежде, полностью контролировать парламент. В результате в январе 1924 г. кабинет Болдуина получил в палате общин вотум недоверия усилиями двух других партий, сторонниц свободы торговли — лейбористов и либералов.

В непростых обстоятельствах «подвешенного парламента» было принято решение позволить лейбористам сформировать первый в истории страны кабинет во главе с Р. Макдональдом на основе фритредерства и при согласии либералов. Таким образом, партия лейбористов во многом неожиданно для себя оказалась у власти в январе 1924 г., а Маргарет Бондфилд был предложен пост парламентского секретаря министерства труда, которое возглавил Т. Шоу. Кабинет Макдональда не сумел реализовать заметных внутривнутриполитических реформ, за исключением, пожалуй, нашумевшей жилищной программы строительства муниципального жилья для рабочих, и продержался всего девять месяцев. Однако партия обрела бесценный правительственный опыт, а также почувствовала вкус власти.

По итогам выборов осенью 1924 г., сопровождавшихся скандалом с «письмом Коминтерна»²⁹, все три упомянутые выше женщины лишились своих депутатских мандатов. Лейбористская предвыборная машина сумела выставить в ходе кампании 22 кандидата от

²⁸ *Hamilton M.A. Margaret Bondfield. London, 1924. P. 16–17.* О М. Бондфилд см. также: *Суслопарова Е.А. Маргарет Бондфилд // Вопросы истории. 2018. № 2. С. 14–33; Judge T. Margaret Bondfield. First Woman in the Cabinet. London, 2018.*

²⁹ Так называемое «письмо Коминтерна» за подписью Г.Е. Зиновьева, которое принято считать фальшивкой, было опубликовано в “Daily Mail” незадолго до выборов. Оно было адресовано британским коммунистам и призывало их, в частности, активизировать революционную борьбу за свержение буржуазного строя в своей стране. Тень от «письма» пала на лейбористов, поскольку в 1924 г. их кабинет установил с СССР дипломатические отношения, а также подписал общий и торговый договоры.

слабого пола, гораздо больше в сравнении с консерваторами и либералами. Однако выборам сопутствовал настоящий антилейбористский разгул на страницах британской печати. В итоге парламентское место досталось только одной претендентке — 33-летней Эллен Уилкинсон³⁰.

Подобно Маргарет Бондфилд, Эллен происходила из рабочей среды. Известный британский историк К. Морган в сборнике лейбористских портретов называл именно Уилкинсон самой значимой женщиной-политиком XX в.³¹ Он аргументировал это тем, что Эллен, даже в зените своей политической карьеры так и не ставшая на ступень, достигнутую премьер-министром М. Тэтчер, сумела одной из первых в стране сформировать имидж женщины-политика, заслуживающего доверия. В британской историографии Уилкинсон называют «красной Эллен»³². Она принадлежала к левому флангу партии, всего в жизни добилась сама, не имея семейной финансовой поддержки, сумела получить стипендию и закончить в 1913 г. Манчестерский университет. В последующие годы Уилкинсон была активно вовлечена в профсоюзную работу, одно время сотрудничала с компартией, созданной в Великобритании в 1920 г., а также в 1923 г. незадолго до начала парламентской карьеры была избрана в муниципалитет Манчестера³³.

Во второй половине 1920-х гг., уйдя в оппозицию, лейбористы продолжили пропагандистскую работу среди женского населения. Характерными особенностями этого периода стало празднование так называемого женского дня, впервые состоявшееся в 1923 г., с 1925 г. — женской недели, а с 1927 г. — женского месячника. Мероприятия включали в себя организацию демонстраций, торжественных шествий, раздачу пропагандистской литературы. Так, например, во время одной только женской недели 1925 г. партия сумела распространить примерно 500 тыс. пропагандистских листовок³⁴.

Подобного рода деятельность была бы невозможна без усовершенствования структуры лейбористского женского движения. Помимо консультативных советов (к концу десятилетия их было уже 57) партия приступила к созданию центральных комитетов с целью координации работы женских организаций в городах, а также начала образовывать специальные федерации в графствах.

³⁰ Report of the 25th Annual Conference of the Labour Party. London, 1925. P. 8.

³¹ Morgan K.O. Labour People. Leaders and Lieutenants, Hardie to Kinnock. Oxford, 1987. P. 101.

³² См., например, название книги М. Пеппи: Perry M. "Red Ellen" Wilkinson. Her Ideas, Movements and World. Manchester; New York, 2014.

³³ Ibid. P. 35–36.

³⁴ Report of the 25th Annual Conference of the Labour Party. P. 30.

В результате к концу 1920-х гг. партийная машина насчитывала уже 39 центральных комитетов и 49 федераций по всей стране³⁵.

Наряду с женскими неделями и месячниками лейбористы продолжали рутинную работу по проведению в регионах массовых собраний. Обычно утренняя часть мероприятия включала в себя встречи для партийных активисток, вечерняя была более обширной и ставила целью привлечь всех местных любопытных и интересующихся. Ежегодные женские конференции также проводились регулярно за исключением 1926 г., отмеченного так называемой всеобщей стачкой, вызванной кризисом в угольной отрасли и поглотившей всё внимание партийных активистов. Периодически партия устраивала в некоторых графствах специальные загородные прогулки для женщин-сторонниц, нанимая для этого большие экипажи, запряженные лошадьми.

В период майской всеобщей стачки 1926 г., а также продолжавшейся в течение семи последующих месяцев забастовки горняков женщины-лейбористки организовали специальный комитет в поддержку бастующих, а женские секции в охваченных забастовкой районах и за их пределами собирали обувь, еду, финансовые средства и многое другое для семей забастовщиков³⁶.

К концу первого послевоенного десятилетия был расширен масштаб работ по подготовке женщин-ораторов. С этой целью партия с помощью женских консультативных советов стала устраивать специальные недельные летние школы. Наряду с этим применялась и более скромная практика однодневных женских летних школ и собраний выходного дня. Например, в 1926 г. однодневные мероприятия состоялись в каждом избирательном округе Южного Уэльса³⁷. К концу 1920-х гг. в женском движении выделились явные региональные фавориты, организации, отличавшиеся наибольшей активностью, масштабом работы и энтузиазмом. В первую очередь можно назвать графства Дарем и Нортгумберленд. Например, в 1925 г. во время пропагандистских мероприятий в Дареме торжественная процессия участниц насчитывала около 25 тыс. человек³⁸. Женское членство к концу первого послевоенного десятилетия составляло примерно 200–250 тыс. человек, а число женских секций превысило 1860³⁹.

Однако работа партии с женским населением не была лишена сложностей. Среди них можно выделить две главные проблемы. Во-

³⁵ Report of the 29th Annual Conference of the Labour Party. London, 1929. P. 21.

³⁶ Labour Woman. 1926. Vol. XIV. N 6. P. 85.

³⁷ Report of the 26th Annual Conference of the Labour Party. London, 1926. P. 8.

³⁸ Report of the 25th Annual Conference of the Labour Party. P. 30.

³⁹ Report of the 29th Annual Conference of the Labour Party. P. 21.

первых, многие представительницы прекрасного пола из рабочей среды желали иметь максимальный доступ к информации о контрацепции, поскольку многодетные семьи часто еле-еле сводили концы с концами. Вопрос встал еще во время первого лейбористского кабинета, где пост министра здравоохранения занимал католик Дж. Уитли. Летом 1924 г. он принял делегацию женщин по данному вопросу, однако в силу религиозных взглядов какой-либо заинтересованности в помощи и распространении подобной информации не выразил⁴⁰. Лидер женского лейбористского движения М. Филлипс также не была рьяной сторонницей контрацепции, считая проблему спорной и способной лишь расколоть партийное единство.

В 1924 г. была создана Рабочая группа по контролю над рождаемостью. В нее, в частности, вошли упомянутая выше бывший член парламента от лейбористов Дороти Джоусон, супруга известного британского философа Дора Рассел и ряд других. Тем не менее партия так и не рискнула поставить вопрос о контроле над рождаемостью в центр своей политической программы. В 1925 г. ее исполком вынес решение о том, что проблема носит частный характер и должна быть оставлена на личное усмотрение каждого⁴¹.

В начале 1926 г. один из лейбористов-заднекамеечников все же попытался от своего имени выдвинуть частный билль о контроле над рождаемостью. При голосовании в палате общин некоторые однопартийцы его поддержали (например, такая известная фигура, как Дж. Лэнсбери), другие высказались против, многие же демонстративно не явились на заседание⁴². В 1930-е гг. вопрос так и остался открытым.

Вторая спорная проблема была связана с выдачей специальных семейных пособий, в которых были заинтересованы жены рабочих, имевших скромный доход. Идея пособий, впрочем, не нравилась многим представителям профсоюзного руководства, в том числе влиятельному Э. Бевину, возглавлявшему тред-юнион транспортных и неквалифицированных рабочих, который был одним из самых мощных в стране и являлся ценным финансовым донором партии. Мотивировка заключалась в том, что подобная реформа могла способствовать сокращению и без того невысоких базовых ставок заработной платы у мужчин и в любом случае осложнила бы переговоры с предпринимателями⁴³.

⁴⁰ *Graves P.* Op. cit. P. 85.

⁴¹ Report of the 25th Annual Conference of the Labour Party. P. 44.

⁴² Parliamentary Debates. House of Commons. 1926. Vol. 191. Col. 849–857.

⁴³ *Graves P.* Op. cit. P. 99, 108; *Phillips G.* The Rise of the Labour Party 1893–1931. London; New York, 1992. P. 40.

К концу 1920-х гг. лейбористская партия заметно сдвинулась вправо, что было связано со стремлением ее лидера Р. Макдональда скорее вытеснить либералов с политической арены посредством привлечения на свою сторону разнообразного по социальному составу избирателя, в том числе за рамками круга рабочих сторонников. В результате парламентские выборы 1929 г. впервые в истории принесли лейбористам победу, позволив им завоевать 287 парламентских мест из 615. В избирательной кампании боролись 69 женщин, из них 30 лейбористок, 10 консерваторов, 25 либералов, 3 коммунистки и 1 независимый кандидат. В итоге в парламент прошло 9 женщин от лейбористов, 3 — от консерваторов, 1 — от либералов и 1 независимый депутат. В тот год в Вестминстер были впервые избраны упоминавшаяся выше руководительница женского движения Мэрион Филлипс; выпускница Кембриджа, известная публицистка и писательница Мэри Гамильтон; выпускница Эдинбургского университета, будущая жена харизматичного лейбористского политика Э. Бивена — Дженни Ли и ряд других⁴⁴.

В 1929 г. также впервые в британской истории женщина была приглашена войти не просто в правительство в качестве младшего министра или парламентского секретаря, а непосредственно в кабинет (более узкое ядро, принимавшее все важнейшие решения). Наряду с этим женщина как член кабинета получала возможность войти в Тайный Совет. Счастливицей оказалась все та же Маргарет Бондфилд. Ей было предложено занять пост министра труда.

В соответствии с давней традицией члены кабинеты должны были быть представлены королю. Женщине-министру впервые предстояло участвовать в подобном мероприятии, в связи с чем возник вопрос, во что она должна быть одета. Маргарет не располагала гардеробом для торжественных мероприятий. В своих мемуарах она писала, что у нее даже не было времени на его обновление. В итоге при встрече с Георгом V из новых вещей на лейбористке была лишь шелковая блузка и перчатки. Остальные старые вещи были почищены и выглажены. Также лейбористку заставили надеть шляпку. В дальнейшем Бондфилд старалась игнорировать эту традицию британского истеблишмента. Маргарет вспоминала, что, увидев ее, король, вопреки традиции, нарушил молчание и заявил, что ему приятно принять у себя первую женщину — члена Тайного Совета⁴⁵.

Если задаться вопросом, насколько успешно проявила себя на министерском посту лейбористка — первый член кабинета, то

⁴⁴ Report of the 29th Annual Conference of the Labour Party. P. 6–7.

⁴⁵ Bondfield M. Op. cit. P. 277–278.

ответ будет неоднозначным. С одной стороны, она не совершила каких-либо явных промахов. Не следует забывать, что в 1920-е гг. лейбористские министры-новички, не имевшие правительственного опыта, находились под чутким наблюдением опытного аппарата госслужащих соответствующих ведомств, к помощи и советам которых относились обычно с уважением. Бондфилд не была исключением. С другой стороны, история второго лейбористского кабинета совпала с наступлением мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Главной задачей министра труда партия считала усовершенствование страхования по безработице. Бондфилд разработала закон, который увеличивал размеры отдельных пособий на мизерную сумму в несколько шиллингов. Профсоюзное руководство осталось крайне недовольно реформой и безрезультатно встречалось по этому вопросу с Маргарет⁴⁶.

Однако тред-юнионы так и не смогли добиться более значимой корректировки суммы. Лейбористское правительство панически боялось дефицита госбюджета. Сама Бондфилд в мемуарах снимала с себя всю вину, отмечая, что была ограничена в своих действиях, а также подчеркивала, что общее руководство политикой по борьбе с безработицей было поручено некомпетентному, на ее взгляд, профсоюзному деятелю Дж. Томасу⁴⁷.

В августе 1931 г. второй лейбористский кабинет Макдональда раскололся. Причиной стали споры о возможности сокращения расходных статей бюджета. Речь шла о снижении пособий безработным на 10%⁴⁸. Бондфилд нарочито обходила молчанием результаты голосования в своих мемуарах, однако благодаря другим историческим источникам известно, что ее не было среди министров, голосовавших в поддержку безработных, т.е. против урезания расходов⁴⁹. На следующий день после раскола Р. Макдональд совершил «предательский», с точки зрения однопартийцев, поступок. Он согласился возглавить готовящееся на смену лейбористскому так называемое «национальное правительство», где первую скрипку будут играть консерваторы. Он и несколько поддержавших его лейбористов были в сентябре 1931 г. исключены из партии.

Внеочередные парламентские выборы, состоявшиеся в октябре 1931 г., на которых Макдональд вместе с консерваторами и некоторыми либералами под флагом «национального правительства» бо-

⁴⁶ Report of the 30th Annual Conference of the Labour Party. London, 1930. P. 56–57.

⁴⁷ *Bondfield M.* Op. cit. P. 295–297.

⁴⁸ *Snowden P.* An Autobiography. In 2 vols. Vol. 2. London, 1934. P. 947–948.

⁴⁹ См.: Daily Herald. 1931. 24, 25 Aug.

ролся против своих бывших соратников, стали разгромными для партии. Лейбористы, расставшись с недавним лидером, заметно сместились влево, пропагандировали в ходе избирательной кампании скорейшую политику широкой по масштабу национализации промышленности и банковской системы. Их организационная машина сумела выставить около 500 кандидатов, из них 29 женщин. Однако никто из последних в парламент не прошел⁵⁰. Всего же парламентская фракция лейбористов в первой половине 1930-х гг. сократилась до 46 мужчин⁵¹. В результате в палате общин, заседавшей с 1931 по 1935 г., не было ни одной лейбористки. В дальнейшем на выборах 1935 г. позиции лейбористов заметно улучшились. Несмотря на очередную проигрыш, они сумели провести в парламент 154 человека. В тот год партийная машина побила все прежние рекорды, выдвинув 33 кандидатуры женщин. Тем не менее только одна из них, Эллен Уилкинсон, сумела вновь получить депутатский мандат⁵².

1930-е годы в целом были отмечены рядом новых особенностей в развитии женского партийного строительства. Во-первых, лейбористы наконец признали, что в погоне за количественным ростом создали слишком много слабых женских секций по всей стране, ряд из которых оказался на практике нежизнеспособен. В результате некоторые пришлось ликвидировать. Если на рубеже 1920-х — 1930-х гг. число секций было свыше 1860, то к середине 1930-х гг. из них было ликвидировано примерно 250⁵³. Число консультативных советов оставалось практически на прежнем уровне. В середине предвоенного десятилетия партия имела уже 72 женские федерации в графствах и 60 женских центральных комитетов в городах⁵⁴. К концу 1930-х гг. статистика существенно не изменилась.

Количество женщин — индивидуальных членов к середине 1930-х гг. насчитывало 172,9 тыс. человек, в конце — 168,9 тыс., что опять же свидетельствовало о нисходящей динамике⁵⁵. В целом подобная картина являлась отражением общей тенденции некоторого сокращения партийного членства после принятия известного закона 1927 г. о промышленных конфликтах и тред-юнионах, который стал ответной мерой консервативного правительства на всеобщую стачку 1926 г. В частности, он запретил гражданским служащим вступать в Британский конгресс тред-юнионов и затруднил процесс финансо-

⁵⁰ Report of the 32nd Annual Conference of the Labour Party. London, 1932. P. 8–9.

⁵¹ Joyce P. Op. cit. P. 225.

⁵² Report of the 36th Annual Conference of the Labour Party. London, 1936. P. 5.

⁵³ Ibid. P. 67.

⁵⁴ Report of the 35th Annual Conference of the Labour Party. London, 1935. P. 40.

⁵⁵ Report if the 39th Annual Conference of the Labour Party. London, 1940. P. 45.

вой поддержки лейбористов профсоюзами. Второй кабинет Макдональда 1929–1931 гг., не располагавший абсолютным парламентским большинством, так и не решился на аннулирование этого закона. Последний был пересмотрен только в 1946 г. лейбористским правительством К. Эттли, когда партия по итогам выборов 1945 г. получила наконец контроль над парламентом.

Во-вторых, в 1930-е гг. произошли изменения в руководстве женского движения. В 1932 г. после скоропостижной кончины, в возрасте всего 50 лет, Мэрион Филлипс на капитанский мостик заступила шотландка Мэри Сазерленд. Она же стала редактором “Labour Woman”. На тот момент Мэри было 36 лет. Она была историком по специальности, выпускницей университета в Абердине, после окончания которого преподавала в Высшей школе для девушек в том же городе. В дальнейшем Сазерленд оказалась вовлечена в профсоюзное движение, отвечала за деятельность женских секций в Шотландии, а также трудилась в известном рабочем издании «Форвард». В августе 1932 г. Мэри впервые обратилась к читательницам “Labour Woman” в новом качестве лидера движения и редактора журнала, отметив, что ей и коллегам предстоит большая работа⁵⁶. Сазерленд оставалась на своем посту несколько десятилетий вплоть до начала 1960-х гг. После смерти М. Филлипс в партии был создан Фонд в ее честь, а также организована специальная кампания, направленная на привлечение новых членов и носившая ее имя⁵⁷.

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что повестка дня ежегодных женских конференций 1930-х гг. в полной мере несла на себе печать тревожного предвоенного десятилетия. Наряду с прежней традиционной социальной проблематикой лейбористки обсуждали международную ситуацию, агрессию Японии в Китае, приход нацистов к власти в Германии, нападение Италии на Эфиопию и другие темы. В русле общей партийной политики тех лет активистки выражали осуждение переходу Великобритании к протекционизму, осуществленному в полном объеме «национальным правительством» в 1932 г. Еще одним новшеством стало то, что с 1935 г., наряду с общей ежегодной женской конференцией, штаб-квартира стала устраивать днем раньше (либо днем позже) своего рода закрытое заседание исключительно для администраторов из местных женских секций, где регулировались рутинные вопросы пропаганды, распространения листовок и т.п.⁵⁸

⁵⁶ Labour Woman. 1932. Vol. 2. N 8. P. 114.

⁵⁷ Report of the 33rd Annual Conference of the Labour Party. London, 1933. P. 43–44.

⁵⁸ Report of the 35th Annual Conference of the Labour Party. P. 41.

Что касается женского месячника, то после разгромного поражения 1931 г. партия, несмотря на бравурные комментарии в прессе со стороны руководства, в действительности примерно год находилась в состоянии организационного упадка и определенной растерянности. Вследствие этого в 1932 г. месячник вообще не проводился. В последующие годы мероприятие было возобновлено. Лейбористы продолжали готовить женщин-ораторов и пропагандистов, не отказываясь от хорошо зарекомендовавшей себя практики организации краткосрочных школ обучения. Наиболее продолжительные мероприятия проводились в относительно свободное летнее время.

Так, например, летом 1938 г. лейбористы организовали три недельные летние школы, которые посетило свыше 100 человек, а также несколько школ выходного дня и около трех десятков школ одного дня⁵⁹. Прямо перед войной летом 1939 г. 170 женщин приняли участие в 4 летних школах, проведенных в Лондоне, северно-восточных и восточных графствах. Было также устроено 5 школ выходного дня в Шотландии, Южном Уэльсе, Лондоне, Дареме, Галифаксе, в которых прошли обучение 220 женщин. Партия запланировала 31 однодневное мероприятие, однако осенью в связи с началом Второй мировой войны многие из них пришлось отменить⁶⁰.

В-четвертых, во второй половине 1930-х гг. все большее значение в ущерб партийному исполкому, в который женщины неизменно входили по Уставу с 1918 г., стал приобретать Национальный совет лейбористов — не избираемый, а назначаемый орган. В нем принцип обязательного женского представительства вообще не соблюдался. Подобная тенденция была временной, роль совета в 1940-е гг. снижалась вплоть до его роспуска, однако для 1930-х гг. подобная организационная особенность партийного строительства имела важное значение и была не в пользу женщин.

В 1930-е гг. новой актуальной проблемой, выдвигаемой активистками, стало требование равной оплаты труда независимо от пола. В данном вопросе партия была в целом солидарна с ними. Весной 1936 г. лейбористы представили в парламенте поправку о равной оплате труда гражданских служащих как мужчин, так и женщин⁶¹. Однако идея в те годы не получила поддержки консерваторов и так и не была реализована.

В заключении следует подчеркнуть, что на этапе становления до начала Первой мировой войны лейбористская партия, заинтересованная в женских избирательных голосах, официально не склонна

⁵⁹ Report of the 38th Annual Conference of the Labour Party. London, 1939. P. 77.

⁶⁰ Report of the 39th Annual Conference of the Labour Party. P. 29.

⁶¹ Parliamentary Debates. House of Commons. 1936. Vol. 310. Col. 2017.

была активно поддерживать воинствующих суфражисток, нарушительниц порядка, полагая, что это могло нанести ущерб ее репутации. Как это ни парадоксально, у истоков и во главе женского лейбористского движения межвоенных лет, несмотря на присутствие слова «рабочая» в названии партии, стояло немало женщин нерабочего происхождения. Его первые лидеры Мэрион Филлипс и Мэри Сазерленд имели университетское образование и были дамами весьма эрудированными. В этом видится заметное отличие от мужского руководства партии тех лет, среди которого практически никто из представителей первого поколения (К. Гарди, Р. Макдоналд, А. Гендерсон, Дж. Клайнс) не имел опыта обучения в университете. Даже министр финансов первых двух лейбористских кабинетов Ф. Сноуден был самоучкой, освоившим замысловатую экономическую науку по книгам.

Представляется, что партия в межвоенный период в полной мере отдавала отчет в значимости женских голосов для успешной борьбы за парламентское представительство. Свидетельством тому стало выстраивание постоянно действующей партийной машины с участием женских секций по всей стране. Лейбористы были убеждены, что привлекать прекрасный пол в их ряды должны были прежде всего сами входившие в партию женщины. Очевидную нехватку опытных пропагандистов среди женщин и девушек лейбористы старались компенсировать посредством организации классов для их обучения, летних школ и т.п.

Существенным подспорьем в агитационной работе были женские недели и месячники, в течение которых пропаганда приобретала наиболее интенсивный и развернутый характер. В то же время едва ли можно говорить о том, что лейбористам в межвоенный период удалось полностью сломать стереотип «мужской партии», поскольку доминирование в ней промышленных рабочих, членов профсоюзов оставалось очевидным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Партийные документы свидетельствуют, что статистика роста женского движения была гораздо более динамичной и впечатляющей в 1920-е гг. Британский исследователь М. Пью, например, считает, что в 1930-е гг. происходила своего рода маргинализация женского партстроительства⁶². Причины этого отчасти видятся в том, что лейбористы были ограничены в финансовых средствах. Они вынуждены были прикладывать значительные усилия для борьбы за

⁶² Pugh M. Speak for Britain. A New History of the Labour Party. London, 2010. P. 236.

другие категории электората, требующие серьезного организационного ресурса, например молодежь, средний класс, жителей деревень.

Представляется, что еще одной причиной отсутствия заметного подъема движения в 1930-е гг. было то, что лейбористы так и не смогли нащупать какие-либо оригинальные новые привлекательные темы и формы адресной женской пропаганды. Нежелание поставить в ее авангарде волновавшую многих женщин из рабочей среды тему контроля над рождаемостью, по всей вероятности, стоило партии немало голосов потенциальных сторонниц. Что касается привлекавших женщин семейных пособий, то для партии было гораздо важнее в те годы сохранить лояльность профсоюзного руководства, недовольного этой идеей, но фактически державшего всё движение на своих финансовых плечах.

В межвоенные годы периодически раздавались голоса женщин-активисток о том, что партия недостаточно внимательно относится к решениям их ежегодных конференций, в результате принимаемые там резолюции слишком часто приобретали декларативный характер. Едва ли это могло порадовать участниц мероприятий. Тем не менее, несмотря на все сложности, именно лейбористская партия оказалась наиболее щедрой в распределении министерских портфелей, раньше других предоставив женщине возможность войти в кабинет министров — в 1929 г. Прделанная лейбористами в межвоенный период работа с женским населением была чрезвычайно важна. Она закладывала фундамент для последующего развития после Второй мировой войны и играла значимую роль в укреплении организационных позиций лейбористов по всей стране в условиях всеобщего избирательного права.

References

Bartley P. *Labour Women in Power. Cabinet Ministers in the Twentieth Century*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 324 p.

Collette C. *The Newer Eve: Women, Feminists and the Labour Party*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2009. 189 p.

Graves P. *Labour Women: Women in British Working-Class Politics 1918–1939*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 271 p.

Grigg J. *Nancy Astor. Portrait of a Pioneer*. London: Sidgwick and Jackson, 1980. 192 p.

Hamilton M.A. *Margaret Bondfield*. London: Leonard Parsons, 1924. 191 p.

Hamilton M.A. *Mary Macarthur: A Biographical Sketch*. Westport: Hyperion Press, 1976. 210 p.

Haverty A. *Constance Markievicz. Irish Revolutionary*. London: Pandora, 1988. 250 p.

- Joyce P. *Politico's Guide to UK General Elections 1832–2001*. London: Politico's, 2004. 410 p.
- Judge T. *Margaret Bondfield. First Woman in the Cabinet*. London: Alpha House, 2018. 291 p.
- Meeres F. *Dorothy Jewson. Suffragette and Socialist*. London: Poppyland, 2014. 108 p.
- Morgan K.O. *Labour People. Leaders and Lieutenants, Hardie to Kinnock*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 370 p.
- Perry M. *"Red Ellen" Wilkinson. Her Ideas, Movements and World*. Manchester; New York: Manchester University Press, 2014. 416 p.
- Phillips G. *The Rise of the Labour Party 1893–1931*. London; New York: Routledge, 1992. 70 p.
- Pugh M. *Speak for Britain. A New History of the Labour Party*. London: The Bodley Head, 2010. 464 p.
- Shnyrova O.V. *Sotsial'no-pravovoy status zhenshchiny v Viktorianskoy Anglii i sufragistskoye dvizheniye* [The Socio-Legal Status of Women in Victorian England and the Suffrage Movement] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series "Gumanitarnye nauki". 2008. N 4 (8). P. 100–110.
- Shnyrova O.V. *Sufragizm i izbiratel'naya reforma 1918 g.* [Suffragism and the Electoral Reform of 1918] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series "Gumanitarnye nauki". 2013. N 4 (13). P. 82–89.
- Sloane N. *The Women in the Room. Labour's Forgotten History*. London; New York: I.B. Tauris, 2018. 160 p.
- Susloparova E.A. *George Lansbury (1859–1940). Stranitsy politicheskoy biografii lidera britanskikh leyboristov* [George Lansbury (1859–1940). Pages of the Political Biography of the Leader of the British Labour Party] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2014. N 2. P. 179–197.
- Susloparova E.A. *Margaret Bondfield // Voprosy istorii*. 2018. N 2. P. 14–33.
- Women in the Labour Movement. The British Experience* / Ed. by L. Middleton. London: Croom Helm, 1977. 221 p.

Поступила в редакцию
6 сентября 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-107-122

Н.Г. Абрамова, А.Г. Голиков

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
АКАДЕМИКА И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)**

N.G. Abramova, A.G. Golikov

**THE CREATIVE LEGACY OF THE
ACADEMY FULL MEMBER I.D. KOVAL'CHENKO
(TO THE 100th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)**

Аннотация. На историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова отметили 100-летие со дня рождения академика Ивана Дмитриевича Ковальченко (1923–1995), труды и идеи которого определили на годы вперед развитие исторической науки, что признано мировым научным сообществом. Этому событию были посвящены научная конференция, выставка книг и материалов, демонстрация фотографий и документов. На мемориальной конференции, прошедшей 28 ноября 2023 г. уже в седьмой раз, обсуждались актуальные вопросы исторической науки. Ее тематику определила научная проблематика, инициирование и разработка которой связана с идеями И.Д. Ковальченко. В выступлениях и докладах учеников и коллег академика, молодых исследователей была отдана дань памяти этому выдающемуся советскому и российскому историку. Речь шла о его значительном вкладе

Абрамова Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Abramova Nadezhda Grigorievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
istochmsu@list.ru

ORSID: 0009-0002-8966-1069

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Golikov Andrey Georgievich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

golikov@hist.msu.ru

ORSID: 0000-0002-2443-2882

в историческую науку в целом, в развитие методологии, источниковедения, историографии, в создание нового для отечественной исторической науки направления — количественных методов в исторических исследованиях. Отмечалось, что принципиальное значение имеет выделение ученым класса массовых исторических источников и решение проблемы возможности применения в источниковедении ряда положений современного учения об информации. Коллеги делились своими воспоминаниями о человеке, ученом, университетском профессоре, героическом участнике Великой Отечественной войны. В центре внимания были вопросы состояния и перспективы исследований тех научных направлений, которые разрабатывал ученый в течение своей научной и преподавательской деятельности, роль представителей научной школы И.Д. Ковальченко и его последователей в современной исторической науке, в формировании научных кадров, в профессиональной подготовке молодых исследователей-историков. Обсуждались вклад ученого в качестве руководителя кафедры источниковедения исторического факультета в определение задач и направлений ее работы, а также его роль в создании в структуре кафедры лаборатории по применению электронных машин в исторических исследованиях, преобразованной впоследствии в кафедру исторической информатики.

Ключевые слова: развитие исторической науки, идеи и труды И.Д. Ковальченко, количественные методы, традиции исторического факультета, кафедра источниковедения, юбилейная конференция.

Abstract. The Faculty of History at Lomonosov Moscow State University recently celebrated the 100th anniversary of the birth of Ivan Dmitrievich Koval'chenko (1923–1995), a distinguished full member of the Academy whose pioneering work has profoundly influenced the field of historical science. Recognized internationally, his contributions continue to shape the discipline. This centennial milestone was marked by a series of commemorative events, including a scientific conference, an exhibition of books and materials, and a display of photographs and documents. The seventh memorial conference, held on 28 November 2023, addressed contemporary issues in historical science, with themes reflecting the scientific problems initiated and developed by Koval'chenko. His students, colleagues, and emerging researchers honored him through their speeches and reports, emphasizing his significant contributions to the development of historical methodology, source studies, historiography, and the introduction of quantitative methods in historical research. The conference underscored the importance of identifying classes of mass historical sources and evaluating the application of modern information theory in source studies. Participants shared personal memories of Koval'chenko as a scholar, professor, and heroic participant in the Great Patriotic War. Discussions focused on the current state and future prospects of the research areas Koval'chenko championed throughout his career, the impact of his scientific school on contemporary historical science, and the formation and professional training of young historians. His leadership in defining the tasks and directions of the Department of Source Studies at the Faculty of History, as well as his role in establishing a laboratory for the application of electronic machines

in historical research — later transformed into the Department of Historical Informatics — was also highlighted.

Keywords: development of historical science, I.D. Koval'chenko's ideas and works, quantitative methods, traditions of the Faculty of History, Department of Source Studies, anniversary conference.

* * *

26 ноября 2023 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Ивана Дмитриевича Ковальченко (1923–1995), ученого с мировым именем, крупного организатора науки, талантливого педагога, замечательного человека и гражданина. Он был академиком-секретарем Отделения истории РАН, заслуженным профессором Московского университета, почти тридцать лет возглавлял кафедру источниковедения исторического факультета МГУ, около двадцати лет был главным редактором журнала «История СССР».

И.Д. Ковальченко был участником Великой Отечественной войны. Его ратные подвиги на полях сражений были высоко оценены, он был награжден Орденом Боевого Красного Знамени и четырьмя медалями. В мае 1945 г. он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза.

Вся послевоенная жизнь И.Д. Ковальченко неразрывно связана с Московским университетом, где он прошел славный и трудный путь от студента до заслуженного профессора МГУ. Научная деятельность И.Д. Ковальченко также получила признание. Он был награжден несколькими орденами (Орденом Знак Почета, дважды Орденом Трудового Красного Знамени), избран действительным членом Академии наук. В 1989 г. ему была присуждена Государственная премия за книгу «Методы исторического исследования», которая не утратила своего значения и в наши дни (переиздана в 2003 г.). За монографию «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века» в 1986 г. он стал лауреатом премии имени академика Б.Д. Грекова.

И.Д. Ковальченко внес значительный вклад в развитие исторической науки. Его идеи и труды обогатили науку, определили ее развитие на годы вперед, без их изучения часто невозможно продолжение научной работы. Он создал свою научную школу, воспитал несколько десятков кандидатов и докторов наук, которые продолжают и развивают замыслы ученого. Иван Дмитриевич был основателем нескольких новых направлений в исторической науке, кардинально изменил подход к источниковедению, применив теорию информации для решения проблем источниковедения, выдвинул фундамен-

тальные идеи о методах исторического исследования, в частности о количественных методах, о методологических проблемах исторического познания. После его ухода из жизни прошло почти тридцать лет, а его научное наследие востребовано, его актуальность признана мировым историческим сообществом. Это подтвердили и научные чтения памяти академика, которые были приурочены к 100-летию юбилею и прошли на историческом факультете уже в седьмой раз.

Организаторами конференции традиционно являются исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и Отделение историко-филологических наук Российской академии наук. Тема была предложена кафедрами источниковедения и исторической информатики исторического факультета для проведения VII научных чтений памяти И.Д. Ковальченко — «Творческое наследие академика И.Д. Ковальченко: взгляд из XXI века».

Открыл конференцию сопредседатель программного и организационного комитетов, и.о. декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАО, профессор *Л.С. Белоусов*.

В своем приветствии он отметил, что проведение мемориальных научных конференций — это хорошая традиция исторического факультета МГУ. Мы помним и чтим наших учителей, сказал декан. А среди всех наших выдающихся учителей Иван Дмитриевич занимает особое место. Он обладал отличительными чертами настоящего университетского профессора, совмещал в себе ученого, педагога и администратора с настоящим богатым опытом ветерана войны, что заслуживает искреннего уважения. Л.С. Белоусов высказался в поддержку предложения увековечить память о И.Д. Ковальченко, присвоив одной из аудиторий на факультете его имя, и выразил надежду, что это будет сделано к юбилею Московского университета, к 270-летию, которое мы будем отмечать в 2025 г. Также он рассказал о мероприятиях по случаю 90-летнего юбилея исторического факультета, отмечаемого в 2024 г.

Отделение историко-филологических наук РАН — один из организаторов конференции — было представлено заместителем академика-секретаря, президентом РГГУ, заведующим кафедрой истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академиком РАН, профессором *Е.И. Пивоваром*.

В своем выступлении академик отметил, что проходящие научные чтения особые, так как они посвящены 100-летию со дня рождения И.Д. Ковальченко, который очень много значит для историче-

ской науки и для истфака, тем более что конференция проводится накануне 90-летия исторического факультета и 270-летия Московского университета. Когда отмечаются такие юбилейные даты, подводятся определенные итоги, приходят новые идеи.

Иван Дмитриевич — это эталон профессора, на который нужно ориентироваться, которому нужно подражать. Выступавший поделился своими воспоминаниями о том, как слушал лекции профессора, сдавал ему экзамены, зачеты. Академик считает, что ему повезло, что он много лет работал под его руководством, часто советовался с ним по различным вопросам. Он назвал Ивана Дмитриевича очень мужественным человеком, целеустремленным, очень четким и организованным, любившим свою профессию, который прожил не простую жизнь, но был очень доброжелательным, надежным товарищем, никогда не отказывавшим в поддержке словом и делом.

Е.И. Пивовар охарактеризовал И.Д. Ковальченко как новатора в развитии науки, в развитии кафедры, которая при нем была инновационной, выдавала идеи, распространявшиеся потом на факультете и в академической среде. Новаторство его заключалось в обращении к теории истории, источниковедения, историографии, их методам, в проблематике. Он был основателем применения количественных методов в исторической науке. Он стал и основателем направления, которое сейчас носит название «Большие данные». Он был удивительно эффективным администратором, обладал незаурядными организационными способностями. Когда он стал сначала заместителем академика-секретаря, а затем и академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, то выступал за координацию разных структур внутри академии, связывал усилия разных институций академии в центре и в регионах. Он много лет был главным редактором журнала «История СССР» — главного в СССР журнала по истории страны; восстановил выпуск «Исторических записок», которые стали теперь единственным при Академии наук изданием исторического профиля, входящим в перечень ВАК. Список достижений И.Д. Ковальченко очень велик.

Многое Иван Дмитриевич оставил в наследие: журнал выпускается, кафедра работает, «Исторические записки» выходят, Отделение истории в РАН тоже существует. Кроме того, продолжают профессиональную деятельность его ученики, их собственные ученики и ученики коллег.

Выступавший подчеркнул: главное, что дал ему в жизни Иван Дмитриевич, — это достойный подражания личный пример, кото-

рый он пытается использовать во благо научной, образовательной и административной работы.

Директор Института российской истории РАН, д.и.н., профессор Ю.А. Петров считает, что И.Д. Ковальченко сделал гигантский шаг вперед практически синхронно с западной наукой, поэтому его можно считать новатором мирового уровня. В подтверждение он привел факт выступления Ивана Дмитриевича с докладом на Нобелевском симпозиуме в 1990 г., где он был единственным приглашенным лично советским историком. Таким уровнем похвастаться может не каждый ученый. Человек военного поколения, он обладал внутренней силой, позволившей много добиться и в науке.

Иван Дмитриевич стремился понять скрытые закономерности в истории. Главной новацией, которую он ввел в историческую науку, по мнению Ю.А. Петрова, были количественные методы. Он вспомнил, как в студенческие годы, читая книгу И.Д. Ковальченко о русском крепостном крестьянстве в первой половине XIX в., с трудом разбирался в вычислениях. Позже осознал, что мы имеем дело с феноменом, что эти методы дают очень многое для понимания истории, с их помощью можно получать такую информацию, которую из нарративных источников получить нельзя. А книгу о методах исторической науки профессор считает действительно уникальной, учебником по теории истории, появившимся в ту эпоху, когда интерес мирового научного сообщества к истории стал ослабевать.

Выступивший отметил, что Иван Дмитриевич был олицетворением симбиоза университетского профессора и академического ученого, он умел ставить цели и привлекать к этому молодежь. Он высказал мнение, что в этом они были похожи с его учителем — профессором В.И. Бовыкиным, оба сочетали академические и университетские занятия, в этом и был залог появления новых научных школ, формирования кадров исторической науки, которые и сегодня играют заметную роль в академической жизни.

И.Д. Ковальченко — это уникальное явление нашей эпохи, нашей советской истории, жизни нашего научного сообщества. Книги Ивана Дмитриевича «живые», их можно сейчас перечитывать, они не устарели. Важно сохранять и передавать студентам, новому поколению историков его ценные научные труды.

Научный руководитель ГАРФ, заведующий кафедрой истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, профессор С.В. Мироненко поделился с присутствующими своими размыш-

лениями, возникшими у него в связи с работой в качестве ответственного редактора четвертого тома многотомной истории России с древнейших времен и до наших дней. Том включает период первой половины XIX в. перед реформой 1861 г. С.В. Мироненко считает, что в России первой половины XIX в. никакого капиталистического уклада еще не существовало. Он вспоминал, как слушал в 1976 г. выступление на историческом факультете МГУ известного американского экономиста Р. Фогеля, получившего впоследствии Нобелевскую премию по экономике. С Р. Фогелем поддерживал научные контакты и И.Д. Ковальченко. Комплексное исследование плантаторского хозяйства США привело Р. Фогеля к выводу, что к моменту его упразднения и освобождения рабов оно не исчерпало своих возможностей, что отмена рабства была вызвана политическими событиями, а не экономикой. По мнению выступавшего, если внимательно проанализировать работы И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова, В.К. Яцунского, А.С. Нифонтова, то можно заметить, что они ощущали подобное в отношении российской истории. Исследования последних десятилетий также показывают, что урожайность в России не падала, а росла, хотя и медленно, на протяжении XIX в. размеры крестьянской и барской запашки практически оставались неизменными.

Высоко оценив роль И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова в изучении аграрной истории России, их направленность на поиск нового объяснения развития России в то время, С.В. Мироненко заключил, что придерживается точки зрения, что основной причиной, которая побудила самодержавную власть к реформам, было поражение России в Крымской войне и боязнь крестьянского восстания. Он надеется на возрождение исследований по истории сельского хозяйства, экономики и рабочего класса, которых сейчас мало, которые приведут к появлению нового взгляда на нашу историю.

Участников конференции, посвященной столетию И.Д. Ковальченко, приветствовал декан исторического факультета Белорусского государственного университета, д.и.н., профессор А.Г. Кохановский. Он констатировал, что Ивана Дмитриевича помнят в Беларуси, он активно сотрудничал с Институтом истории Национальной академии наук, много людей работали с ним. О нем знают студенты, читают его работы. Память о нем жива и передается через учеников, через его труды, его научное наследие. Работа И.Д. Ковальченко «Методы исторического исследования» является настольной книгой для историков, в том числе в Беларуси, и входит в перечень обязательной

литературы для многих учебных программ, включая аспирантскую и магистерскую подготовку.

Выступавший поделился и личными воспоминаниями об академике. Будучи аспирантом, в 1980-е гг. он встречался с Иваном Дмитриевичем, прошел стажировку на историческом факультете, имеет причастность к научной школе И.Д. Ковальченко, так как его научным руководителем стал Л.И. Бородкин. Благодаря научной поддержке академика он защитил кандидатскую диссертацию. Иван Дмитриевич высказал несколько комментариев о его диссертации, о том, в каком региональном аспекте лучше рассматривать изучаемые процессы, потом это было реализовано уже в докторской диссертации.

Декан истфака БГУ выразил надежду на дальнейшее сотрудничество историков из БГУ и исторического факультета МГУ и уверенность в развитии научных контактов, в том числе и в участии в научных чтениях памяти академика И.Д. Ковальченко — величины мирового масштаба, имя которого весьма значимо для российской исторической науки.

Выступление руководителя Научно-исследовательского, цифрового и музейно-образовательного центра при Институте истории и регионоведения Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, профессора кафедры Археологии, этнологии, источниковедения и историографии, д.и.н., профессора *Ш.Д. Батырбаевой* было посвящено вкладу академика И.Д. Ковальченко и его школы в развитие исторической науки Кыргызстана на переломных этапах. Она обратила внимание участников конференции на тот факт, что имя И.Д. Ковальченко занимает почетное место в научном сообществе Кыргызстана как выдающегося ученого, чей вклад существенно повлиял на развитие ключевых аспектов исторической науки. Это особое отношение объясняется не только актуальностью и востребованностью на сегодняшний день научного наследия И.Д. Ковальченко, но и исследовательской деятельностью представителей его научной школы в Кыргызстане. Профессор рассказала об активном участии академика в подготовке кадров, которые развивают киргизскую историческую науку в традициях своего наставника, достигли каждый в своей области определенных успехов. Под руководством представителей школы И.Д. Ковальченко осуществляют исследования и молодые ученые. Ш.Д. Батырбаева отметила его роль и в своей личной судьбе.

Далее были приведены конкретные примеры исследований дискуссионных проблем истории Кыргызстана дореволюционного и со-

ветского периодов последователями научной школы И.Д. Ковальченко и их учениками с использованием приобретенных навыков работы с историческими источниками, в том числе и массовыми, с применением математических методов и компьютерных технологий. Сегодня в республике как важное направление утверждается историческая информатика, в области источниковедения проводятся исследования на уровне междисциплинарных, совместные с археологами и этнографами, защищены кандидатские и докторские диссертации.

Ш.Д. Батырбаева констатировала, что в целом профессионализм, основанный на заложенных в становление научного исследовательского опыта принципах, позволяет представителям школы И.Д. Ковальченко исследовать наиболее острые и дискуссионные вопросы истории Кыргызстана, соблюдая объективность и способствуя формированию квалифицированной национальной научно-исторической школы.

Заведующая отделом Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Цыбряева в своем выступлении рассказала о выставке книг и материалов о жизни И.Д. Ковальченко, специально подготовленной к 100-летию со дня рождения ученого. Это совместный проект Научной библиотеки и исторического факультета МГУ. Открытие ее было приурочено к работе конференции.

Затем в ходе пленарного заседания были заслушаны два доклада.

Тема доклада заведующего кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, члена-корреспондента РАН, профессора Л.И. Бородкина — «Научное творчество академика И.Д. Ковальченко в контексте современной цифровой трансформации науки: к 100-летию со дня рождения ученого». Он обратился к научной и организационной деятельности академика И.Д. Ковальченко в сфере применения в исторических исследованиях математических методов и вычислительных машин, приоткрыв малоизвестные страницы научного творчества ученого на материалах его личного архива, опубликованных в сборнике «И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика)» (М., 2004). Выступавший особо выделил работу по подготовке сборника сотрудников кафедры источниковедения Т.А. Кругловой и А.Е. Шикло, а также помощь Т.В. Ковальченко. Эти материалы дополняют и обогащают представление о высоких качествах человека, ученого, университетского профессора, которыми, по мнению коллег, учеников и последователей, обладал Иван Дми-

триевич. Опираясь преимущественно на опубликованные впервые личные документы — письма, записки, интервью, заметки и другие документы, научные труды самого ученого и статьи исследователей, Л.И. Бородин охарактеризовал развитие такого междисциплинарного направления, как «Количественные методы в исторических исследованиях», пионером и лидером которого в нашей стране был И.Д. Ковальченко, его исследовательскую работу, связанную с активным использованием математико-статистических методов. Он осветил организационную работу по институционализации нового направления в стране, этапы реализации плана И.Д. Ковальченко по созданию лаборатории по применению электронных машин в исторических исследованиях, которая с 2004 г. преобразована в кафедру исторической информатики исторического факультета МГУ. Рассказал об интересе ученого уже на раннем этапе становления нового направления к его развитию за рубежом, стремлении к максимальной корректности используемых им статистических вычислений, о настойчивости в обеспечении исследований заинтересованными в развитии данного направления кадрами и компьютерами, о контактах со статистиками, математиками и др.

Докладчик продемонстрировал присутствовавшим напечатанный на машинке документ, в котором в начале 1990-х гг. после длительных обсуждений с коллегами Иван Дмитриевич сформулировал перспективную проблематику научных исследований кафедры источниковедения. План был им назван «Россия на переходе от традиционно-патриархального к индустриальному обществу (XIX–XX вв.)», в нем выделены четыре проблемы, охватившие основные аспекты российской истории, которые и сегодня являются актуальными. Своей рукой (характерным почерком, с наклоном влево) Иван Дмитриевич приписал: «Проблема пятая. Историческая информатика — компьютерные методы источниковедения».

В завершение доклада сделано заключение, что Иван Дмитриевич с присущим ему чувством нового в развитии науки уже в начале 1990-х гг. ощущал приближение эры информационных технологий, перспектив использования компьютерных методов. Созданная им научная школа смогла воспринять новые реалии «цифрового поворота», затронувшего в начале XXI в. историческую науку и образование, развивать актуальную проблематику, придерживаясь принципов междисциплинарных исторических исследований, заложенных академиком И.Д. Ковальченко. Резко вырос интерес к науке о данных (Data Science), традиционным ядром которой являются статистические методы. Учебный курс Data Science, введенный три

года назад для всех магистрантов истфака МГУ, является одним из наиболее востребованных. Дело академика И.Д. Ковальченко живет и развивается — теперь уже в эпоху цифровой трансформации науки.

С докладом «Источниковедение и исторический источник “в свете учения об информации”» выступил заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ, д.и.н., профессор А.Г. Голиков. Он подчеркнул, что в области источниковедения И.Д. Ковальченко сформулировал по крайней мере две идеи, каждой из которых было бы достаточно для того, чтобы имя ученого навсегда осталось в истории науки: он выделил класс массовых исторических источников и принципиально решил проблему возможности применения в источниковедении положений учения об информации. В докладе речь шла о новациях, которые привнесла в источниковедение разработанная И.Д. Ковальченко концепция исторического источника «в свете учения об информации», которое дает теоретическое обоснование содержательной неисчерпаемости источников. Центральной проблемой источниковедения ученый считал повышение информационной отдачи источника путем извлечения из него скрытой информации. И.Д. Ковальченко предложил с точки зрения форм фиксации социальной информации выделить четыре типа источников: вещественные, изобразительные, письменные и фонодокументы. В качестве второго уровня классификации исторических источников предложил деление источников на виды согласно специфике принципов и методов научного использования.

И.Д. Ковальченко инициировал перестройку преподавания курса источниковедения, отметил А.Г. Голиков. В 1981 г. под его редакцией вышло второе, существенно переработанное издание учебника «Источниковедение истории СССР», во вводном разделе которого он предложил теоретическое обоснование понятий «исторический источник» и «источниковедение» с позиций учения об информации. Лекционный курс «Источниковедение истории СССР» в 1980-е гг. был прочитан в рамках двух главных этапов эволюции исторических источников (X — первая половина XIX в. и вторая половина XIX в. — настоящее время), определившихся в ходе выявления существенных изменений в составе корпуса исторических источников, изменения соотношения и значения отдельных их типов, видов, разновидностей. Реализация идеи ученого о выделении типов и видов источников на основе синтаксического и прагматического аспектов информации позволила построить учебный курс, в кото-

ром исторические источники рассматриваются в масштабе видов, а не на примере отдельных памятников.

Заведующий кафедрой источниковедения рассказал о том, как кафедра продолжает и развивает высказанные Иваном Дмитриевичем идеи. Они апробированы в учебном курсе «Источниковедение истории России», который читают студентам истфака преподаватели кафедры сегодня. Подготовлены новые учебные программы, опубликованы учебные пособия «Источниковедение отечественной истории» и «Методика работы с историческими источниками» (авторы А.Г. Голиков и доцент Т.А. Круглова).

Традиционно курс «Источниковедение» знакомит студентов с письменными источниками. В настоящее время для студентов кафедры источниковедения МГУ, как проинформировал присутствующих А.Г. Голиков, читаются лекционные курсы «Источниковедение изобразительных источников» и «Источниковедение вещественных источников». Вместе с тем как плодотворное направление источниковедения всё увереннее заявляет о себе комплексное изучение источников разных типов и видов.

После перерыва работа конференции продолжилась по двум секциям: «Творческое наследие И.Д. Ковальченко в развитии источниковедения и историографии» (ведущий секции — проф. А.Г. Голиков) и «Творческое наследие И.Д. Ковальченко в развитии квантитативной истории и исторической информатики» (ведущий секции — проф. Л.И. Бородкин). В ходе пленарного заседания и работы двух секций были заслушаны научные доклады и выступления более 40 ученых, еще около 30 человек приняли участие в качестве слушателей, работа проходила также в дистанционном режиме. В конференции приняли участие историки из университетов и научных институтов Москвы, Барнаула, Казани, Ростова-на-Дону, Саранска, Ставрополя, представители Беларуси, Кыргызстана. Это коллеги, ученики академика, архивисты, преподаватели, научные сотрудники, аспиранты и студенты. Среди выступавших были академики РАН, члены-корреспонденты РАН, профессора, доктора и кандидаты наук. Выступления участников сопровождалось активным обсуждением и научными дискуссиями по актуальным научным проблемам. По результатам конференции планируется издание сборника материалов.

В небольшой статье невозможно даже коротко проанализировать вклад И.Д. Ковальченко в различные направления исторической науки и развитие историками его идей, в том числе и в рамках

мемориальных конференций его памяти. На сайте исторического факультета МГУ (<http://www.hist.msu.ru>) есть страница, посвященная И.Д. Ковальченко, созданная совместно кафедрой исторической информатики и кафедрой источниковедения. Размещенные там материалы дают возможность познакомиться с биографией академика, с библиографией его трудов, с программами всех Ковальченковских научных чтений, узнать, кто и где писал о нем и его вкладе в развитие исторической науки, посмотреть фотографии, в том числе и периода Великой Отечественной войны, участником которой он был. На сайте опубликованы и некоторые работы ученого (в частности целиком книга «Методы исторического исследования»). Во время пленарного заседания юбилейной конференции также прошла демонстрация фотографий и слайдов документов о жизни и творческом наследии замечательного человека и выдающегося ученого — Ивана Дмитриевича Ковальченко.

References

Abramova N.G. *Kovalchenkovskie chteniya* [Kovalchenko Readings] // *Entsiklopedicheskiy slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet* [Encyclopedic Dictionary of Moscow University. Faculty of History] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo MGU; ROSSPEN, 2004. P. 237.

Borodkin L.I. *I.D. Kovalchenko i otechestvennaya shkola kvantitativnoy istorii* [I.D. Kovalchenko and the Domestic School of Quantitative History] // *Materialy Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Kovalchenko. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 2–3 dekabrya 1996 g.* [Materials of the Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Kovalchenko. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–3 December 1996] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo “Mosgorarkhiv”, 1997. P. 74–87.

Borodkin L.I. *O rabote nauchnogo seminara “Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh”* [On the Work of the Scientific Seminar “Quantitative Methods in Historical Research”] // *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. 1981. N 3. P. 232–234.

Golikov A.G., Kruglova T.A. *Istchnikovedeniye otechestvennoy istorii: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Source Studies of National History: A Textbook for University Students] / Ed. by A.G. Golikov. Moscow: Izdatel'skiy tsentr “Academia”, 2007. 464 p.

Golikov A.G., Kruglova T.A. *Metodika raboty s istoricheskimi istochnikami: uchebnoye posobiye dlya studentov uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Methods of Working with Historical Sources: A Textbook for Higher Education Students] / Ed. by A.G. Golikov. Moscow: Izdatel'skiy tsentr “Academia”, 2014. 224 p.

I.D. Koval'chenko. Chelovek. Uchenyy. Professor. Materialy VI Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya) [I.D. Koval'chenko. Man. Scientist. Professor. Materials of the 6th Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Koval'chenko (on the 95th Anniversary of His Birth)] / Ed. by S.P. Karpov; *Trudy istoricheskogo fakulteta MGU*. Issue 157. Series II. *Istoriches-*

kiye issledovaniya, 97 [The Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University. Issue 157. Series II. Historical Research, 97]. Saint Petersburg: Aletea, 2020. 344 p.

I.D. Koval'chenko. *Nauchnyye trudy, pis'ma, vospominaniya (iz lichnogo arkhiva akademika): sbornik materialov* [I.D. Koval'chenko. Scientific Works, Letters, Memoirs (from the Personal Archive of the Academician): A Collection of Materials] / Compiled, ed., and annotated by T.V. Koval'chenko, T.A. Kruglova, A.E. Shiklo. Moscow: ROSSPEN, 2004. 520 p.

Idei akademika I.D. Koval'chenko v XXI veke. *Materialy IV Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 10 dekabrya 2008 g.* [Ideas of Academician I.D. Koval'chenko in the 21st Century. Materials of the 4th Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Koval'chenko. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 10 December 2008] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2009. 318 p.

Istochnikovedeniye istorii SSSR: uchebnik dlya istoricheskikh spetsial'nostey universitetov i pedagogicheskikh institutov [Source Studies of the History of the USSR: A Textbook for Historical Specialties of Universities and Pedagogical Institutes] / Ed. by I.D. Koval'chenko. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 496 p.

Istochnikovedeniye istorii SSSR. Uchebnik dlya vuzov [Source Studies of the History of the USSR. A University Textbook] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Vysshaya shkola, 1973. 560 p.

Istoricheskiye zapiski. Pamyati akademika I.D. Koval'chenko [Historical Notes. In Memory of Academician I.D. Koval'chenko]. Issue 2 (120). Moscow: Nauka, 1999. 351 p.

Ivan Dmitriyevich Koval'chenko (1923–1995). *K 75-letiyu so dnya rozhdeniya* [Ivan Dmitriyevich Koval'chenko (1923–1995). On the 75th Anniversary of His Birth] / N.G. Abramova, I.A. Kornoukhova, T.A. Kruglova, A.E. Shiklo. Moscow: [s. n.], 1998. 64 p.

Kafedra istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [The Department of Source Studies of the Faculty of History at Moscow University] / Ed. by A.G. Golikov; *Trudy istoricheskogo fakulteta MGU. Issue 142. Series II. Istoricheskiye issledovaniya*, 85 [The Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University. Issue 142. Series II. Historical Research, 85]. Saint Petersburg: Aletea, 2019. 302 p.

Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh: uchebnoye posobiye dlya vuzov po spetsial'nosti "Istoriya" [Quantitative Methods in Historical Research: A Textbook for Universities in the Specialty "History"] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 384 p.

Koval'chenko I.D. *Istoricheskiy istochnik v svete ucheniya ob informatsii* [The Historical Source in the Light of Information Theory] // *Aktual'nyye problemy istochnikovedeniya istorii SSSR, spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin i ikh prepodavaniya v vuzakh. Tezisy dokladov III Vsesoyuznoy konferentsii. Novorossiysk, 1979* [Topical Issues of Source Studies of the History of the USSR, Special Historical Disciplines, and Their Teaching in Universities. Abstracts of the Reports of the 3rd All-Union Conference. Novorossiysk, 1979]. Moscow: Institut istorii, 1979. P. 31–46.

Koval'chenko I.D. *Istoricheskiy istochnik v svete ucheniya ob informatsii (K postanovke problemy)* [The Historical Source in the Light of Information Theory (On the Articulation of Issue)] // *Istoriya SSSR. 1982. N 3. P. 129–148.*

Koval'chenko I.D. *Krest'yane i krepostnoye khozyaystvo Ryazanskoy i Tambovskoy guberniy v pervoy polovine XIX veka (k istorii krizisa feodal'no-krepostnicheskoy sistemy khozyaystva)* [Peasants and Serf Economy of the Ryazan and Tambov Provinces in the First Half of the 19th Century (On the History of the Crisis of the Feudal-Serf Economic System)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1959. 276 p.

Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow: Nauka, 1987. 450 p.; 2nd ed., supplemented. Moscow: Nauka, 2003. 486 p.

Koval'chenko I.D. *Russkoye krepostnoye krest'yanstvo v pervoy polovine XIX veka* [Russian Serf Peasantry in the First Half of the 19th Century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967. 400 p.

Koval'chenko I.D., Milov L.V. *Vserossiyskiy agrarnyy rynek. XVIII — nachalo XX veka. Opyt kolichestvennogo analiza* [The All-Russian Agrarian Market. From 18th through Early 20th Century. An Attempt at Quantitative Analysis]. Moscow: Nauka, 1974. 413 p.

Kruglova T.A. *Lichnyy arkhiv akademika I.D. Koval'chenko (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo)* [The Personal Archive of Academician I.D. Koval'chenko (On the 80th Anniversary of the Scholar's Birth)] // *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2003 god* [Archaeographic Yearbook for 2003]. Moscow: Nauka, 2004. P. 278–294.

Manykin A.S., Sokolov A.K. *Professor R. Fogel v MGU* [Professor R. Fogel at MSU] // *Voprosy istorii*. 1976. N 8. P. 175–178.

Massovye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii perioda kapitalizma [Mass Sources on the Socio-Economic History of Russia in the Period of Capitalism] / Ed. by I.D. Koval'chenko; Editorial Board: V.I. Bovykin, S.V. Voronkova, V.Z. Drobizhev, L.V. Milov, Yu.A. Moshkov, A.K. Sokolov (Executive Secretary). Moscow: Nauka, 1979. 415 p.

Massovye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii sovetskogo obshchestva [Mass Sources on the Socio-Economic History of Soviet Society] / Ed. by I.D. Koval'chenko; Editorial Board: V.I. Bovykin, V.Z. Drobizhev, L.V. Milov, Yu.A. Moshkov, A.K. Sokolov (Executive Secretary). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1979. 374 p.

Materialy I.D. Koval'chenko, svyazannye s ego uchastiem v Nobelevskom simpoziume (Shvetsiya, g. Stockholm, 1990) [Materials of I.D. Koval'chenko Related to His Participation in the Nobel Symposium (Sweden, Stockholm, 1990)] // *I.D. Koval'chenko. Nauchnyye trudy, pis'ma, vospominaniya (iz lichnogo arkhiva akademika): sbornik materialov* [I.D. Koval'chenko. Scientific Works, Letters, Memoirs (from the Personal Archive of the Academician): A Collection of Materials] / Compiled, ed., and annotated by T.V. Koval'chenko, T.A. Kruglova, A.E. Shiklo. Moscow: ROSSPEN, 2004. P. 175–183.

Materialy Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 2–3 dekabrya 1996 g. [Materials of the Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Koval'chenko. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–3 December 1996] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo "Mosgorarkhiv", 1997. 320 p.

Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Ploughman and the Features of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN, 1998. 573 p.

Nifontov A.S. *Zernovoye proizvodstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX veka. Po materialam ezhegodnoy statistiki urozhayev Yevropeyskoy Rossii* [Grain Production in Russia in the Second Half of the 19th Century. Based on the Annual Harvest Statistics of European Russia]. Moscow: Nauka, 1974. 318 p.

Problemy istochnikovedeniya i istoriografii. Materialy II Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 30 noyabrya — 1 dekabrya 1998 g. [Problems of Source Studies and Historiography. Materials of the II Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Koval'chenko. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 30 November — 1 December 1998] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: ROSSPEN, 2000. 432 p.

Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i metodov istoricheskogo issledovaniya. Materialy V Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 13 dekabrya 2013 g. [Problems of Historiography, Source Studies, and Methods of Historical Research. Materials of the 5th Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Koval'chenko. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 13 December 2013] / Ed. by S.P. Karpov; *Trudy istoricheskogo fakulteta MGU. Issue. 66. Series II. Istoricheskiye issledovaniya, 27* [The Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University. Issue 66. Series II. Historical Research, 27]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 306 p.

Problemy metodologii i istochnikovedeniya. Materialy III Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 1–2 dekabrya 2003 g. [Problems of Methodology and Source Studies. Materials of the 3rd Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Koval'chenko. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1–2 December 2003] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; Saint Petersburg: Aleteia, 2006. 536 p.

Schmidt S.O. *O klassifikatsii istoricheskikh distsiplin* [On the Classification of Historical Disciplines] // *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Vol. XVI. Leningrad: Nauka (Leningradskoye otdeleniye), 1985. P. 3–23.

Selunskaya N.B. *“Ne teryat' vysoty”*: akademik I.D. Koval'chenko o professionalizme istorika [“Do Not Lose Height”: Academician I.D. Koval'chenko on the Professionalism of the Historian] // I.D. Koval'chenko. *Chelovek. Uchenyy. Professor. Materialy VI Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya)* [I.D. Koval'chenko. Man. Scientist. Professor. Materials of the 6th Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Koval'chenko (on the 95th Anniversary of His Birth)] / Ed. by S.P. Karpov; *Trudy istoricheskogo fakulteta MGU. Issue 157. Series II. Istoricheskiye issledovaniya, 97* [The Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University. Issue 157. Series II. Historical Research, 97]. Saint Petersburg: Aleteia, 2020. P. 19–29.

Yatsunskiy V.K. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vv. Izbrannyye trudy* [Socio-Economic History of Russia in the 18th and 19th Centuries. Selected Works]. Moscow: Nauka, 1973. 302 p.

Поступила в редакцию
4 декабря 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-123-134

И.Е. Барыкина

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

I.E. Barykina

STUDYING THE HISTORY OF PERSONAL LIBRARY: A CONTRIBUTION TO THE PROBLEM STATEMENT

Аннотация. Российские личные библиотеки впервые стали предметом комплексного изучения современного исследователя О.Н. Ильиной, которая очертила круг научных проблем, связанных с терминологией и историографией этих книжных собраний. В поле зрения исследователя оказались владельческие экземплярные особенности личных библиотек, их судьбы, источники и методы исследования, формирование и развитие направлений историографии по данной тематике. Каждое из обозначенных направлений имеет перспективы для развития не только в области библиотековедения, но и для исторических исследований. Для историков особый интерес представляют библиотеки учебных заведений, книжные собрания ученых с их собственными маргиналиями или заметками их коллег, описания личных библиотек, оставленные сторонними читателями. Библиотеки многих современных учебных заведений, история которых начиналась в позапрошлом и прошлом столетиях, содержат экземпляры, поступившие из других, порой очень известных, собраний. Например, в библиотеку Педагогического музея военно-учебных заведений поступали книги из коллекции Царскосельского лицея. История личной библиотеки в дореволюционный период могла служить, например, дополнительным аргументом для утверждения более высокого социального статуса (как в случае с книгой академика Н.П. Лихачева о семейном книжном собрании), она же может иллюстрировать мировоззрение представителей правительственных кругов и высшей аристократии (как книжное собрание и читательские интересы принцессы Е.Г. Саксен-Альтенбургской), раскрывать формирование личности

Барыкина Инна Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века РГПУ имени А.И. Герцена

Barykina Inna Evgenievna, Doctor in History, Assistant Professor, Professor, Department of History of Russia from Ancient Times to the Beginning of the 19th Century, Herzen State Pedagogical University of Russia

ibarykina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9910-6766

будущего государственного деятеля (роль библиотеки в воспоминаниях Д.Н. Толстого), показывать внутреннюю «лабораторию» ученого (маргиналии, оставленные им в книгах, или дарственные надписи). Отдельного рассмотрения заслуживает изучение феномена библиотеки помещика-бюрократа (С.С. Уварова, Д.А. Толстого). Актуальным сюжетом становится изучение цифровых библиотек, как публичных, так и личных. В то же время требуют уточнения подходы к периодизации истории личных библиотек и их классификации, терминология (является ли личная библиотека книжной коллекцией). Эти темы могут стать предметом совместного обсуждения историков и библиотечковедов.

Ключевые слова: типология личных библиотек, маргиналии в книгах, круг чтения, дворянские усадьбы, российская бюрократия, книжные собрания ученых.

Abstract. Russian personal libraries have become a subject of comprehensive study for the first time by O.N. Ilyina. She has outlined a range of research problems associated with the terminology and historiography of these book collections. Ilyina examined the ownership characteristics of personal libraries, their fates, sources and methods of research, and the formation and development of historiography trends on this topic. Each of these identified directions holds potential for development not only in the field of library science but also for historical study. Historians, in particular, find interest in the libraries of educational institutions, book collections of scholars with marginalia or notes from their colleagues, and descriptions of personal libraries left by third-party readers. Many modern educational institutions' libraries, whose histories began in the late 19th and early 20th centuries, contain copies from other, sometimes very famous, collections. For instance, books from the collection of the Tsarskoye Selo Lyceum were transferred to the library of the Pedagogical Museum of military educational institutions. The history of a personal library in the pre-revolutionary period could serve various purposes. It might be an additional argument for increasing social status, as with the book of academician N.P. Likhachev about the family book collection. It can illustrate the worldview of governmental circles and the highest aristocracy, such as the book collection and reading interests of Princess E.G. Saxe-Altenburg. It can reveal the formation of a future statesman's personality, as seen in the memoirs of D.N. Tolstoy regarding the role of his library, or show the inner "laboratory" of a scholar through the analysis of marginalia left in books or inscriptions on presentation copies. The study of the phenomenon of the library of a nobleman-bureaucrat, such as those of S.S. Uvarov and D.A. Tolstoy, deserves separate consideration. Additionally, an important topic is the study of digital libraries, both public and personal. Approaches to the periodization and classification of the history of personal libraries and their terminology need clarification, specifically, whether a personal library is considered a book collection. These topics can serve as subjects for joint discussions among historians and librarians.

Keywords: typology of personal libraries, marginalia in books, reading circle, noble estates, Russian bureaucracy, book collections of scholars.

Библиотеки — неотъемлемый элемент отечественной культуры. Книжные коллекции дореволюционной России представляют большой интерес для исследователей той эпохи. Они являются предметом изучения не только для библиотекосведов, биографов, но и для историков, реконструирующих общественно-политическую жизнь XVIII–XIX столетий.

В этот период коллекционирование книг стало развиваться по нескольким направлениям. В конце XIX — начале XX в. библиотеки просветительских организаций превратились в своеобразные социокультурные центры, где читатели не только могли получить книги, но и оказаться на литературных выступлениях, народных чтениях, принять участие в общественно-политических дискуссиях. Библиотека могла дать импульс появлению нового учреждения. Так, в 1863 г. основание Педагогической библиотеки положило начало Педагогическому музею военно-учебных заведений в Петербурге, а в начале XX в. Библиотека Главного управления военно-учебных заведений уже насчитывала 60 тыс. томов. Основными ее читателями, помимо слушателей Педагогических курсов, были и петербургские учителя, обращавшиеся за методической помощью в отделы Педагогического музея¹. В январе 1918 г. Педагогический музей был передан в ведение Отдела по внешкольному образованию комиссариата народного просвещения, а затем Центрального педагогического музея, на базе которого в 1924 г. был создан Государственный институт научной педагогики, в 1938 г. — Ленинградский институт усовершенствования учителей. В настоящее время учреждение носит имя Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (СПбАППО).

Сохранившиеся экземпляры в библиотеке СПбАППО позволяют установить имена составителей книжного собрания XIX в. Например, книга немецкой писательницы конца XIX в. Софи Верисгофер «Образовательное путешествие» появилась в русском переводе благодаря просветителю и книгоиздателю Ф.Ф. Павленкову². Он посвятил свою деятельность распространению знаний среди раз-

¹ Подробнее см.: *Барыкина И.Е.* Книжное собрание библиотеки Педагогического музея военно-учебных заведений (1864–1918) // IX Волконские чтения, посвященные 210-летию Военной исторической библиотеки Генерального штаба и 300-летию победы России в Северной войне: Материалы Международной научной конференции, 1–3 ноября 2021 г., Санкт-Петербург: в 2 т. Т. 2. СПб., 2023. С. 110–119.

² *Ворисгофер С.* Образовательное путешествие. Живописные очерки отдаленных стран. СПб., 1885.

ных слоев населения, его издания являются библиографической редкостью и бережно сохраняются в Российской национальной библиотеке и других библиотеках нашей страны. Российская национальная библиотека ежегодно проводит Павленковские чтения, отмечая вклад этого общественного деятеля в развитие просвещения. Очевидно, второе издание «Образовательного путешествия» было напрямую передано в Педагогический музей, на титульном листе книги стоит штамп этого учреждения. На экземпляре также имеются многочисленные отметки о выдаче: книга была популярна среди читателей. Таким образом, в Педагогической библиотеке можно было найти новинки научно-популярной литературы того времени. Книжное собрание Педагогической библиотеки еще не до конца изучено. Векторы исследования могут быть связаны с выявлением других изданий Ф.Ф. Павленкова в библиотеке Педагогического музея, изучением инскриптов на библиотечных книгах, составлением тематических каталогов, что позволит пополнить наше представление о читательских интересах посетителей музея и педагогической литературе той эпохи.

Другое направление исследований — изучение личных библиотек. В XVIII–XIX вв. книжные коллекции нередко были частью богатых дворянских усадеб, являясь своеобразным «статусным маркером», свидетельством престижа и образования хозяина, зачастую для них выделялись отдельные помещения. Без библиотеки дворянской семьи невозможно представить формирование личности представителей высшего сословия, с нее начиналось самообразование и домашнее образование. В первой половине XIX в. дворянство не спешило доверять своих детей создающейся системе образования из-за ее открытости для представителей других слоев населения. Чаще всего дети дворян получали сначала домашнее воспитание, пользуясь не только услугами приглашенных учителей, но и домашней библиотекой. Ю.Н. Тынянов в романе «Пушкин» описал времяпрепровождение мальчика из дворянской семьи: «Когда никого не было дома, он пробирался в отцовский кабинет <...> На полках стояли французские книги. На нижней были большие томы, покрытые пылью, от которой он чихал; страницы были рыхлые, буквы просторные, рисунки изображали знамена и героев <...> Он перечел много книг, лежавших в беспорядке на окнах. Это были анекдоты, быстрые и отрывистые. Он узнал об изменах, об острых ответах королей, о римских полководцах, о славных женщинах, которые умели прятать любовников; перелистал словарь римских куртизанок; <...> прочел о людях, которые, умирая на плахе, делали острые замечания.

Он читал отрывисто и быстро, без разбора».

Подобные сюжеты были типичными для знатных семейств. Домашняя библиотека представляла для отпрыска такого семейства «окно в мир», с нее зачастую начиналось формирование мировоззрения.

Дмитрий Николаевич Толстой, государственный деятель первой половины XIX в., вершиной карьеры которого стала должность директора Департамента полиции исполнительной в период отмены крепостного права, дядюшка Д.А. Толстого, министра народного просвещения и министра внутренних дел второй половины столетия, вспоминал о роли, которую сыграла в его жизни прекрасная библиотека, собранная отцом. В этой книжной коллекции в родовом имении Знаменка Рязанской губернии были книги по всем областям знания, что позволило юноше заняться самообразованием: он мог часами сидеть за книгами, интересуясь в основном русской историей³.

А.С. Пушкин продолжил общение с книгами в Царскосельском лицее, экземпляры этой библиотеки можно увидеть в музейной экспозиции. Значительная часть лицейских книг во второй половине XIX в. была передана в библиотеку Педагогического музея, о чем свидетельствуют штампы на титульных листах. Оба учебных заведения в тот период принадлежали одному ведомству — военному, которое по своему усмотрению распоряжалось их фондами.

Другой библиотечный феномен — книжная коллекция помещика-бюрократа. В 1840-х гг. Д.Н. Толстой познакомил своего племянника Д.А. Толстого с графом С.С. Уваровым, министром народного просвещения и президентом Императорской академии наук. Молодой человек проводил много времени в Поречье, имении Уварова, где пользовался великолепной библиотекой графа, составил ее опись и, уже будучи министром, использовал этот опыт при создании своей личной библиотеки⁴. В 1870-х гг. Д.А. Толстой обустроил в своем рязанском имении Маково отдельное здание для библиотеки, которую с любовью собирал. Она насчитывала 12 тыс. томов, среди которых были книги по русской истории, истории православной и римско-католической церкви, по народному образованию и по археологии (как тогда называли источниковедение)⁵. Министр приобретал

³ Из записок графа Д.Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 17.

⁴ Из рассказов Г.В. Грудева // Русский архив. 1898. Кн. 3. № 11. С. 433.

⁵ Подробнее см.: Барыкина И.Е. «Типичный петербургский чиновник» граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Опыт биографии министра. СПб., 2022; Она же. Библиотека графа Д.А. Толстого // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения: материалы Третьего научно-методического семинара, Санкт-Петербург, 13–14 октября 2020 г. Вып. 3. СПб., 2021. С. 166–178.

иностранные новинки в книжной лавке Вольфа, о чем рассказал в своих воспоминаниях журналист С.Ф. Либрович⁶. А коллекцию отечественных изданий пополнял из книг, запрещенных Комитетом министров, оставляя себе один экземпляр. Пользуясь своим положением, Толстой привлек к устройству библиотеки лучших специалистов в этой области. Систематизацией книжного собрания министра занимался бывший сотрудник Публичной библиотеки К.И. Гран, а каталогизацией — историк С.В. Иконников. Д.А. Толстой гордился своей богатой библиотекой и не упускал случая продемонстрировать ее публике. Так, в справочной книжке «Люди екатерининского времени» он не преминул отметить около некоторых изданий: «Имеется в моей маковской библиотеке»⁷. Часть коллекции можно встретить в наше время в библиотеках Рязанской области, местные краеведы выявляют эти экземпляры, имеющие владельческие надписи, и намерены собрать их в одном хранилище.

Примечательны замечания О.В. Синакевич-Яфа о библиотеке принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской, урожденной герцогини Мекленбург-Стрелицкой, правнучки императора Павла I, владелицы Каменноостровского дворца в Петербурге и Китайского дворца в Ораниенбауме. Осенью всё семейство перемещалось в Серран — замок принца Альберта Саксен-Альтенбургского в Мекленбурге. В 1900 и 1901 гг. вместе с семейством принца поехала и учительница его дочерей, О.В. Яфа. На протяжении всей жизни она вела записи, собирая их в тетради под общим названием «Жили-Были». В этих записках нашлось место и для библиотеки Серрана: «Начала Сеньобоса, и по-французски “Memoires de Talleyrand”, котор[ые] взяла из библиотеки Принцессы.

Здесь большая библиотека, но русских книг совсем нет: русская библиотека в Каменноостровском дворце. А здесь книги немецкие, французские и английские. Из русских авторов только, кажется, и есть “La guerre et la paix par Leon Tolstoi”, да и то, как видите, во французском переводе»⁸. «Теперь начала “Фому Гордеева”, только что прочла “Двадцать шесть и одна”. У принцессы есть Горький, и она его мне предложила»⁹. Несмотря на принадлежность к императорской фамилии, Елена Георгиевна обладала широкими взглядами и собирала как признанных классиков (мемуары Ш.-М. де Талей-

⁶ Либрович С.Ф. Министры-собеседники // На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 285–290.

⁷ Толстой Д.А. Люди екатерининского времени. СПб., 1882.

⁸ Синакевич О.В. «Жили-Были». Приложения к тетрадям 15–17 // ОР РНБ. Ф. 163. Д. 332. Л. 44.

⁹ Там же. Л. 52 об.

рана, министра иностранных дел Франции в конце XVIII — начале XIX в.), так и книжные новинки (сочинения французского историка Шарля Сеньобоса, отечественных писателей Л.Н. Толстого и М. Горького). О.В. Яфа привила дочерям принца интерес к морским рассказам К.М. Станюковича. Пользуясь расположением своей патронессы, она даже провезла в ее багаже из Германии в Россию собрание сочинений А.И. Герцена (вещи принцессы не подлежали досмотру на границе). Вместе с описанием быта Саксен-Альтенбургского семейства, нравов и обычаев их дома, заметки о библиотеке конкретизируют представление о мировосприятии высшего сословия в период кризиса самодержавия, в котором причудливым образом соединялись тяга к новым явлениям жизни и стремление сохранить старые устои.

Следует отметить, что круг чтения членов императорской фамилии был достаточно широк. С.Д. Шереметев отзывался об Александре III как о начитанном человеке: «Он очень любил вообще русскую литературу. Бывало, о чем ни заговоришь, он все знает, все читал»¹⁰. Среди любимых авторов императора были А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь. Александр III был внимательным читателем: в письмах к наследнику престола В.П. Мещерский прибегал к именам героев «Мертвых душ», изображая быт российской провинции, полагая, что эти аллегории понятны его корреспонденту¹¹. По словам С.Д. Шереметева, император «следил за современными писателями», высоко ценил творчество А.К. Толстого, А.Н. Майкова, «прочитывал Достоевского, Льва Толстого, Маркевича, Тургенева»¹².

Таким образом, история личных библиотек намечает новый исследовательский вектор. Поэтому шаги, предпринимаемые в этом направлении, не могут не привлекать внимания. Одним из них является монография Ольги Николаевны Ильиной «Личные библиотеки в России: терминология и историография»¹³.

Это научное издание представляет фундаментальный труд, подготовка к которому велась очень основательно, на что указывают предшествующие статьи автора по различным аспектам данной темы¹⁴. О.Н. Ильина поставила перед собой задачу обобщить и про-

¹⁰ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 453.

¹¹ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011. С. 57, 59.

¹² Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 452–453.

¹³ Ильина О.Н. Личные библиотеки в России: терминология и историография: монография / Ред. Г.А. Мамонтова. СПб., 2022. (Серия «Книга в России в XIX — начале XX века»).

¹⁴ См., например: Ильина О.Н. Изучаем личные библиотеки // Национальная библиотека. 2017. № 1 (9). С. 27–29; Она же. Основные группы источников поиска ма-

анализировать комплекс терминов и определений, используемых в данной области, историю их изучения в течение продолжительного хронологического периода — со второй половины XVIII в. до современности, систематизировать выводы исследователей по отдельным проблемам истории личных библиотек. Необходимо отметить, что данная работа — первый опыт специального обобщенного исследования по данной теме.

Даже краткий обзор оглавления позволяет составить представление о широте источниковой базы исследования О.Н. Ильиной. Согласно названию, книга состоит из двух смысловых блоков: в первой части (глава 1) разбирается феномен личной библиотеки, терминология (определение понятия «личная библиотека», типология личных библиотек), во второй части представлена историография данной проблематики. Завершается этот блок выводами об изучении владельческих экземплярных особенностей книг.

Историографическая часть делится по хронологическому принципу на две главы: глава вторая: XVIII — конец 1980-х гг. и глава третья: 1990-е гг. — начало XXI вв. Если во второй главе параграфы выделены в соответствии с периодизацией исследуемого периода (XVIII — первая половина XIX в.; 1840–1880-е гг.; 1890–1920-е гг.; 1930-е — конец 1950-х гг.; 1960-е — конец 1980-х гг.), то третья глава — современная историография темы — построена в логике системного подхода: формирование и развитие основных направлений современной историографии, региональные исследования, личные библиотеки в исследованиях по истории и социологии чтения, изучение отдельных личных библиотек, библиотековедческие и культурологические исследования, источники и методы в историографии личных библиотек, владельческие экземплярные особенности в историографии личных библиотек. Автор также проследил освещение в историографии дальнейших перемещений императорских и великокняжеских библиотек, усадебных библиотек и библиотек русского зарубежья.

В первой части книги обращает внимание попытка автора разграничить понятия «книжная коллекция» и «личная библиотека». Систематизированы и сведены в обобщенную таблицу современные представления о типах личных библиотек. В качестве критериев типологизации выбраны цели и мотивы создания, содержание и состав тематики, происхождение и принадлежность, социальный

териалов о личных библиотеках // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения / Отдел редких книг РНБ. Вып. 1: Материалы научно-методического семинара (РНБ, Санкт-Петербург, 18–19 окт. 2016 г.) / Сост. О.Н. Ильина. СПб., 2017. С. 9–48.

состав владельцев, место расположения, типы и группы библиотек. В соответствии с профессиональной деятельностью автор выделяет рабочие библиотеки ученых, изучение которых представляет самостоятельное направление исследований в этой обширной области. О.Н. Ильина рассматривает символы владения изданиями — автографы и надписи на книгах, не только владельческие, но и автографы дарителей.

К автографам, исследованным О.Н. Ильиной, можно добавить шуточные четверостишия, которыми известный историк В.С. Дякин сопровождал свои монографии, преподнося их в дар коллегам. Эти стихи не просто украшали титульный лист книги, они были своеобразной квинтэссенцией как исследований самого историка, так и тех ученых, которым он дарил эти книги. Например, на титульном листе книги «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.», подаренной В.Г. Чернухе, оставлен такой автограф:

Сходна в общем тема наша,
Все же каждому свое:
Вы заваривали кашу —
Мне расхлебывать ее.
22.11.78

Оба историка занимались исследованием кризиса самодержавия, только В.Г. Чернуха изучала вторую половину XIX в., а В.С. Дякин — начало XX в., когда нерешенные проблемы внутренней политики предшествующего периода привели к революционному взрыву. Так в четверостишии отражена преемственность и общий вектор научных изысканий представителей петербургской исторической школы.

Продолжение работы в этом направлении перспективно не только для библиотековедов, биографов, но и для историков. Большой интерес представляет изучение маргиналий ученых как при чтении чужой книги, так и своей собственной. Это попытка проникнуть в творческую лабораторию исследователя, поскольку рабочие материалы «договаривают» то, что не успел сказать исследователь в публикациях, отражают его опыт мышления. Одним из объектов изучения могут стать книги из библиотек известных историков. Р.Ш. Ганелин посвятил одну из своих книг тому, «о чем говорили историки между собой»¹⁵. Личная библиотека историка может рассказать, о чем исследователь «говорил» сам с собой. Этот «разговор»

¹⁵ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004.

не менее важен для реконструкции и изучения творческой лаборатории ученого, чем дневниковые записи или воспоминания.

Так, маргиналии В.Г. Чернухи на титульных листах своих монографий свидетельствуют о тщательном анализе, которому она подвергала уже опубликованный материал, отмечая, что нужно добавить к написанному, уточнить, отредактировать. Такими маргиналиями пестрят титульные листы книг об Александре II и Александре III из серии «Государственные деятели России глазами современников», обозначенных самой В.Г. Чернухой как «рабочие экземпляры».

О.Н. Ильина подробно рассматривает книгу академика Н.П. Лихачева о книжной коллекции его семьи¹⁶, первое монографическое исследование усадебной фамильной библиотеки. Н.П. Лихачев реконструировал историю родовой библиотеки своих предков, которая насчитывала три столетия. В данном случае исследование могло служить дополнительным аргументом для повышения социального статуса. В 1885 г. распространились слухи о том, что юбилей Жалованной грамоты дворянству ознаменуется раздачей титулов. Н.П. Лихачев в письме осведомлялся у И.И. Толстого, насколько эти слухи оправданы. 23 января 1883 г. он писал из Казани в Петербург: «У нас здесь держится упорный слух, что ко дню столетия Жалованной дворянской грамоты все (подчеркнуто в тексте. — И.Б.) древнейшие не титулованные фамилии будут возведены одни в княжеское, другие в графское достоинство. Насколько это верно, и что говорят в Петербурге относительно того, чем будут руководствоваться при выборе? Мне, как человеку специально занимающемуся текстом древнейших разрядных, — последний вопрос очень интересен»¹⁷. Слухи оказались беспочвенными, но научный труд Н.П. Лихачева по истории библиотеки мог в его собственных глазах служить своеобразным обоснованием претензий на титул: древность библиотеки свидетельствовала о древности помещичьего рода. В фондах Санкт-Петербургского института истории РАН, расположенном в доме, где жил академик, хранится часть личной библиотеки Н.П. Лихачева, ее изучение также может стать в будущем одним из аспектов исследования истории личных библиотек. Тем более что в настоящее время в доме Н.П. Лихачева на Петрозаводской ул., 7, где располагается Институт, ведутся работы по восстановлению кабинета ученого. Здесь он работал над генеалогиче-

¹⁶ Лихачев Н.П. Генеалогическое исследование одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029. Л. 11–12 об.

ским исследованием семейной библиотеки. Экземпляр этой книги он передал Обществу библиотековедения¹⁸, сохранилось письмо, в котором И.И. Толстой благодарит Лихачева за этот вклад¹⁹.

История библиотек — весьма актуальная исследовательская тема в современной исторической науке, внутри которой уже намечаются новые векторы будущих изысканий. При обращении к историографии личных библиотек исследователь в первую очередь сталкивается с проблемой ее периодизации: сложно отделить историю создания личных библиотек от истории их изучения, зачастую эти вопросы взаимосвязаны. О.Н. Ильина предложила свой подход, дав каждому периоду историографии собственное наименование: каталогизационный, библиофильско-библиографический, историко-филологический, идеологический (библиотечный), книголюбительский и книговедческий. О.Н. Ильина выделяет в историографии такие «экзотические» темы, как, например, «женщины-библиофилы». Также обозначены особенности изучения цифровой библиотеки. Все эти сюжеты в дальнейшем могут стать предметом научных дискуссий и отправной точкой для новых исследований. Вместе с тем все вышеперечисленные проблемы и темы представляют интерес не только для узкого круга специалистов, но и для широкого круга владельцев домашних библиотек, для хранителей и читателей библиотек учебных заведений, не только книжных, но и цифровых.

References

Barykina I.E. *Biblioteka grafa D.A. Tolstogo* [Library of Count D.A. Tolstoy] // *Lichnye biblioteki v sostave fondov rossiyskikh knigokhranilishch: problemy izucheniya. Materialy Tret'ego nauchno-metodicheskogo seminara. Sankt-Peterburg, 13–14 oktyabrya 2020 g. Vyp. 3* [Personal Libraries as Part of the Funds of Russian Book Depositories: Study Issues. The Acta of the Third Scientific and Methodical Seminar. Saint Petersburg, 13–14 October 2020. Issue 3]. Saint Petersburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 2021. P. 166–178.

Barykina I.E. *Knizhnoe sobranie biblioteki Pedagogicheskogo muzeia voenno-uchebnykh zavedeniy (1864–1918)* [Book Collection of the Library of the Pedagogical Museum of Military Educational Institutions (1864–1918)] // *IX Volkonskiye chteniya, posvyashchennyye 210-letiyu Voennoy istoricheskoy biblioteki General'nogo shtaba i 300-letiyu pobedy Rossii v Severnoy voyne. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 1–3 noyabrya 2021 g., Sankt-Peterburg* [The 9th Volkonsky Workshop, Dedicated to the 210th Anniversary of the Military Historical Library of the General Staff and the 300th Anniversary of Russia's Victory in the Northern War. The Acta of the International Scientific Conference. 1–3 November 2021, Saint Petersburg]. In 2 vols. /

¹⁸ Толстой И.И. Официальное письмо Н.П. Лихачеву // ОР РНБ. Ф. 533. Д. 51. Л. 1.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 533. Д. 51.

Compiled by E.L. Korshunov, N.Yu. Petrova; ed. by A.I. Bukreev. Vol. 2. Saint Petersburg: GALART, 2023. P. 110–119.

Barykina I.E. “*Tipichnyy peterburgskiy chinovnik*” *graf Dmitriy Andreevich Tolstoy (1823–1889): opyt biografii ministra* [“Typical Saint Petersburg Official” Count Dmitry Andreevich Tolstoy (1823–1889): Experience of Ministerial Biography]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 296 p.

Ganelin R.Sh. *Sovetskiye istoriki: o chem oni govorili mezhdru soboy. Stranitsy vospominaniy o 1940-kh — 1970-kh godakh* [Soviet Historians: What They Talked About Among Themselves. Pages of Memories from the 1940s–1970s]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004. 216 p.

Ilyina O.N. *Izuchayem lichnye biblioteki* [Studying Personal Libraries] // *Natsional'naya biblioteka*. 2017. N 1 (9). P. 27–29.

Ilyina O.N. *Lichnye biblioteki v Rossii: terminologiya i istoriografiya* [Personal Libraries in Russia: Terminology and Historiography] / Ed. by G.A. Mamontova. Saint Petersburg: Rossiyskaya national'naya biblioteka, 2022. 316 p. (“*Kniga v Rossii v XIX — nachale XX veka*” [The Book in Russia in the 19th and Early 20th Centuries] Series).

Ilyina O.N. *Osnovnye gruppy istochnikov poiska materialov o lichnykh bibliotekakh* [Main Groups of Sources for Searching Materials on Personal Libraries] // *Lichnye biblioteki v sostave fondov rossiyskikh knigokhranilishch: problemy izucheniya / Otdel redkih knig RNB. Vyp. 1. Materialy nauchno-metodicheskogo seminar (RNB, Sankt-Peterburg, 18–19 oktyabrya 2016 g.)* [Personal Libraries as Part of the Funds of Russian Book Depositories: Study Issues / Rare Books Department of the Russian National Library. Issue 1. The Acta of the Scientific and Methodical Seminar (RNL, Saint Petersburg, 18–19 October 2016)] / Compiled by O.N. Ilyina. Saint Petersburg: Rossiyskaya national'naya biblioteka, 2017. P. 9–48.

Librovich S.F. *Ministry-sobesedniki* [Ministers-Conversationalists] // Librovich S.F. *Na knizhnom postu* [On the Book Stand]. Saint Petersburg; Moscow: Izdatel'stvo tovarishchestva M.O. Wolfa, 1916. P. 285–290.

Likhachev N.P. *Genealogicheskoye issledovaniye odnoy pomeshchich'ey biblioteki* [Genealogical Study of a Nobleman's Library]. Saint Petersburg: Tipografiya “Sirius”, 1913. 101 p.

Поступила в редакцию
6 апреля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-135-160

Э.С. Львова

**АНТРОПОЛОГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ «НАРОДНЫХ» ВЕРОВАНИЙ
И МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
(НА ПРИМЕРЕ НАРОДОВ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ)**

E.S. Lvova

**ANTHROPOLOGY AND RELIGIOUS STUDIES:
THE INTERCONNECTION BETWEEN “FOLK” BELIEFS
AND WORLD RELIGIONS YESTERDAY AND TODAY
(USING THE EXAMPLE OF PEOPLES OF SUB-SAHARAN
AFRICA)**

Аннотация. Значительная часть населения мира, особенно в странах Азии, Африки, Латинской Америки, не представляет, что такое атеизм, жизнь без религии. В традиционных обществах локальные верования пронизывают всю жизнь человека от рождения до смерти, освящают все ступени социализации. Но в наши дни в чистом виде они практически не сохранились. Однако мировые религии вытеснили их не окончательно, при том что процесс этот, сложный и противоречивый, занял многие столетия. С их распространением многие черты, свойственные верованиям доиндустриальных обществ, отошли на второй план, древние духи и божества стали персонажами фольклора, детских игр и песен, следы их видны и в языке, и в сохраняющихся обычаях. Зачастую приверженцы мировых религий

Львова Элеонора Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры африканистики Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
Lvova Eleonora Sergeevna, Doctor in History, Professor, Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
eleonora.lvova39@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7713-112X

Статья подготовлена на основе доклада на Зимней школе «Антропология в общенаучном контексте: междисциплинарное взаимодействие и взаимообогащение» (16–18 февраля 2024 г.), организованной Международным центром антропологии НИУ ВШЭ.

This article is based on a report presented at the Winter School “Anthropology in the General Scientific Context: Interdisciplinary Interaction and Mutual Enrichment” (16–18 February 2024), organized by the International Center for Anthropology at the National Research University Higher School of Economics.

(впрочем, как и атеисты) даже не осознают связь этих религий со старыми традиционными верованиями. Да и сами мировые религии включили в свою духовную практику немало элементов более древних религиозных представлений. Практически повсеместно сложились определенные синкретические формы (недаром появились определения «народное православие», «народный ислам» и т.п.), они являются неотъемлемой частью культуры любого народа. Без этого понимания невозможно адекватное представление не только об истории религий, политологии, социологии, но даже об экономике (можно вспомнить, например, понятие «закята» в исламе или десятину в христианстве). Именно поэтому, наряду с такими научными направлениями, как богословие, духовная практика мировых религий и т.п., изучение бытования религий, их взаимосвязи и взаимовлияния и являются направлением исследований антропологов. В настоящей статье показываются важность антропологического изучения этого процесса, тесная связь антропологии и религиоведения, необходимость включения этой тематики в процесс подготовки и обучения будущих антропологов. Место и роль традиционных верований в современной жизни и в будущем, взаимосвязь их с мировыми религиями демонстрируются на примере их бытования у народов Африки южнее Сахары.

Ключевые слова: антропология, религия, традиционные верования, христианство, ислам, Африка южнее Сахары.

Abstract. A significant portion of the world's population, especially in Asia, Africa, and Latin America, cannot conceive of atheism or a life without religion. In traditional societies, local beliefs permeate every aspect of life from birth to death, sanctifying all stages of socialization. However, in modern times, these beliefs have largely vanished in their pure form. World religions have not completely supplanted them, as this complex and contradictory process has taken many centuries. With the spread of world religions, many characteristics inherent in pre-industrial societies' beliefs have receded into the background. Ancient spirits and deities have become characters in folklore, children's games, and songs, with traces visible in language and preserved customs. Adherents of world religions (and atheists as well) are often unaware of the connections between these religions and old traditional beliefs. World religions have incorporated many elements of more ancient religious faith. Practically everywhere, certain syncretic forms have developed (hence terms like "folk Orthodoxy", "folk Islam", etc.), which are an integral part of any culture. Without understanding this, it is impossible to adequately grasp the history of religions, political science, sociology, or even economics (one might recall, for example, the concept of "zakat" in Islam or tithing in Christianity). Therefore, alongside disciplines like theology and the spiritual practices of world religions, the study of the existence, interconnection, and mutual influence of religions is a key research area for anthropologists. This article highlights the importance of the anthropological study of this process, the close relationship between anthropology and religious studies, and the need to include this topic in the training and education of future anthropologists. The place and role of traditional beliefs in modern life and their future, and their interconnection with world religions, are demonstrated using the example of their existence among the peoples of Sub-Saharan Africa.

Keywords: anthropology, religion, traditional beliefs, Christianity, Islam, Sub-Saharan Africa.

* * *

Памяти С.А. Токарева и Б.И. Шаревской

Изучением религий занимаются разные специалисты: богословы, философы, историки, социологи и многие другие. Помимо изучения догматики есть и более широкие направления: история религиозных представлений, истоки, развитие, складывание мировых религий, история церкви; мировоззрение и миропонимание, существование религии в ежедневной жизни и в народной культуре, хозяйствовании, политической и социальной культуре, социализации общества; роль религии в этнических процессах (например, в русской истории, у армян, у хауса Нигерии) и т.д. и т.п. Религиозные представления охватывают в традиционных обществах практически все стороны жизни, в меньшей мере, но сохраняют свою роль и в современных странах и, следовательно, являются неотъемлемой частью общей культуры народа. Работы археологов убедительно доказали весьма раннее появление религиозных представлений¹. Уже поэтому религиоведение является предметом изучения антропологии.

В традиционных обществах вся жизнь человека от рождения до смерти проходила в соответствии с нормами верований. Эта зависимость сохраняется и с принятием мировых религий. Она укоренилась настолько, что даже ныне в бытовой жизни атеистов видны следы этого влияния.

Их можно видеть, прежде всего, в языке и жизненной практике, в детских играх, песнях. Мы в разных ситуациях, выражая эмоции, неопределенность, благодарность и т.д., говорим «Боже мой», «Бог знает», даже «Спасибо» означает «Спаси, Боже» (а в раздражении восклицаем «Черт возьми»). При этом сказывается наследие не только христианства, но и более глубоких пластов. «Чур меня» — это обращение за защитой к духу предков, который пребывал в образе птиц и рыб (вариант «щур»), а чурбан изначально представлял собой вырезанное из дерева его изображение. Лешие, домовые, водяные и другие персонажи нашего фольклора, да и многих других народов — не что иное, как прежние духи природы или умерших родственников. В фольклорных сюжетах сохранилось и тотемическое оборотничество (Дева Лебедь, Царевна-лягушка, Финист-яс-

¹ *Виноградов В.В., Забияко А.П., Лапина З.Г. и др. История религии. В 2 т. Т. 1. М., 2004.*

ный сокол, «Эгле королева ужей» и множество других, как, например, лисица корейских сказок и т.п.), и колдовство, и уверенность в магической силе волос, и иные подобные представления домировых верований. Долго бытовало, например, представление славян о «жизни» душ в телах птиц. На местах погребений когда-то происходило и «кормление» духов такими дарами, которые доступны для птиц (прежде всего, зерном). Эти подношения превратились в неосознанную традицию, смысл которой утрачен, но и в наши дни еще на православных кладбищах можно увидеть неочищенные крутые яйца, бутерброды, конфеты и т.п.

Там, где сохранились древние жертвенники, на них и сейчас иногда кладут деньги. В Эстонии (в Тарту) и Латвии (в Риге) они сохраняются просто как памятники о прежних верованиях, а в Нигерии «действуют» как встарь: на них кладут лепешки, каши, в выдолбленные отверстия наливают пальмовое вино, а то и «фанту» либо «кока-колу», допустимы и монеты. Распространенная сегодня практика бросать монетки в фонтаны, водоемы и т.п., чтобы вернуться в понравившееся место, относится, несомненно, к этому же явлению — неосознанному сохранению древних народных верований. В традиционных обществах считалось, что умершие ведут привычный образ жизни, но в их мире всё наоборот. Поэтому в погребения клали сломанные стрелы и копья, как и дырявые сосуды и лодки с пробитым дном — сегодня их заменяют сломанные цветы. «Новые русские» клали в могилы часы, телефоны, золотые кольца и цепи, принадлежавшие покойному, не отдавая отчета, что следовали практике древних традиционных верований.

Во времена моего детства в одной из игр была обязательна песня с припевом «А мы просо сеяли, сеяли! Ой, дид, лада, сеяли, сеяли!» Конечно, при этом мы не подозревали, что обращаемся с просьбой об обильном урожае к прапредку Диду и к Ладе, древнему божеству плодородия и покровительнице женщин. В другой игре, где ходили хороводом вокруг одного из игроков и пели «Сиди, сиди, Яша под калиновым кустом, грызи, грызи Яша орешки каленые, милому дареные», действие явно связано с предсвадебными и свадебными ритуалами — обменом подарками и круговым обходом брачующихся вокруг священного дерева.

Новые религии, как правило, строили свои святилища и храмы на традиционных «священных местах», нередко используя камни прежних святилищ. Достаточно привести несколько хорошо известных примеров. Так, христианский храм Святой Софии в Стамбуле стал мечетью, в испанской Кордове после завершения Рекон-

кисты католический храм был построен в крупном мусульманском комплексе. На горе Кармель в Хайфе (Израиль) стоит католический монастырь, до этого эта гора последовательно была посвящена Ваалу, Зевсу, Аллаху. Немало примеров, когда старые ритуалы «принимаются» мировыми религиями и считаются исключительно «своими». Так, когда-то широко распространенные у многих народов мира ритуалы обрезания воспринимаются как присущие лишь мусульманам и иудеям. В Эфиопии христианский праздник Крестовоздвижения включил в себя многие части Мэскеля, связанного с культом плодородия. В Португалии католики совершают «Обряд восьми блюд», освящая в храмах первые плоды, практически повторяя обряд «первинков». В России во время длительного отсутствия дождей равно полезными считались как молитвы в храмах, крестные ходы вокруг полей, так и опахивание их женщинами. А гимн современной республики Осетии (Алании), с традиционно христианским населением, принятый в 1994 г., включает такие слова: «О, Уастырджи, дай нам твоей благодати!», т.е. поющие обращаются к древнему покровителю мужчин и путешественников, чей образ слился со святым Георгием.

Осталось много следов культа деревьев. Нередко в разных странах, да и некоторых районах нашей Родины и ближнего зарубежья, можно увидеть деревья с повязанными на них ленточками — знак просьб либо благодарностей всевышнему. В Сибири такие деревья чаще всего встречаются на сложных перевалах, а в Армении, например, — рядом с христианскими храмами. В городах Удмуртии не так давно (как зафиксировали наши коллеги из Ижевска), провожая молодого человека в армию, прикрепляли такую ленту или кусочек ткани к деревянной притолоке входной двери в квартиру. В Абхазии, где население уже давно исповедует христианство и ислам, даже в этом десятилетии можно было увидеть на ветвях деревьев высохшие приношения (плоды, шкурки мелких животных). Украшение христианских храмов листьями и цветами, новогодняя елка — подобные же свидетельства. Многие из нас, чтобы быть уверенными в своих замыслах и надеждах, считают нужным «постучать по дереву». Можно продолжить такие примеры.

А иногда, особенно в последние годы с развитием туризма, древние ритуалы, немного модернизуясь, превращаются в «туристический продукт», как кофейная церемония в Эфиопии и множество других в странах Африки, Азии, Америки. Это присуще и «цивилизованным» Европе и Восточной Азии. Это явление было хорошо проанализировано в четырех томах о календарных празд-

никах европейских народов и сборниках о культуре народов Дальнего Востока².

Когда архаичные, традиционные общества сталкивались с иными, более развитыми, особенно же с мировыми религиями, им приходилось отказываться от привычного миропонимания и образа жизни. Причины перехода могли быть разными. Один из первых и возможно важнейший — поражение в войне и завоевание народом с другой религией. Победители не только подчиняли себе противников, но и уничтожали прежних идолов, как, например, некогда поступил Хлодвиг, приказавший изрубить их после победы над соседями-язычниками. Даже при якобы мирной смене религии, когда верхушка общества принимала новую, уничтожались старые божества. Можно вспомнить судьбу Перуна в Киеве при принятии христианства князем Владимиром или кровопролитные религиозные войны в Европе, в результате которых возник лозунг «Чья власть, того и вера». То же происходило и в средневековом Конго, ставшим христианским в конце XV–XVI вв. В столкновении разных цивилизаций (особенно это заметно в колониальных странах) приходит осознание того, что в новых условиях «свои» старые духи и божества не могут обеспечить благополучие народа, а новые, возможно более могущественные и, главное, соответствующие навязанному образу жизни, в состоянии помочь выживанию народа. Во имя этих интересов, вероятно, понимали «язычники», следовало принять веру европейцев. Именно такое объяснение, например, дает жрец, один из героев романа нигерийца Чинуа Ачебе, своему сыну, посылая его в миссионерскую школу.

Процесс смены религий — сложный и длительный. Ничто не пропадает бесследно, и многие элементы прежних верований либо включаются в новую систему, либо продолжают существовать на втором плане, за рамками формально принятого нового. Происходит как официальное, так и неофициальное включение традиций в новую жизнь. Недаром возникли такие дефиниции, как «народное православие», «народный ислам» и т.п. Как сохранение (и в явном, и в неявном виде) привычных традиций, так и принятие (невольное

² Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1973; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1977; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1979; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1983; Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985; Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.

или сознательное) новых систем верований становятся неотъемлемой частью культуры любого народа и, следовательно, предметом изучения антропологов. Понимание этого было присуще уже «отцам» этнологии или антропологии. Их работы начинались именно с изучения верований. Уже ученые конца XIX в., которых можно считать первыми антропологами, отдавали себе в этом отчет³. В их работах явно видно слияние антропологии и религиоведения, невозможность раздельного их существования. И в России основоположники нашей дисциплины начинали описания народов с их традиционных верований⁴. Современные антропологи, как европейские, так и «новые» (например, африканские), это осознают. Недаром первой крупной работой под редакцией одного из создателей американского направления афроцентризма Молефе Асанте был внушительный том о религиях Африки.

Без изучения религиозных верований невозможно и преподавание антропологии и этнографии. Недаром первые в нашей стране лекции по общей этнографии были посвящены именно религиозным воззрениям⁵. И в наши дни невозможен ни один этнографический очерк без исследования народных верований. Уже скоро столетие, как в программах кафедр, где готовят специалистов-антропологов, значительное место занимает изучение роли религий в народной жизни. Созданы специальные курсы лекций в Московском, Санкт-Петербургском и других университетах. Первым цикл «Религии в истории народов мира» начал читать на кафедре этнографии исторического факультета МГУ С.А. Токарев, крупнейший антрополог и религиовед, заведующий кафедрой в 1956–1972 гг. Его дело продолжили Б.И. Шаревская, Г.А. Шпажников, О.Е. Казьмина. В Институте стран Азии и Африки МГУ — Э.С. Львова. На основе прочитанных курсов ими были изданы монографии⁶, а материалы использованы

³ Бахофен И.Я. Материнское право. М., 1996; Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1939 (2-е изд.: М., 1989); см. также: *Levi-Strauss C. La pensee sauvage*. Paris, 1962.

⁴ Богораз-Тан И.Я. Христианство в свете этнографии. М., 1928; Штернберг Л.Я. Первобытная религия. М.; Л., 1939.

⁵ Харузина В.Н. Этнография. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах в Москве. Вып. 1. I. Введение. II. Верования малокультурных народов. М., 1909; Она же. Этнография. Лекции, читанные на Высших женских курсах в 1910–1911 гг.: по запискам слушательниц. Ч. 1. Малокультурные народы. Культура материальная и духовная. М.: [б/и, 191-].

⁶ Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Религии в истории народов мира. М., 2005 (послед. изд.); Шаревская Б.И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964; Шпажников Г.А. Религии стран Африки. М., 1967; Он же. Религии стран Африки. М., 1981; Львова Э.С. Очерки по истории религий Африки южнее Сахары. М., 2019.

в работах С.А.Токарева и А.А. Никишенкова по истории этнографии как науки⁷.

Неотъемлемую связь религиозных представлений и жизни народа, как и эти общие черты взаимовлияния народных верований и мировых религий, будет проиллюстрирована в данной статье на примере африканистики. В странах Африки практически нет атеистов. Первый вопрос наших респондентов в Эфиопии и Танзании, когда они получали анкеты, предлагающие дать ответ относительно вероисповедания, где была и графа «Атеист (без религии)», был недоуменный: «А что это значит? Разве бывает человек без религии?». Ныне в Африке южнее Сахары большинство населения исповедуют христианство и ислам. Однако древние верования не исчезли, а создали синкретические формы. Недаром первый президент независимого Сенегала Леопольд Седар Сенгор так ответил журналистам на вопрос о конфессиональной ситуации в его стране: «У нас около 70 процентов мусульман, около 20 — христиан и 100 — последователей традиционных культов». А лютеранин в Кот д'Ивуар в 1989 г. сказал автору этих строк в ответ на вопрос, не осложняет ли жизнь в семье то обстоятельство, что его брат — католик, а отец — мусульманин: «А какое это имеет значение, у нас дома все равно стоит фетиш»⁸.

И христианство, и ислам небыстро и нелегко завоевали население Африки южнее Сахары. Первая из этих мировых религий прошла три этапа проникновения за две тысячи лет: от первого раннего христианства в IV–V вв. н.э. в Северо-Восточном регионе через неудачные попытки христианизации (в Бенине и Мономотапе) и более успешной в Конго в конце XV в. до тотальной баптизации в период колониального раздела континента в XIX в., продолжающейся и поныне. Ислам же появился уже в VII в. на Африканском Роге; в VIII–X вв. — в Восточной Африке; с IX по XIX–XX вв. распространялся в странах Западной Африки и занимает всё большее место в XXI в. Никогда мировые религии не вытесняли полностью традиционные верования. Они долгие века сосуществовали. Еще эфиопские средневековые хроники писали: «...люди эфиопские пребывали одни веруя в Христа, другие обожествляя змея, третьи гадая по (полету) птиц, четвертые волхвуя с огнем»⁹.

⁷ Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008; Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966; История этнографической науки. М., 1978.

⁸ Полевые материалы автора (ПМА), 1989 г.

⁹ Цит. по: Чернецов С.Б. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб., 2002.

Естественно, что за это время неизбежным было и взаимопроникновение различных элементов этих религий. С одной стороны, происходило частичное принятие традиционалистами новых верований как более продуктивное и «сильное» в новых условиях, с другой — включение традиционных представлений в христианство и ислам для более успешного их принятия местными жителями. Процесс этот сложен и не изучен до конца. Например, африканцы, впервые столкнувшись с европейцами, зачастую воспринимали европейские материальные предметы (приборы, предметы одежды, пуговицы, кресты и четки и т.п.) как фетиши новых, более действенных верований, придавали им магические значения. Обладание ими встраивалось в традиционные ритуалы, бывшие неотъемлемой частью народной культуры. В годы колониализма, видя, что древние божества и духи не могут защитить общества от новых проблем, полагали, что на это способна новая система веры. Становясь христианами, они «встраивали» в новое миропонимание элементы привычных представлений, использовали традиции изобразительного искусства и своих ритуалов. Как писал один из религиоведов, «...они приняли христианство белого человека, но не всегда выражали его таким же образом, как белый человек. Задачей черного человека, вероятно, что стало его судьбой, было сформировать, воссоздав предложенную ему христианскую религию так, чтобы переделать ее, приблизив к чаяниям своей собственной души, к своим собственным специфическим потребностям».

Так, во многих ритуалах (особенно связанных когда-то с культом плодородия), обращаясь к духам природы, люди добавляли и призывы к Святому Георгию, Богородице, Иисусу Христу, Аллаху и мусульманским святым. И сегодня, как и в конце XIX в., в юго-западной Эфиопии можно после церковной службы или пятничной молитвы посетить христианского или мусульманского «каллу» — традиционного знахаря и колдуна¹⁰. Рыбаки стран Гвинейского побережья, в массе своей исповедующие христианство, на бортах своих лодок пишут обращения, адресованные старинным духам. Описания почти одновременного (или последовательного) обращения к священнику либо марабуту и к традиционному жрецу часты в произведениях африканских писателей (см., например, произведения Сембена Усмана «Порча» или Сиприана Эквенси «Переживи мир»). В новой системе миропонимания у новых могущественных небесных покровителей (христианских) возможностей гораздо больше, думалось африканцам. И только новая религия может обеспечить бла-

¹⁰ ПМА, 1992 г.

гополучие нового общества, которое стало складываться в странах Африки с приходом европейцев. Такая практика обращения к «более сильным» духам-покровителям существовала и ранее. Так, в конце XIX столетия в войне чокве и балунда последние, потерпевшие ряд поражений, обратились к колдунам соседей, так как, по их представлениям, собственные духи оказались беспомощными.

При распространении христианства в Африке южнее Сахары немало черт традиционных верований входило в новую религию, создавая иногда причудливый синкретический сплав. Вначале этот процесс происходил спонтанно, «снизу». Так, уже упоминавшийся общехристианский праздник Крестовоздвижения в Эфиопии слился с традиционным календарным праздником Мэскаль, знаменующим смену года в конце сельскохозяйственного сезона. Обращения к местным духам дополнялись, как указывалось выше, молениями Христу, святым или Аллаху, как при хорошо известной (утратившей уже сакральный смысл) кофейной церемонии. Многие ритуальные предметы изготавливались в старых сакральных традициях (баптистерии в форме священных барабанов и декорировались так же; старинная резьба воплощалась в геометрических орнаментах и резьбе церковных дверей и т.п.).

Вначале носители мировых религий, как везде (вспомним Хлодвига), стремились уничтожить идолов, попытки же неопитов сохранить древние обычаи (полигамию, инициацию детей) жестко пресекались, а совершавшие их отлучались от церкви. Так же наказывались и священнослужители, допускавшие их. Известно, что камерунский историк Энджеберг Мвенг, одновременно будучи священником-иезуитом, в середине прошлого века проводил мессы перед храмом, на открытом воздухе, следуя традиционным правилам. Он был отозван в Ватикан, лишен права служения и провел немало времени в церковном заключении.

Затем ситуация изменилась. В стремлении сохранить паству, христианская церковная верхушка (прежде всего — католическая) стала «сверху» проводить политику африканизации. Она началась в предчувствии краха колониальной эпохи с целого ряда энциклик римских пап. Первая увидела свет еще в 1951 г. Позднее, уже в XXI в., римские папы неоднократно посещали африканские страны и развивали положения этой политики в своих обращениях к местной пастве. Особенно значимым было обращение «Вызов Африки» папы Бенедикта XVI, произнесенное в Бенине в 2009 г.

Этими обращениями была определена официальная политика «африканизации христианства». Она имеет несколько составляющих. Прежде всего, это замена европейских миссионеров клиром

из местных новообращенных жителей. Нельзя сказать, что таковых не было ранее. Так, первым чернокожим епископом стал некий дон Энрике, который был выбран из целого ряда кандидатов для служения в государстве Конго в самом начале XVII в. Они нечасто, но появлялись и в других регионах континента. Сохранились бронзовые изображения чернокожих священников, изготовленные в XVI–XVII вв. на Гвинейском побережье. Это фигуры с обнаженным торсом, в мужских юбках (характерных для одежды традиционных правителей), с шейными и ручными украшениями и большим наперсным крестом. Однако такие случаи были редким исключением. Христианизация оставалась делом европейских миссионеров. И когда в конце XIX в. в южной Нигерии появился англиканский епископ — африканец Самюэль Джонсон, написавший «Историю йоруба», это было воспринято миссионерами с недоумением и недовольством.

Со второй половины прошлого века африканизация клира стала официальной политикой Ватикана и других направлений христианства. Сейчас в Африке около 90 % священнослужителей — чернокожие, получившие высшее духовное образование в университетах как Европы, так и Африки. Есть и представители церковной верхушки, епископы и кардиналы. Один из них, Френсис Аринзе из Нигерии, был даже в составе группы кандидатов на пост римского папы во время последних выборов. Наиболее активно эта политика проводится католичеством, но не отстают и другие африканские направления. Так, хорошо известна церковная и общественная деятельность англиканского епископа из ЮАР Десмонда Туту, лауреата Международной премии мира.

Африканизация также предполагает переход службы с латыни на живые языки — государственные и местные, учитывая также традиционное деление суток на дневные и ночные часы (в Танзании и Эфиопии с 6 утра до 6 вечера — день, затем до 6 утра — ночь). В некоторых храмах Камеруна, например, существует особое расписание проведения служб на французском и двух местных языках; в Эфиопии настоятель храма Святого Людовика сам определяет язык служб (латынь, английский, амхарский); в греческой церкви Дар-эс-Салама часть служб проходит на суахили и т.д.¹¹ Заметим, что протестантские направления еще ранее использовали в службах местные языки. Исключение составляли лишь «старые» протестанты — англикане, лютеране и особенно представители Голландской реформаторской церкви, вероятно, самой консервативной.

¹¹ ПМА, 1989, 1992, 2006 гг.

Современная церковная верхушка более терпимо относится к включению некоторых аспектов традиционных ритуалов и обычаев в официальные службы. Так, допускается проведение месс на открытом воздухе, использование во время службы традиционных музыкальных инструментов, пританцовывание и своеобразное пение «йолалата», похлопывание в ладоши и т.п. Подобный синкретизм виден и в одеяниях священнослужителей (в Демократической Республике Конго — в шапочках, некогда присущих правителям, а в Эфиопии — в лемдах, повторяющих шкуру льва, бывшую когда-то частью «мундира» крупного военачальника), в цветовой убранстве храмов, в несении во время Крестного хода копий наряду со свечами и иконами и т.п.

Не запрещается паломничество к традиционным священным местам (на берега озер, рек и океана, к вершинам гор, пещерам) совместно с людьми, исповедующими местные культы. Не исчезла традиционная полигамия. Христиане, взявшие вторую и последующих жен, не отлучаются от церкви, хотя венчание разрешается только с одной. Для сакральных правителей многоженство было залогом плодородия и благополучия всего общества. И сейчас это представление местами сохраняется. Так, христиане в третьем поколении бывший президент ЮАР Джейкоб Зума и король Эсватини (Свазиленда) Мсвати III имеют четырех и 15 жен соответственно. На вопрос журналиста, как это сочетается с христианством, Зума ответил, что он обязан следовать обычаям своего народа. В муниципалитетах Танзании еще в начале XXI в. при регистрации брака у христиан спрашивали, не планируют ли они в будущем взять вторую жену¹². Церковь терпимо относится и к инициациям детей. Независимо от вероисповедания и в ряде стран Африки, и в диаспорах проводятся мужские и женские обрезания, составлявшие часть традиционных обрядов инициаций.

Наконец, всё шире распространяется убеждение, что и Христос, и апостолы, и Дева Мария были чернокожими. Это убеждение находит отражение в современной иконографии. Иконопись рисует чернокожего Христа на пути на Голгофу, чернокожими предстают Богородица и Сын; мозаики в храмах Абиджана изображают поклонение волхвов как бытовую сценку на окраине африканской деревни; в храмах — искусные деревянные и мраморные скульптуры Матери и Сына с подписью “Notre Dame d’Afrique”. А католический собор Дакара повторяет «суданский» архитектурный стиль¹³.

¹² ПМА, 2003 г.

¹³ ПМА, 1989, 2008 гг.

Сохраняются, хотя не повсюду и не полностью, обряды жизненного цикла. Прежде всего это инициации, освященные традиционными религиозными представлениями. Эфиопские антропологи зафиксировали в конце XX в., что у оромо для проведения подобных обрядов разрешается (что было совершенно невозможно ранее) включать «припущенников», чтобы достичь необходимого для обращения к духам числа мужчин. Практически у всех христиан и мусульман проводится обрезание, но чаще всего без традиционных ритуалов и в больницах. Хотя произошли большие изменения в практике наречения имен¹⁴, сохраняется память о духах-покровителях. Так, в имени первого президента Ганы Кваме Нкрума первый член его связан с духом субботы, а у бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана — пятницы. Подобное мы видим и в европейских обычаях имянаречения. Всем хорошо знакомы православные святцы, в соответствии с которыми дается крещеное имя, а у французов существует весьма своеобразное имя Туссен, т.е. «все святые».

Не исчезли и традиционные свадебные обряды. Они обязательно выполняются родственниками даже в отсутствии брачующихся (например, если молодые учатся или работают за рубежом). Даже крупные политические деятели (как, например, первый чернокожий президент ЮАР Нельсон Мандела) выплачивают брачный выкуп — лобола. Законность бракосочетания в полигамных семьях определяется не столько венчанием или мусульманскими процедурами, сколько ритуалами, определяемыми обычаями (переговорами семей, обменом подарками, публичными трапезами и т.п.).

Местами в Африке южнее Сахары существует и некий симбиоз традиционных и новых представлений о смерти. В отличие от мировых религий, не допускающих «возвращения» душ умерших в мир живых, в традиции африканских народов существовали представления о времени «посмертия», после которого души, воплощаясь в новорожденных, возвращались в общество. В этот временной период они продолжали вести привычный образ жизни и хозяйства. Это хорошо видно в фольклоре, нашло отражение в погребальной обрядности и сегодня. Так, появляется, например, могила плотника-христианина с крестом, на котором закреплены инструменты для его работы. А в Гане во второй половине прошлого столетия появилась и до сих пор процветает «индустрия» гробов, соответствующих занятиям умерших: в виде крупных животных — для знати и высших

¹⁴ Львова Э.С. Новое в антропологии африканских народов // Имя и этнос. М., 1996. С. 129–135.

чиновников, самолетов или мерседесов — для бизнесменов и дипломатов, рыб и кораблей — для рыбаков и моряков, Библии — для священников. Сейчас по Интернету можно заказать любой фигурный гроб на ваш вкус. Еще одно традиционное представление о посмертии — вера в души предков как покровителей и защитников живущих. Отсюда следует убеждение, что скорее нужно радоваться, что у родственников умершего в ином мире появились новые покровители, а не огорчаться. В результате нередко радостные песни и танцы во время похорон и тризны. Даже в США после страшного тайфуна, почти уничтожившего Новый Орлеан (2005), чернокожие жители города в похоронных процессиях пели и танцевали. А в Гане и соседних государствах возникли союзы молодых людей, на заказ сопровождающих похороны танцами и пением¹⁵.

На Мадагаскаре наряду с мировыми религиями сохраняется еще один традиционный погребальный обычай — фадимахана — переворачивание останков в склепах, омывание и перезахоронивание. Во время его проведения произносятся речи, восхваляющие умерших. Эти ритуалы проводятся раз в несколько лет и, со слов сотрудников малагасийского посольства в Москве, даже отпуска дипломатов планируются в соответствии с ними, независимо от вероисповедания чиновников.

Еще один вариант реакции на появление христианства, вызванный разочарованием в новой вере, не сумевшей искоренить старые обычаи и разрешить новые проблемы, — возникновение афрохристианских «пророческих» сект и церквей, отколовшихся от разных направлений христианства. В них сохранилось особенно много элементов традиционных локальных верований (впадение в транс, целительство, пророчества и т.п.). Одни из них недолговечны и исчезают со смертью основателя либо изменениями политической обстановки, их породившей. Другие становятся многочисленными и довольно влиятельными, признаются правительствами в качестве самостоятельных организаций, как, например, Эфиопская и Сионская церкви ЮАР или Церковь Христа, основанная Симоном Кимбангу в Демократической Республике Конго.

В христианской среде сохраняется и поныне такой важный элемент традиционных верований, как тайные общества, хотя те уже не считаются единственными поддерживателями порядка в обществе. Как правило, они уже не столь тайные, есть множество фото, сделанных европейцами в дневное время (ранее все церемонии про-

¹⁵ Ghana's fantasy Coffins. — URL: [https:// edition.cnn.com/2017/12/29/Africa/Ghana-fantasy-coffin/index/htm](https://edition.cnn.com/2017/12/29/Africa/Ghana-fantasy-coffin/index/htm) (дата обращения 15.06.2023).

водились ночами); на них видны зрители (когда-то люди, увидевшие случайно членов таких обществ, подвергались суровым наказаниям). Однако они продолжают существовать, в том числе — в среде христиан, и играть немалую роль в жизни своих государств. В конце XX в. тогдашний директор Института Африки РАН А.А. Громыко взял интервью у высокопоставленных чиновников нескольких стран на Гвинейском побережье Африки. Один из них, директор отдела культуры Министерства по делам туризма и культуры Сьерра-Леоне, сказал: «Я сам являюсь членом тайного общества Поро и одновременно исповедую христианскую религию, я католик»¹⁶. В Либерии бывший президент У. Тайлор (1964), протестантский священник, был руководителем Поро, а жена одного из последующих президентов возглавляла женское тайное общество Санде¹⁷.

По-прежнему жива вера в амулеты и талисманы. В конце XIX в. армянский епископ Диметиос, проживший два года в Эфиопии, с горечью отмечал, что сами священники изготавливают талисманы и торгуют ими¹⁸. А в начале нынешнего столетия во время гражданской войны в Кот д'Ивуаре амулеты или талисманы, найденные у пленных противников, приравнивались к огнестрельному оружию¹⁹. Колдуны, превращавшие пули в воду, служили и в рядах повстанцев «Маджи-Маджи» (на яз. суахили — вода) в 1905–1907 гг. в Германской Восточной Африке, и «Мау-мау» в 1952–1960 гг. в Кении, и в войсках правительств и оппозиции в Мозамбике и Анголе. На африканских рынках есть целые ряды ингредиентов для колдовских «гри-гри». Африканские экологи выступают против них, считая, что колдуны и их последователи угрожают окружающей среде, уничтожая для этих целей флору и фауну.

Неоднократные государственные запреты колдовства (как, например, в ЮАР и Зимбабве, где первые указы вышли еще в конце XIX в.) успеха не имеют. А на рубеже XX–XXI вв. на юго-западе Эфиопии, охваченной войнами, был соверщен ритуал «Закапывание копья войны» (он был запечатлен в фильме, снятом при его проведении)²⁰. В нем активное участие принимали местные колдуны,

¹⁶ Громыко А.А. Маски и скульптура народов Тропической Африки. М., 1984.

¹⁷ Денисова Т.С. Тропическая Африка: Эволюция политического лидерства. М., 2016.

¹⁸ *Dimethios P.R.* Deux ans de séjour en Abyssinia, ou Vie morale, politique et religieuse. Jerusalem, 1891.

¹⁹ Письмо Влады Саркисовой-Куаме о событиях в Кот д'Ивуар в 2011 г. Цит. по: Крылова Н.Л. «Русские африканки» в XX столетии: Семья. Судьба. Отчизна. М., 2019. С. 559.

²⁰ “Bury the Spear”. Film by Ivo Stecker and Alula Pankherst on the XVI International Conference on Ethiopian Studies. Film Panel, Thronheim, 2007.

совершались обряды изгнания злых духов и призывы добрых после того, как сломанные копья были закопаны. Ритуалы, направленные на поражение соперников и обеспечение победы своей команде, несмотря на запреты Футбольной ассоциации Африки, неоднократно проводились как во время игр внутри континента, так и на чемпионатах мира в 2010 г. в ЮАР и 2018 г. в России²¹.

Подобный синкретизм широко распространен и в Африке, и в диаспорах. Наиболее зримо он выражен в афроамериканских верованиях Бразилии, Кубы и т.п. Но такое положение дел устраивает далеко не всех. Есть люди, желающие возродить традиционные верования. Многочисленные культурные ассоциации включают их в свои программы как важное культурное наследие, требующее особого внимания. Так, «Культурная ассоциация народа каффичо» в Эфиопии поставила своей целью возрождение старых верований. За более чем столетие христианизации память о них ушла, и требуется обращение к этнографическим описаниям конца XIX в.²² В 1993 г. в Республике Бенин традиционное вуду было объявлено государственной религией несмотря на то, что большинство населения исповедует христианство и ислам. Есть и общегосударственный праздник «День вуду». Видна и связь с казалось бы исчезнувшими традиционными верованиями даже в политической жизни. Одна из политических партий в Нигерии называлась «Дети Одудувы» (верховное божество и создатель мира в традиционных верованиях народа йоруба). А в конце прошлого века в Эфиопии некоторые политические деятели народа оромо хотели даже возродить политическую структуру, основанную на традиционной религиозной социализации.

Африканские богословы стараются примирить христианскую и традиционную догматику. В результате возникла философская система Убунту (Человечность), ставшая идеологией Африканского Союза. Она основана на идеализированных принципах этики и морали традиционных религий африканских народов. Один из ее создателей и идеологов — англиканский епископ из ЮАР Десмонд Туту.

Другая мировая религия в Африке южнее Сахары — ислам — изучена значительно меньше. В нем тоже заметно большое количество традиционных элементов. Африканисты долгое время называли это направление «философией черных», затем «афроисламом», считая довольно сильно отличающимся от ортодоксального ислама, а общества, принявшие ислам, считали «афроисламской цивили-

²¹ Поляков А.К. Снег на экваторе. М., 2017.

²² ПМА, 1992 г.

зацией». Сейчас отмечен явный крен в сторону ортодоксального ислама (например, Д.А. Савватеев предлагает сменить термин на «исламоафриканскую цивилизацию»²³). Мусульманство пришло в Африку южнее Сахары не в результате военных завоеваний (как в Северной Африке), а по торговым путям. Первые мусульмане появились еще в Аксуме в VII в. В других регионах (Западной и Восточной Африке) исламизация проходила постепенно, в течение многих веков (в разных регионах с VII–IX вв. по XIX в.) Облегчало этот процесс немалое сходство некоторых элементов традиционной и исламской культур (например, обрезание, полигамия, возможность молитвы на открытом воздухе и т.д.). В средневековые мусульманские кварталы были уже во многих городах как Западной, так и Восточной и Северо-Восточной Африки. Во многих странах ислам считают «своей» религией, под его знаменами шло, например, сопротивление захватам французами Западной Африки в конце XIX в.

С самого начала исламизации африканцев в эту новую систему мировоззрения естественным образом включались и традиционные культурные элементы. Сохраняются они и поныне. Можно согласиться с мнением Е. Резвана, который считает, что «...только “местный ислам”, впитавший всю палитру религиозных традиций и предпочтений, неразрывно связанный с историей “своего” народа, с его победами и трагедиями, способен дать адекватный ответ на духовные запросы верующих»²⁴. Заметим, что более характерно сосуществование местных традиционных и привнесенных представлений в «деревенском», передающемся от одного неопита к другому, исламе, нежели в «городском», имеющем длительную историю книжной культуры, старые учебные заведения и собственных ученых-правоведов, знатоков арабского языка и Корана. Один из современных исследователей говорил: «Ислам — что вода, которая принимает форму того сосуда, куда ее наливают, и цвет почвы, на которую ее проливают, но всегда остается водой».

Еще средневековые арабоязычные авторы писали о том, «что хорошо в исламе черных» и «что плохо в исламе черных»: женщины не закрывают лиц, трапезничают вместе с мужчинами, участвуют в беседах; правители-мусульмане после пятничной молитвы участвуют в «карнавалах с масками» (традиционных ритуалах) и т.п. И ныне такого рода визуальные черты синкретизма можно видеть в мусульманских обществах Африки южнее Сахары. Добавим к этому яркость одежд (и мужских, и женских).

²³ Савватеев А.А. Исламская цивилизация Тропической Африки. М., 2006.

²⁴ Резван Е. Абиссинский калам. СПб., 2022. С. 121.

Также широко известно, что ислам не поощряет изображения живых существ. Однако на окраинах мусульманского мира это правило часто нарушается (вспомним, например, персидскую миниатюру, памятники мусульманским деятелям в Тунисе и других странах Востока). И в Африке южнее Сахары резчики-мусульмане продолжают вырезать фетиши, посвященные духам и предкам. Уже упоминались интервью, собранные А.А. Громыко о тайных обществах. Добавим и то, что говорилось об исламе. Макада Ньянг, сотрудник Музея традиционного искусства в Дакаре, утверждал: «Сенегальцы хотят воздать должное своим предкам, таким мусульманским деятелям, как, например, Эльач Амаду Си, Шейх Амаду Бамбар. Когда происходит церемония в их честь, она собирает много участников, которые приходят поклониться своим знаменитым предкам. Изображения их мы видим в различных формах: в цветном стекле, настенных фресках, в скульптуре. Эти изображения пользуются большим спросом, так как мы люди фанатичные и готовы заплатить за них хорошие деньги для украшения своих жилищ». Ему вторил и сотрудник Центра изучения цивилизаций г-н Дияя: «Влияние ислама закреплялось через амулеты, так называемые “гри-гри”. Например, во время традиционных праздников муллы в качестве амулетов предлагали населению маленькие Кораны. То есть использовали традиционные африканские формы для проникновения в традицию. В результате в Сенегале даже в традиционные африканские амулеты сейчас кладут страницы из Корана, коранические тексты, которые, находясь в амулете, призваны играть магическую роль»²⁵.

Упование на волю Аллаха соседствует с гаданиями и колдовством, официально не принимаемыми исламом. В качестве предметов, используемых в этих целях, могут выступать изображения коранических досок на керамике и тканях, либо сами доски; вода, в которой растворены бумажки с записями аятов Корана; амулетами служат те же записи, носимые на теле в особых «контейнерах». Жив еще и культ предков семьи и рода, дома у мусульман (конечно, не у всех) можно увидеть их фетиши. Сохраняется значимая в обществе роль «марабутов» у народов Западной Африки — знатоков и толкователей Корана и в то же время колдунов-знахарей-целителей, действующих традиционными методами. Нередко они одновременно — и жрецы духов предков и природы, и заклинатели дождя. В Эфиопии их называют мусульманскими «каллу», в Восточной Африке встречаются мусульмане-«нганга».

²⁵ Громыко А.А. Указ. соч. С. 315.

Жива и вера в духов природы, гор, рек, океана. Иногда они идентифицируются с джиннами (Иблисом, Шейтани и др.). Джинны, по представлениям африканских мусульман, могут являться в образе змей, ящериц, могут заключать браки с людьми, как это практиковали древние духи рек, земли и воды. Во многих регионах сохраняется культ деревьев (аналоги мирового дерева). Еще в средневековье первые мусульманские правители хауса то срубали такие деревья на святом месте, чтобы построить мечеть, то уничтожали ее, чтобы высадить дерево (так рассказывают хроники Кано²⁶). А в Сьерра-Леоне практически до конца XX в. можно было видеть перья и шкурки животных на ветвях священных деревьев, корни которых омыты жертвенной кровью. Как и у христиан Эфиопии, у мусульман сохраняется вера в невидимых и лишенных формы злых сил «зар» и «буда», против которых произносят заклинания и делают особые амулеты. Иногда сегодняшние африканцы даже не отдают себе отчета, что сохраняют традиции поклонения духам. Когда-то суахили приносили жертвы духу океана, совершая церемонии на берегу. В современном Дар-эс-Саламе этого давно не делают, но во время свадебного кортежа по улицам города обязательно выезжают на берег и проводят там некоторое время²⁷.

Развит в Африке южнее Сахары и культ мусульманских святых. Прежде всего, это основатели мусульманских орденов, почитаемые деятели прошлого (начиная со средневековья), «чудотворцы», «ясновидящие и т.п. Чаще всего это люди, умершие несколько столетий назад, похороненные зачастую в старинных священных местах или освятившие их собой. Места их захоронения и по сию пору являются объектами поклонения и паломничества. Такие есть в Дженне и Тимбукту (могила Ахмеда Баба, ученого марабута конца XVII в.), в сенегальском Туба (Амаду Бамба, основателя тариката Муридийя), в Нигерии (Османа дан Фодио, пророка и первого правителя Сокото). В Эфиопии процветает культ шейха Нур Хусейна (XIII в.). У могил его самого и его преемников проводятся поклонения с принесением даров. Также священным местом задолго до его появления оставались и почитаются и до сих пор «змеиные» пещеры. В самом Хараре (считающемся аналогом Мекки на северо-востоке континента, также как Туба в Сенегале — для Западной Африки) находятся около 300 «куби» — могил менее значительных святых. Им посвящены деревья, скалы, животные. А ведь змей — очень почитаемый тотем либо

²⁶ Киселев С. Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории (до 19 столетия). М., 1981.

²⁷ ПМА, 2003 г.

персонаж традиционных верований многих народов Африки, который, по представлениям верующих, и сам может творить чудеса²⁸. В Восточной Африке такие же захоронения святых существуют на многих островах. Ежегодные посещения их сопровождались традиционными трапезами (иногда с принесением в жертву коз), песнями и танцами. Известно о появлении таких святых захоронений в Африке и в XX в. Так, в 1929 г. появилось святое место — захоронение Ситти Момина в районе Джиммы. А в 1953 г. в той же Эфиопии умер почитаемый проповедник из Северной Нигерии Ал-Факи Ахмад Умар. Посещение его могилы, как и мест погребения других мусульманских святых, считается способным исцелять недуги и устранять самые разные неудачи. Паломничества к таким местам собирают до нескольких сот человек, в них принимают участие не только мусульмане, но и приверженцы других вероисповеданий. На одной из международных конференций был показан фильм о таком паломничестве²⁹.

Сохраняются в среде мусульман Африки и многие календарные, семейные и клановые праздники, на которых обращаются к старым духам. Об этом уже упоминалось в связи с синкретизмом христианства. Те же особенности существуют и в синкретизме ислама и традиционных верований. Такие моления начинаются с обращения к Аллаху, а затем — к традиционным духам природы. У фульбе северной Нигерии языческий покровитель скотоводов получил новое, мусульманское, имя Ахмед (кстати, в русском православии старое славянское божество «скотий бог» Велес тоже поучил новое имя — Власий). А у мусульман Сомали сохраняется древний праздник огня (дабшид), посвященный духам огня и океана. Понимание сущности Аллаха связывается зачастую с верховными духами (Вако у оромо, Уа'а у хадья), а Марьям у оромо — с Атете (женским духом, покровительницей рожениц и плодородия и т.п.).

Мусульманские праздники вбирают в себя (а, возможно, вписываются в них) многие традиционные календарные. Так, у мусульман Западной Африки Ид Аль Кадир (ночь могущества и предопределения, прощения грехов на 83 года) приравнивается к празднику первинков; Ид аль Фитр (окончание поста) в Сенегале воспринимается как Табаско³⁰. Мавлюд (день рождения Пророка) у волоф и ряда других народов приравнивается к «гани», одной из важных церемоний в цикле инициаций и т.д.

²⁸ Резван Е. Указ. соч. С. 127.

²⁹ "Pilgrimage to Ya'a". Film de Yasuo Matsunami on the XVI International Conference on Ethiopian Studies. Film Panel, Thorndheim, 2007.

³⁰ ПМА, 2008 г.

В исламских традициях Африки полигамные браки не ограничивают число жен, современные мусульмане могут иметь более четырех жен, разрешенных исламом. Обрезание является безусловно обязательным, но возраст его проведения различен в разных обществах: у туарегов это 7 лет; у серер — период между 8 и 15; у некоторых групп оромо — около 25; у йоруба — четвертый день после рождения и т.д. В современной, особенно городской, среде часто оно проводится новорожденным в больницах. Однако нередко действует и общемусульманское правило: в 5–7 лет. Для мусульманских семей это большой праздник. В этот день устраивались многолюдные трапезы, для которых зачастую все родные и соседи собирали деньги. Однако и здесь есть перемены, нарушающие и традиции, и правила ислама. Во время нашего пребывания в Танзании две семьи проводили обрезание своим детям, причем в одном случае на собранные деньги был куплен велосипед 6-летнему «герою дня», во втором — холодильник для семьи.

Те же процессы касаются и политической антропологии. В границах современных африканских государств, как правило, уже не существует бывших самостоятельных раннегосударственных объединений, но сохраняются династические линии сакральных правителей, мистически тесно связанных с миром духов (в Гане, ДРК, ЮАР, Замбии и др.). В некоторых странах есть анклавные их (ламидаты в Камеруне; эмираты в Нигерии; «королевства», уничтоженные в 1960-е гг. и восстановленные в конце XX в. в Уганде и т.п.). В Ботсване Конституция закрепляет Палату вождей, в других государствах они являются членами парламента, занимают высокие должности. В отношении к ним подданных всё еще видно признание их неординарной сущности, что заметно и в антураже, окружающем их³¹. Они сочетают образование и современные профессии со статусом сакральных правителей.

Сохраняются и две монархии во главе с представителями подобных династических линий. Они именуются, как должно в традиционном обществе (когда их символами были крупные животные): «Львом» и «Великой Слонихой» (мать короля в Ботсване). К ламидо Нгаундере в Камеруне обращаются «могучий лев», «грозный удав», «сильнее слона». Хотя большинство населения считает себя мусульманами, а в городе находится также центр католической епархии, живы и элементы традиционных верований. Перед началом гражданского праздника Дня независимости конь ламидо и он сам окуривались дымом древних снадобий, а традиционный жрец совер-

³¹ Львова Э.С. Традиции в постколониальной Африке. М., 2022.

шал охранительные ритуалы³². Но некоторые, подобно нынешнему императору Японии, отказываются от религиозной сущности своей власти. Так, один из правителей Куба (ДРК) в 1980-е гг. свой титул «нъими» потребовал считать фамилией и заявил, что считает себя обычным гражданином.

Признание роли традиционных лидеров выходит и на межгосударственный уровень. Выше говорилось о церемонии «Закапывания копья войны» у племен, разрезанных границами Эфиопии и Кении с целью прекращения военных столкновений. И уже давно многие африканские антропологи заявляют о необходимости и на внутри-, и на межгосударственном уровнях использовать старый опыт разрешения конфликтов, в том числе и с применением колдовских приемов³³.

Заметим, что в таких международных организациях, как ЭКОВАС и Африканский Союз были образованы особые Советы старейшин. В них должны входить традиционные светские и духовные лидеры, обладающие древним опытом решения конфликтов. В 2013 г. возник и Панафриканский Совет мудрейших. Члены этих советов призваны реализовывать «мягкую силу», используя свои знания и апеллируя к древним правилам³⁴. На высшем политико-интеллектуальном уровне традиционные представления рассматриваются как элементы культурного наследия (зачастую — как важнейшая его часть), не как религиозные верования, а как философия. Еще в прошлом веке, опираясь в том числе и на традиционные этику и мораль, возникли такие политико-историко-философские взгляды, как «негритюд», «панафриканизм», «афроцентризм» (в том числе и современная его форма в США). А на рубеже XX–XXI вв. создано новое направление «Убунту», которое положено в основу «Африканского ренессанса», «Нового африканского мышления», ставшего идеологической базой Африканского Союза. Само слово взято из языков Юга Африки и имеет в виду гуманизм, чувство единства, неприятия угнетения «инога», эмпатию. На русский язык его иногда переводят как «человечность». Именно эти свойства почти любой религиозной системы составляют основу Убунту. При этом этнические особенности остаются за ее границами. Один из ее идеологов,

³² "Sultan' Burden". Film by Lisbet Holedahl and Jon Jertad. University of Toronto, 1992.

³³ Львова Э.С. Решение внутригосударственных конфликтов в Африке южнее Сахары и традиции // *Nota Bene* (электронный журнал). 2018. № 3. С. 70–76.

³⁴ EKOWAS/Council of Wise, Jo-Ansie vab Wyk(UNISA)academia.edu/36575740/ECOWAS-council of the Wise; The Wise in African Union/ www/en/academia/org/Panel-of-the-Wise.

англиканский епископ из ЮАР Десмонд Туту так определял ее сущность: «Человек с убунту открыт и доступен для других, принимает других людей, не видит опасности в том, что другие талантливы и добры, поскольку и он уверен в себе, понимая, что является частью целого, и, наоборот, человек с убунту угнетен, когда других оскорбляют и унижают, пытают или уничтожают»

Отношение правительств и общества к традиционным верованиям и в Африке, и в других странах мира (включая Россию) можно назвать двойственным. С одной стороны, часто растет интерес к утраченному наследию и стремление воссоздать его. Так, создаются общества друидов в Великобритании, колдуний в Германии, проводятся шаманские камлания и одновременно освящение священником с опрыскиванием святой водой перед открытием новых предприятий газового комплекса на Самотлоре, возрождаются святые места на байкальском Орхоне и появляются новые в Бурятии и т.п. При этом последователи этих практик не уходят из лона мировых религий, а сочетают элементы тех и других.

С другой стороны, происходит десакрализация и коммерциализация их. Традиционные календарные праздники теряют свой этнический и религиозный характер, становятся общенародными. Одни из них уже давно стали таковыми — Новый год, Масленица и др.; другие появились уже в XX в. Примеры таковых — сабантуи и дни Ивана Купала, медвежьи праздники у народов севера, белые праздники в Якутии и Бурятии и т.п.; за рубежом — индейские праздники Солнца в США и Лосося в Канаде и т.п. Предметы культа (маски, фетиши, гробы для прохождения «посмертия»; изображения оберегов со стен входных хижин народа сенуфо, ставших живописными полотнами; резные фигуры «ндоп», бывшие местами пребывания душ умерших правителей Куба или скамеечки ашанти того же назначения и т.п.), как и сами традиционные церемонии в Африке (геревол у фульбе, праздники вуду в Бенине и др.) становятся туристическими продуктами. Эти предметы и приглашения на туры предлагаются и в Интернете. В угоду той же коммерсализации изготавливаются реплики старых изделий и статуи не имевших тел или неантропоморфных божеств — как Шанго в Нигерии.

Всё это говорит о том, что религиоведению трудно существовать без знания антропологии, как и антропология не может игнорировать религиоведение. Трудно, да и бессмысленно прогнозировать будущее взаимодействие мировых религий и традиционных верований. Ясно лишь, что народные верования обладают завидной живучестью и нелегко и не быстро усваиваются и «перемальваются»

мировыми религиями. Здесь открывается обширное поле для работы антропологов: как выявление и изучение роли подобных практик в современном обществе, так и объяснение причин выживания или возрождения их и т.п.

References

- Bachofen J.J. *Materinskoe pravo* [Mother Right]. Moscow: Kanon+, 1996. 496 p.
- Bogoraz-Tan V.G. *Khristianstvo v svete etnografii* [Christianity in the Light of Ethnography]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1928. 531 p.
- Chernetzov S.B. *Efiopiya v pervye shestnadsat' vekov nashey ery* [Ethiopia in the First Sixteen Centuries of Our Era]. Saint Petersburg: Muzey antropologii i etnografii, 2004. 218 p.
- Denisova T.S. *Tropicheskaya Afrika: evolyutsiya politicheskogo liderstva* [Tropical Africa: Evolution of Political Leadership]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2016. 594 p.
- Dimethios P.R. *Deux ans de séjour en Abissynie ou, Vie morale, politique et religieuse*. Jerusalem: Typographie armenienne du couvent de Saint-Jacques, 1891. 286 p.
- Gromyko An.A. *Maski i skulptura narodov Tropicheskoy Afriki* [Masks and Sculpture of the Peoples of Tropical Africa]. Moscow: Iskusstvo, 1984. 352 p.
- Kalendarniye obychai i obryady narodov Vostochnoy Azii. Godovoy tsikl* [Calendar Customs and Rites of the Peoples of East Asia. Annual Cycle]. Moscow: Nauka, 1989. 360 p.
- Kalendarniye obychai i obryady narodov Vostochnoy Azii. Novyy god* [Calendar Customs and Rites of the Peoples of East Asia. New Year]. Moscow: Nauka, 1985. 264 p.
- Kalendarniye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Istoricheskiye korni i razvitie oby chayev* [Calendar Customs and Rites in Foreign European Countries. Historical Roots and Development of Customs] / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Nauka, 1983. 224 p.
- Kalendarniye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Konets XIX — nachalo XX v. Letne-osenniye prazdniki* [Calendar Customs and Rites in Foreign European Countries. The Late 19th and Early 20th Centuries. Summer–Autumn Holidays] / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Nauka, 1979. 296 p.
- Kalendarniye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Konets XIX — nachalo XX v. Vesennie prazdniki* [Calendar Customs and Rites in Foreign European Countries. The Late 19th and Early 20th Centuries. Spring Holidays] / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Nauka, 1977. 360 p.
- Kalendarniye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. XIX — nachalo XX v. Zimniye prazdniki* [Calendar Customs and Rites in Foreign European Countries. The 19th and Early 20th Centuries. Winter Holidays] / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Nauka, 1973. 352 p.
- Kharuzina V.N. *Etnografiya. Kurs lektsiy, chitannykh v Moskovskom arheologicheskom institute i na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve* [Ethnography. A Course of Lectures Given at the Moscow Archaeological Institute and the Higher Women's Courses in Moscow]. Issue 1. I. *Vvedeniye*. II. *Verovaniya malokul'turnykh narodov* [I. Introduction. II. Beliefs of Low-Culture Peoples]. Moscow: Moskovskiy arheologicheskiy institut, 1909. 592 p.

Kharuzina V.N. *Etnografiya. Lektsii, chitannyye na Vysshikh zhenskikh kursakh v 1910–1911 gg.: po zapisyam slushatel'nits* [Ethnography. Lectures Given at the Higher Women's Courses in 1910–1911: Based on the Notes of the Students]. Part 1. *Malokul'turnye narody. Kultura material'naya i dukhovnaya* [Low-Culture Peoples. Material and Spiritual Culture]. Moscow: [s. n., s. a.]. 256 p.

Kiselev G.S. *Hausa. Ocherki etnicheskoy, sotsial'noy i politicheskoy istorii (do XIX stoletiya)* [Hausa. Essays on Ethnic, Social and Political History (up to the 19th Century)]. Moscow: Nauka, 1981. 224 p.

Krylova N.L. "Russkiye afrikanki" v XX stoletii: sem'ya, sud'ba, otchizna ["Russian African Women" in the 20th Century: Family, Fate, Homeland]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2019. 559 p.

Leine D. *African Kings: Portraits of a Disappearing Era*. Berkley: Ten Speed Press, 2000. 160 p.

Levi-Strauss C. *La pensée sauvage*. Paris: Plon, 1962. 424 p.

Lvova E.S. *Khristianstvo i traditsionnye verovaniya narodov Tropicheskoy Afriki kak tipichnyy primer istorii vzaimootnosheniy mirovykh i lokal'nykh religiy* [Christianity and Traditional Beliefs of the Peoples of Tropical Africa as a Typical Example of the History of Relationships between Global and Local Religions] // *Trudy IV kongressa rossiyskikh issledovateley religiy "Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsiy"* [Proceedings of the 4th Congress of Russian Religion Researchers "Religion as a Factor of Civilizational Interaction"]. Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2018. P. 501–510.

Lvova E.S. *Novoye v antroponimike narodov Afriki yuzhnee Sakhary* [New in the Anthroponymy of the Peoples of Sub-Saharan Africa] // *Imya i etnos* [Name and Ethnicity]. Moscow: Institut etnografii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya, 1996. P. 129–135.

Lvova E.S. *Ocherki po istorii religiy Afriki yuzhnee Sakhary* [Essays on the History of Religions of Sub-Saharan Africa]. Moscow: Klyuch-S, 2019. 292 p.

Lvova E.S. *Reshenie vnutrigosudarstvennykh konfliktov v Afrike yuzhnee Sakhary i traditsii* [Resolution of Intrastate Conflicts in Sub-Saharan Africa and Traditions] // *Konfliktologiya / Nota Bene*. 2018. N. 3. P. 70–76.

Lvova E.S. *Traditsii v postkolonial'noy Afrike* [Traditions in Post-Colonial Africa]. Moscow: Tipografiya Cherry Pie, 2022. 96 p.

Nikishenkov A.A. *Istoriya britanskoy sotsial'noy antropologii* [History of British Social Anthropology]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2008. 496 p.

Polyakov A.K. *Sneg na ekvatore* [Snow on the Equator]. Moscow: Alpina publisher, 2017. 560 p.

Rezvan E. *Abissinskiy kalam* [Abyssinian Kalam]. Saint Petersburg: Muzei islamskoy kultury, 2022. 424 p.

Rybakov B.A. *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of Ancient Rus']. Moscow: Nauka, 1987. 782 p.

Savvateev A.D. *Islamskaya tsivilizatsiya Tropicheskoy Afriki* [Islamic Civilization of Tropical Africa]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2006. 303 p.

Sharevskaya B.I. *Starye i novyye religii Tropicheskoy i Yuzhnoy Afriki* [Old and New Religions of Tropical and Southern Africa]. Moscow: Nauka, 1964. 386 p.

Shpazhnikov G.A. *Religii stran Afriki* [Religions of African Countries]. Moscow: Nauka, 1967. 210 p.; 1981. 365 p.

Shternberg L.Ya. *Pervobytnaya religii v svete etnografii. Issledovaniya, stat'i, lektsii* [Primitive Religion in the Light of Ethnography. Research, Articles, Lectures]. Leningrad: Izdatel'stvo Instituta narodov Severa, 1936. XV, 571 p.

Tokarev S.A. *Istoki etnograficheskoy nauki* [Origins of Ethnographic Studies]. Moscow: Nauka, 1978. 168 p.

Tokarev S.A. *Istoriya zarubezhnoy etnografii* [History of Foreign Ethnography]. Moscow: Vysshaya shkola, 1978. 350 p.

Tokarev S.A. *Ranniye formy religii i ikh razvitie* [Early Forms of Religion and Their Development]. Moscow: Nauka, 1964. 399 p.

Tokarev S.A. *Religii v istorii narodov mira* [Religions in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Politizdat, 1964. 599 p.

Traditsionnye i sinkreticheskiye religii Afriki [Traditional and Syncretic Religions of Africa]. Moscow: Nauka, 1980. 590 p.

Tylor E.B. *Pervobytnaya kultura* [Primitive Culture]. Moscow: Sotsekgiz, 1939. 602 p.

Vinogradov V.V., Zabiyaiko A.P., Lapina Z.G., et al. *Istoriya religii* [History of Religion]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Vysshaya shkola, 2004. 464 p.

Поступила в редакцию
25 июля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-161-187

С.М. Гаврилюк, Л.Г. Шепко

**ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И АРХИТЕКТУРА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ЗАРУБЕЖНОМ
АНТИКОВЕДЕНИИ НАЧАЛА XXI в.**

S.M. Gavrilyuk, L.G. Shepko

**URBAN SPACE AND ARCHITECTURE AS A HISTORICAL
SOURCE IN FOREIGN CLASSICAL STUDIES
AT THE EARLY 21st CENTURY**

Аннотация. К настоящему времени по истории города накоплен огромный материал, который вызывает всё больший интерес у археологов, историков, социологов, экономистов, культурологов. Особое внимание уделяется возникновению древних городов. В предлагаемой статье проанализированы англоязычные труды зарубежных авторов последних двух десятилетий, посвященные архитектуре и пространственному развитию поселений эллинов от гомеровской эпохи до конца эллинизма. Широта и многогранность темы обусловили включение в данный обзор работ, в которых ведущим является не региональный, а тематический подход. Имеющийся массив зарубежных исследований, посвященных археологически зафиксированным поселенческим структурам древних эллинов, позволяет выделить приоритетные направления. В указанный период (первые два десятилетия XXI в.) — это проблема начальных этапов оформления пространственной структуры древнегреческих общин. В рассмотренных работах пространство выступает как самостоятельный объект исследования. Археологически зафиксированные поселенческие структуры трактуются с позиций их социальной значимости. Исследовательские объекты — общественные постройки и пространства (храмы, некрополи, агора, домостроительство). Вместе с тем исследования имеют междисциплинарный характер, они выходят за пределы исторического и археологического анализа. В них

Гаврилюк Сергей Михайлович, независимый исследователь
Gavrilyuk Sergey Mikhailovich, Independent Scholar
ad.bestias@mail.ru

Шепко Лариса Георгиевна, доктор исторических наук, доцент кафедры
всемирной истории Донецкого государственного университета
Shepko Larisa Georgievna, Doctor in History, Associate Professor, Department of
World History, Faculty of History, Donetsk State University
ppakra@mail.ru

представлен ряд обобщений и выводов, которые приумножают знания об отдельных регионах или периодах истории. Исследования сосредоточены вокруг нескольких тем: урбанизация и политогенез, планиграфия и демография городов, взаимообусловленность оформления поселенческой структуры и социально-политического развития общины, пути развития городов, подходы к изучению городского территориального устройства. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что проблема организации пространства рассматривается в англоязычной историографии с позиций функциональности, характера занятий населения. Следует отметить достаточную степень самостоятельности и варибельности оформления социального пространства, постепенную его иерархизацию в зависимости от назначения объектов. Необходимо также подчеркнуть сохраняющуюся дискуссионность интерпретации поселенческих объектов (в силу своеобразия начальных этапов урбанистического процесса (критерии определения города), фрагментарности свидетельств, а также многообразия конкретно-исторических условий эллинского политогенеза).

Ключевые слова: греческий полис, поселенческая структура, развитие города, урбанистический процесс, архитектурно-пространственные типы, зарубежная историография.

Abstract. To date, a vast amount of material has been accumulated on the history of cities, which increasingly attracts the interest of archaeologists, historians, sociologists, economists, and cultural scientists. Special attention is paid to the emergence of ancient cities. This article analyzes English-language works by foreign authors from the past two decades, dedicated to the architecture and spatial development of Hellenic settlements from the Homeric era to the end of Hellenism. The breadth and complexity of the topic have necessitated the inclusion of works that employ a thematic rather than a regional approach. The extensive body of foreign research on archaeologically documented settlement structures of the ancient Hellenes allows for the identification of priority areas. During the period under review, the primary focus has been on the initial stages of the spatial structure formation of ancient Greek communities. In the reviewed works, space is treated as an independent object of study. Archaeologically documented settlement structures are interpreted from the standpoint of their social significance. The research objects include public buildings and spaces (temples, necropolises, the agora, domestic architecture). At the same time, these studies are interdisciplinary, extending beyond historical and archaeological analysis. They present a series of generalizations and conclusions that enhance knowledge about specific regions or historical periods. The research is concentrated around several themes: urbanization and genesis of a complex political system, city planigraphy and demography, interdependence of settlement structure formation and the socio-political development of the community, ways of urban development, and approaches to studying urban territorial organization. The obtained data allow for the conclusion that the issue of space organization is considered in English-language historiography from the perspectives of functionality and the nature of the population's activities. It is important to note the significant degree of independence and variability in the formation of social space, and its gradual hierarchization depending on the purpose of objects. It is also necessary to emphasize

the ongoing debate regarding the interpretation of settlement objects due to the peculiarities of the early stages of the urbanization process (criteria for defining a town), the fragmentary nature of evidence, and the diversity of specific historical conditions of Hellenic political genesis.

Keywords: Greek polis, settlement structure, urban development, urbanistic process, architectural and spatial types, foreign historiography.

* * *

Пространство, наряду со временем, выступает одной из основных категорий бытия. С древних времен люди не только приспособлялись к окружающему ландшафту, но и меняли его в соответствии со своими потребностями и возможностями. В сложноорганизованных обществах происходит обособление различных сфер жизни, которые воплощаются в социальном, политическом, культурном пространствах¹. Социальная неоднородность, различия в правах и интересах, взаимоотношения населения и власти отражаются и материализуются в организованной архитектурой среде.

Исторические формы пространственной организации разнообразны: от протогородов и дворцовых комплексов до современных мегаполисов. Наиболее распространенной из них стали города. В современном мире в них проживает более 50 % населения Земли. По расчетам ООН, в 2050 г. этот показатель составит порядка 70 %, что говорит о росте социо-коммуникативного значения городов². Историками давно дана оценка пространственного фактора в развитии городов. Анализ исторического пространства поселений привлекался при изучении социальных, культурных и ландшафтных проблем.

К настоящему времени накоплен огромный материал по истории города, который вызывает всё больший интерес у археологов, историков, социологов, экономистов, культурологов. Особое внимание уделяется возникновению древних городов.

Объектом исследования в данной статье выступает зарубежное антиковедение, предметом — работы, посвященные пространственной организации поселений Древней Греции от гомеровской эпохи до конца эллинизма. Целью авторов является анализ подходов в изучении архитектурного и пространственного развития поселенческих структур при реконструкции древнего общества.

В 1999–2019 гг. были опубликованы исследования ученых Европы, США и Канады, в которых рассматривалась поселенческая

¹ Hölscher T. Urban Spaces and Central Places. The Greek World // Classical Archaeology / S.E. Alcock, R. Osborne (Hg.). Oxford; Malden, 2007. P. 165.

² Более половины населения мира проживает в городах: Центр Новостей ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/desa/world-urbanization-prospects-2014> (дата обращения 12.07.2023).

структура в различных регионах эллинского мира — на Пелопоннесе, Крите, Сицилии, в Малой Азии — главным образом в период становления греческой цивилизации. Ключевой идеей в них выступает диалектическая связь городской среды и общественного развития, в частности, говорится, что созданное людьми поселенческое пространство обуславливало характер их обитания³. Поэтому данные о нем считаются информативным источником для решения вопросов становления полиса, особенностей частной и общественной жизни, состояния экономики и демографии.

Широта и многогранность темы обусловили включение в данный обзор работ, в которых ведущим является не региональный, а тематический подход. Интерес исследователей концентрируется главным образом вокруг шести проблем. При этом авторы опираются как на материалы отдельных древнегреческих поселений (Ф. Ленг, К. Доксиадос), так и на аналогичные данные из других регионов древнего мира (М. Смит, Л. Доннеллан).

Исторические интерпретации пространства исходят из его свойств. Пространство отражает метрические характеристики объекта: протяженность, величину, объем, пропорции, и морфологические: расположение, плотность, соподчиненность⁴. Городское пространство характеризуется также с позиций функционального предназначения — частное или общественное, бытовое или производственное, жилое или нежилое.

(1) Одна из наиболее разрабатываемых проблем — **взаимосвязь урбанизации и греческого политогенеза**. Основной формой политической организации в классической Греции стали полисы. Их образование было «симптомом внутренней консолидации и политического самоопределения той аморфной племенной общности», которая существовала ранее⁵. Трудности в разработке темы связаны, прежде всего, с полисемичностью понятия «полис». Лексико-семантические исследования древнегреческих текстов показали, что это содержание понятия со временем менялось. В VI–IV вв. до н.э. оно трансформировалось от значения общины, коллектива, укрепленного поселения, определенной организованной территории к близкому

³ Lang F. House — community — settlement: the new concept of living in Archaic Greece // British School at Athens Studies. Building communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond, Vol. 15. Athens, 2007. P. 189.

⁴ Заборова Е.Н. Феномен города с точки зрения теории социального пространства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. Вып. 2 (57). С. 188.

⁵ Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб., 2004. С. 180.

современному понятию государства, а в IV в до н.э. ограничивалось понятием «город»⁶.

В периоды архаики и классики этот термин мог означать укрепленное место, город, хору, государство, использоваться как синоним экклесии или демоса и др. По мнению М. Хансена, все эти значения — вариации понятий город и государство⁷. Определение полиса как города-государства используют М. Кийв⁸, Ф. де Ангелис⁹, Т. Хельшер¹⁰ и др. Ближе к этому понимание полиса как города у М. Сакеллариу¹¹. Иной подход состоит в трактовке полиса как гражданской общины (М. Финли, К. Раафлауб, Х. Туманс). В качестве аргумента приводится то, что не все полисы имели городской центр или же они могли включать несколько городов. Кроме того, полисный статус мог отсутствовать у ряда городов¹². При этом историки указывают на условность наименования раннегреческих поселений городами из-за несоответствия ряду критериев. Считается, что поселения эллинов начинают обретать городской облик в конце VIII в до н.э., у большинства же соответствующие признаки появляются в VI в до н.э.¹³.

Вместе с тем, следует отметить, что признаки города — один из дискуссионных вопросов. В их числе называют: плотность населения, размер поселения, монументализацию, наличие общественной архитектуры, оборонительных стен. Знаком урбанистической структуры часто считают функциональное деление пространства на внешнее и внутреннее. Это проявляется в вынесении кладбищ

⁶ Шенко Л.Г. Смысловая нагрузка понятия «полис» в произведениях древних греков // Iseum. Сб. статей, посвященный истории, религии и культуре Древнего мира / Отв. ред. и сост. С.В. Архипова, Л.Л. Селиванова. М., 2012. С. 27–29; Kōiv M. Urbanisation and political community in Early Greece // Alter Orient und Altes Testament. 390 (2). Münster, 2013. С. 151–156.

⁷ Hansen M.H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. New York, 2006. P. 56–61.

⁸ Kōiv M. Op. cit. P. 151.

⁹ Angelis F. Archaic and Classical Greek Sicily: A Social and Economic History. New York, 2016. P. 63.

¹⁰ Hōlscher T. Op. cit. P. 165–166.

¹¹ Сакеллариу М. Упадок и возрождение (1100–700 гг. до н.э.) // История человечества. Т. 2. III тысячелетие до н.э. — VII век до н.э. / Под ред. А.Х. Дани, Ж.-П. Моэн. М., 2003. С.165.

¹² Медовичев А.Е. Полис, демос и демократия в зарубежной историографии конца XX — начала XXI в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2019. С. 6; Hansen H. Op. cit. P. 59; Osborne R. Urban Sprawl: What is Urbanization and Why does it Matter? // Mediterranean Urbanization 800–600 BC. New York, 2005. P. 11.

¹³ Сакеллариу М. Указ соч. С. 167; Туманс Х. О месте города в системе полисных ценностей // Мнемон. Вып. 8. СПб., 2009. С. 22–23.

на окраины поселений, возведении городских фортификаций, разграничении частного и общественного, жилого и производственного пространств¹⁴. Другими словами, ученые ищут признаки упорядочивания пространства. Ф. де Полиньяк считает эти критерии условными, ведь архаические поселения могли состоять из нескольких обособленных частей, и непонятно, что считать их внутренней и внешней границей — общепоселенческую или районную. Также не всегда удается разграничить город и некрополь или город и сельскую местность. Полиньяк акцентирует внимание на создании общественных пространств, отношениях между поселениями и их окрестностями, роли обмена и торговли¹⁵.

Изучение ранних этапов урбанизации затрудняется фрагментарностью свидетельств, что приводит к проблеме методов исследования. В поисках ее решения археологи в 50–60-е годы XX в. стали определять схемы расселения в том числе и по скоплению керамики на местности. Этот метод остается востребованным, но приводит к разночтениям. Проблемы возникают и с интерпретацией некрополей: их относят то к отдельным группам жилищ, то к интегрированному поселению, то к различным социальным группам¹⁶.

В зарубежной науке можно выделить три основных подхода к теме взаимосвязи урбанизации и политогенеза: одни исследователи считают, что развитие гражданских (политических) общин предшествовало городам (И. Моррис, Э. Греко)¹⁷, другие выступают за взаимовлияние и синхронность данных процессов (М. Хансен, Р. Фицсаймонс, Т. Хёльшер, Ф. Лэнг)¹⁸, третьи не видят между ними решающей взаимосвязи (М. Кыйв, Р. Осборн, Л. Доннеллан)¹⁹. М. Кыйв по материалам раннего железного века приходит к выводу, что в ряде случаев политическое сообщество сформировалось

¹⁴ *Sardo P.L.* Verso il canone della Polis // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane. Roma, 1999; *Hölscher T.* Op. cit. P. 166.

¹⁵ *Polignac F.* Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // Mediterranean Urbanization 800–600 BC. New York, 2005. P. 48, 54.

¹⁶ *Donnellan L.* Modeling the Rise of the City: Early Urban Networks in Southern Italy // Frontiers in Digital Humanities Vol. 6. 2019. P. 2.

¹⁷ *Morris I.* The growth of Greek cities in the first millennium BC // Urbanism in the preindustrial world: cross-cultural approaches / Ed. by G.R. Storey. Tuscaloosa, 2006. P. 27–52; *Greco E.* Introduzione // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane. Roma, 1999. P. VII–XV, 162–163.

¹⁸ *Hansen M.H.* Op. cit. P. 100; *Fitzsimons R.* Urbanization and the Emergence of the Greek Polis: The Case of Azoria // Making Ancient Cities: Studies of the Production of Space in Early Urban Environments, Cambridge, 2014. P. 220, 243. *Hölscher T.* Op. cit. P. 165; *Lang F.* Op. cit. P. 191.

¹⁹ *Köiv M.* Op. cit. P. 176; *Osborne R.* Op. cit. P. 2, 11; *Donnellan L.* Op. cit. P. 3.

раньше города, например, в Афинах, Аргосе, Коринфе, что говорит о незначительной роли урбанизации в греческом политогенезе²⁰. В числе признаков политических сообществ он, как и ряд других исследователей, приводит архитектурные данные о возведении храмов, святилищ, городских стен и пространственные — о появлении общепоселенческих некрополей²¹.

Р. Фицсаймонс в статье о поселениях Восточного Крита того же периода пришел к выводу, что городской ландшафт являлся эффективным средством создания, укрепления и визуализации новых социальных, политических, экономических отношений. Архитектура не только запечатлела социально-политические изменения, она выступала активным агентом при создании полиса²². Т. Хёльшер, рассматривая поселенческие структуры от архаики до эллинизма, пишет, что «гражданская жизнь формировала городское пространство, а городское пространство формировало гражданскую жизнь»²³.

Согласно Р. Осборну, «формирование городских сообществ не нуждается в “государстве” и не создает его»²⁴. Развитие городов он связывает с эффективной системой управления, при которой наиболее полно реализовывались социальные, экономические и политические возможности населения. Ученый убежден, что в Греции раннего железного века были альтернативы городской форме, но в начале VIII в. до н.э. стали доминировать относительно компактные, густонаселенные поселения — эта модель дала развитие городам²⁵.

Неоднозначность решения данной проблемы — взаимосвязи урбанизации и политогенеза — приводит к необходимости конкретизировать процесс возникновения собственно города.

(2) В зарубежной науке рассматриваются **два пути появления городов**: образование из nucleated settlement — ядрообразующих поселений (Флиунт) — или объединение нескольких близко расположенных жилых кластеров (Афины, Аргос, Коринф)²⁶. Например, в районе Азории в конце VII в. до н.э. структура расселения резко изменилась: небольшие поселения раннего железного века были частично или полностью оставлены жителями, которые переселились в городской центр. По мнению Р. Фицсаймонс, такие преобразования

²⁰ *Kōiv M.* Op. cit. P. 164.

²¹ *Kōiv M.* Op. cit. P. 159–161; *Hölscher T.* Op. cit. P. 166.

²² *Fitzsimons R.* Op. cit. P. 220–221.

²³ *Hölscher T.* Op. cit. P. 165.

²⁴ *Osborne R.* Op. cit. P. 2.

²⁵ *Ibid.* P. 9–11, 13.

²⁶ *Lang C.* Op. cit. P. 190.

отражают переход от родового общества к обществу новой социально-экономической организации с развитой торговлей, интеграцией города и сельской округи и пр.²⁷

Пространственное развитие городов на ранних этапах шло через постепенный рост за пределами ядра компактного поселения; по модели города, который малонаселен, но с самого начала занимает всю городскую территорию и имеет четко определенный центр — место классической агоры; существование одновременно нескольких районов со своими центрами.

В Фасосе VII в до н.э. было два таких района. Ф. де Полиньяк предположил, что в этом случае разные по происхождению и статусу группы, проживавшие в колонии, не сразу образовали «единый, однородный корпоративный социальный и гражданский орган»²⁸. Л. Доннеллан полагал, что незначительное расстояние между поселениями еще до их объединения и централизации предполагало существование договоренности об использовании пространства. Таким образом, на ранних этапах урбанизации возникает потребность в управленческом потенциале власти²⁹.

Сложноорганизованные сообщества структурировали свои территории в зависимости от особенностей социально-политического развития. Ф. Лэнг обобщила информацию об этом процессе. Согласно ее исследованию, в X–VIII вв. до н.э. общины из нескольких семейных групп, возможно, возглавляемые лидером, образовывали небольшие разрозненные поселения без общественного центра и четкой структуры, с рассредоточенными или агломерированными домами. С конца VIII в. до н.э., в связи с изменением форм брака и распадом большой семьи, увеличились плотность населения и размеры поселений. В это время образуются общие для нескольких поселений некрополи — мир живых отделяется от мира мертвых. В VII в. до н.э. возникли более структурированные поселения со стремящейся к прямолинейности планировкой и четким делением на функциональные зоны (одно из первых — Врулия на Родосе). В уже существующих поселениях эти принципы применялись при новом строительстве, во многих колониях — изначально. Такие территориальные трансформации произошли со становлением институтов власти, ее перераспределением, усилением социальной дифференциации³⁰.

²⁷ *Fitzsimons R.* Op. cit. P. 220, 231.

²⁸ *Polignac F.* Op. cit. P. 58.

²⁹ *Donnellan L.* Op. cit. P. 2.

³⁰ *Lang F.* Op. cit. P. 183–185.

Городское планирование позволяло более рационально использовать пространство при растущем числе жителей, разграничить и структурировать сообщество³¹. Исследование Н. Кэхилла зафиксировало подобные идеи в трудах Гипподама, Платона и Аристотеля об идеальном полисе. Античные авторы напрямую связывали физическую структуру городского центра с социальной и политической организацией. Предложенные ими идеи устройства поселений направлены на недопущение конфликтов на этнической почве или между жителями с разным достатком³².

(3) Одним из наиболее обсуждаемых в науке элементов античного градостроительства являются **общественные постройки и пространства** (храмы, некрополи, агора и др.). Их трактуют как один из признаков зарождения города и гражданской общины³³. В период раннего железного века к таким объектам относят культовые места. Храмы и святилища — единственные идентифицированные общественные строения того времени. С конца архаического и в последующие периоды главным, но не единственным общественным полифункциональным пространством стала агора — место общественных собраний, центр обмена и торговли³⁴. Только в нескольких ранних городах обнаружены экклесиастерии — места народных собраний³⁵. Ф. де Полиньяк отмечает, что в некоторых раннеархаических городах могло быть несколько таких пространств, и не всегда возможно определить, которое из них являлось главным и единственным гражданским центром³⁶. Такое предположение связано с плохой археологической видимостью подобных мест в указанный период.

Со временем функции агоры перераспределялись на новую площадь или воплощались в новых типах строений (театр, бульваров, гимназий, ипподром и пр.)³⁷. Это отражало и способствовало дальнейшему обособлению различных сфер жизни: религии, политики, экономики, культуры, спорта, образования³⁸.

Дискуссионным остается вопрос о том, когда и как именно менялись функции агоры. Одни исследователи считают, что в период

³¹ Lang F. Op. cit. P. 192; Angelis F. Op. cit. P. 85.

³² Cahill N. Household and City Organization at Olynthus. New Haven, 2002. P. 7.

³³ Hölscher T. Op. cit. P. 165, 168.

³⁴ Андреев Ю.В. Указ. соч., С. 159, 193–194.

³⁵ Hansen M. H. Op. cit. P. 103.

³⁶ Polignac F. Op. cit. P. 55.

³⁷ Dickenson C.P. Chapter Two. Kings, cities and marketplaces — negotiating power through public space in the Hellenistic world // Public Space in the Post-Classical City / Eds C.P. Dickenson and O.M. van Nijf. Leuven, 2013.

³⁸ Hölscher T. Op. cit. P. 165; Lang F. Op. cit. P. 190–191.

эллинизма она перестала выполнять функции рынка, другие — что еще с классического периода предназначалась исключительно для торговли, а общественные собрания и политическая жизнь переместились в другие места³⁹. Подробно эти изменения в VIII–I в. до н.э. проследил Т. Хёльшер. Согласно его исследованию, архаическая агора предназначалась для общественных собраний и отправления культа главного божества. Также там могли проходить спортивные игры, торговля и другие общественные мероприятия. С развитием демократии в классический период возросла политическая функция агоры, что отразилось в новых постройках и памятниках. В позднеклассические и эллинистические времена агора всё больше становилась местом коллективной памяти и идентичности. Это была, в первую очередь, светская зона гражданских отношений и торговли⁴⁰.

Э. Греко и М. Осанна разработали версию о сосуществовании в Афинах нескольких агор, каждая из которых была связана с группой доминирующих семей, их политическими практиками и культами, которым они покровительствовали. Исследователи приходят к выводу, что организация афинского городского пространства вплоть до V в. до н.э. была ближе к республиканскому Риму, чем к канону идеального греческого города⁴¹.

Значение агоры в эллинистический период исследовал К. Диккенсон. Ее архитектурное оформление разграничивало или же объединяло людей. Например, на агору Пеллы можно было попасть через два входа, у одного из них были небольшие комнаты, которые ученые интерпретировали как караульные помещения для проверки товаров у торговцев. Контроль входа, как считает К. Диккенсон, вызывает разногласия в обществе, разделяя людей на две группы — контролеры и контролируемые. Ограничение доступа почти всегда является политическим вопросом⁴².

Агора становится средством визуализации и укрепления власти: забота о ее обустройстве подчеркивала статус правителей. Они часто финансировали строительство стои, ожидая взамен лояльность полиса. Политический подтекст подобных благодеяний подтверждает то, что полисы не всегда принимали их. Эфес отклонил предложение Александра восстановить храм Артемиды, так как он хотел зафиксировать на здании свое имя⁴³. Агора и дворец правите-

³⁹ Dickenson Op. cit. P. 3; Hansen M.H. Op. cit. P. 103–104.

⁴⁰ Hölscher T. Op. cit. P. 168–178.

⁴¹ Greco E., Osanna M. *Atene // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma, 1999. P. 170–175.

⁴² Dickenson C.P. Op. cit. P. 10.

⁴³ Ibid. P. 15–20.

ля часто находились рядом. С одной стороны, такое соседство наглядно демонстрировало реальность власти правителя для горожан, с другой — было уступкой народу, ведь подразумевало определенное равенство между этими объектами⁴⁴.

(4) Другим важным элементом планирования выступало **функциональное зонирование территории**. Оно происходило уже при основании поселения, о чем, в частности, свидетельствует постройка городских стен на заранее отведенных местах, расположение некрополей за будущими стенами и т.д.⁴⁵

Первопоселенцы также определяли участки жилой застройки, религиозных и общественных мест, производственных зон⁴⁶. Следуя этим выводам, Г. Цухтригель предположил, что отсутствие в Гераклее (колонии на юге Италии, основанной во второй половине V в. до н.э.) отдельного ремесленного квартала и появление в середине IV в. до н.э. рассредоточенных по поселению гончарных мастерских свидетельствует, что некоторые колонисты, которые изначально были земледельцами, отказались от сельского хозяйства и освоили ремесла⁴⁷.

(5) Среди ученых распространено разделение городов по принципу **ортогонального устройства** — на спланированные и сложившиеся ситуативно или с беспорядочной застройкой. М. Смит указывает на упрощенность такого подхода. Он считает, что можно установить степень планировки по ряду критериев, в их числе: координация зданий между собой, их соотношение с ландшафтом, стандартизация городских архитектурных форм и др. Автор изучает древние города через теорию взаимовлияния архитектуры, окружающей среды и культуры польского архитектора А. Рапорта. С ее помощью можно установить, каким космологическим идеям следовали зодчие, как архитектура отражает идентичность, статус и власть, влияние искусственной среды на поведение человека⁴⁸.

Регулярная планировочная система считается наиболее информативной для исторических реконструкций. Наилучшие условия для ее развития ученые видят в колониях, где «недавно заселенные районы представляли собой идеальную местность для экспериментов»⁴⁹.

⁴⁴ Ibid. P. 11–12.

⁴⁵ *Angelis F.* Op. cit. P. 76, 99.

⁴⁶ *Lang F.* Op. cit. P. 98; *Angelis F.* Op. cit. P. 83–85, 89, 92.

⁴⁷ *Zuchtriegel G.* Colonisation and hybridity in Herakleia and its hinterland (southern Italy), 5th–3rd centuries BC // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité.* 128–1. 2016. P. 11.

⁴⁸ *Smith M.E.* Form and Meaning in the Earliest Cities: A New Approach to Ancient Urban Planning // *Journal of planning history.* 2007. 6 (1). P. 34–36.

⁴⁹ *Sardo P. L.* Verso il canone della Polis // *La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane.* Roma, 1999. P. 84–85.

Новые территории обустроивались в соответствии с идеями эгалитарного общества⁵⁰. Одни из самых ранних примеров регулярного плана обнаружены в Метапонте, Мегарах Гиблейских, Смирне. Система начала формироваться в VIII–VII в. до н.э., наиболее полно воплотилась в классический период в гипподамовом плане, при котором улицы пересекаются под прямым углом, образуя равные по площади кварталы. Исследователи отмечают, что такая планировка свидетельствует о высоком уровне организации общества и достаточно сильной власти, стремившейся регулировать жизнь населения. Значительную роль в централизации и обустройстве городов сыграли тираны за счет успехов в аккумуляции сил для крупных строительных проектов⁵¹. Однако крупное строительство шло и при демократических режимах, свой вклад вносила также аристократия⁵². Д. Скотт отметил, что связь между сильным государством и равномерно распределенным городом очевидна. Но отсутствие ортогонального плана не исключало жесткого политического контроля⁵³.

Одной из основных проблем исторических реконструкций на основе территориального планирования выступает несовпадение географического, социального и ритуального пространств. Например, в сакральном пространстве высокое и низкое, правое и левое, восток и запад имеют свои значения, тогда как в геометрическом пространстве эти же отношения определяются только симметрией, обратимостью и расстоянием. Это означает, что нельзя понять социальные процессы исключительно через геометрию пространств⁵⁴.

Дискуссионным остается вопрос о перспективе планирования поселения, т.е. как и когда осуществлялось планирование, в какой мере территория города была спланирована наперед с момента зарождения, а в какой мере она складывалась ситуативно — по ходу освоения. Воля человека или природная среда были решающим фактором в структурировании поселений?⁵⁵ Ф. Лэнг считает, что планировочные решения были сознательным выбором общества, так как в один исторический период при схожем ландшафте устрой-

⁵⁰ Hölscher T. Op. cit. P. 167.

⁵¹ Lang F. Op. cit. P. 190; Greco E. Introduzione // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane. Roma, 1999. P. 165.

⁵² Angelis F. Op. cit. P. 133; Hölscher T. Op. cit. P. 175.

⁵³ Smith M.E. Op. cit. P. 21.

⁵⁴ Sardo P. L. Op. cit. P. 86.

⁵⁵ Ibid. P. 87; Макарова Е.Е. Метапонт — классический образец урбанистической организации полиса // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ч. II. Ярославль, 2010. С. 9.

ство греческих поселений различно. В Эмпорио дома возведены на расстоянии друг от друга, хотя топография позволяла строить их агломерациями. Рельеф Загоры позволял строить отдельно стоящие дома, но они были агломерированы⁵⁶. Эти примеры показывают вторичность природного фактора. Э. Греко отмечает, что городское планирование было частью полисного, поэтому его нужно рассматривать в совокупности с устройством хоры⁵⁷.

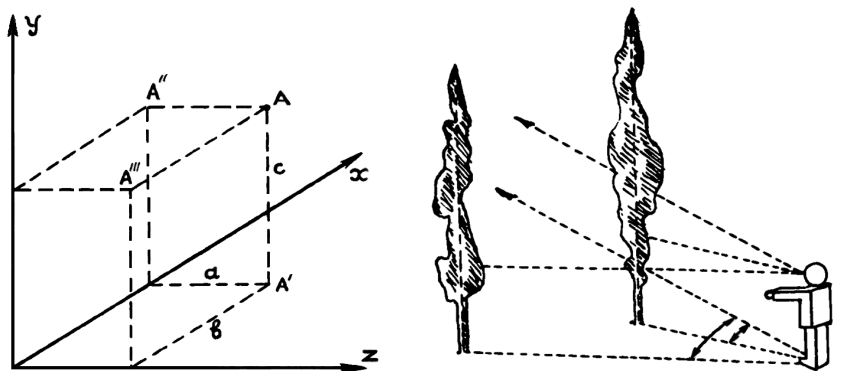

Рис. 1. Декартова и полярная система координат

Ключем к пониманию планировочной структуры могут стать **древние методы планирования и метрические системы**. По мнению известного греческого архитектора К. Доксиадиса, они были общими для греческого мира. Этот тезис он пытался доказать еще в 1930-е гг. Доксиадис изучил планировку общественных и сакральных мест Греции VII–I вв. до н.э. через призму полярной системы координат. В ней каждая точка на плоскости определяется двумя числами — полярным углом и полярным радиусом (в современном градостроительстве применяется прямоугольная или декартова система координат) (рис. 1). Античные зодчие планировали такие места с одной точки обзора — главного входа, который часто подчеркивался пропилонем. По наблюдениям Доксиадиса, вошедший человек видел важные здания целиком или не видел вовсе, но никогда они не были видны частично; один из углов перспективы был без зданий с видом на окружающую местность, указывая «священный путь», по которому должен следовать человек, при приближении к сакральному месту; обычно этот угол был ориентирован на восток или на запад; здания располагались в единой композиции с окружа-

⁵⁶ Lang F. Op. cit. P. 189.

⁵⁷ Greco E. Op. cit. P. XI–XIII.

ющим ландшафтом. Древние зодчие проводили свои исчисления с помощью двенадцатиричной и десятичной систем (рис. 2, 3). Первая была более характерна при проектировке зданий дорического стиля, вторая — ионического⁵⁸.

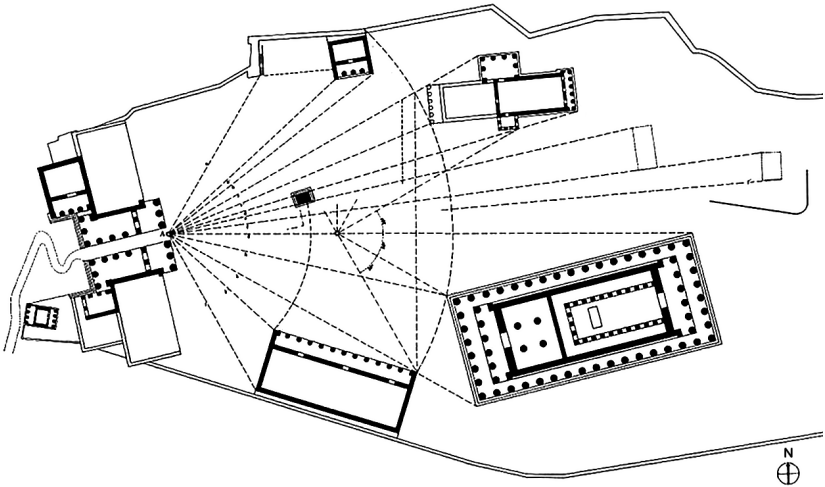

Рис. 2. Планировка афинского акрополя после 450 г. до н.э.

Рис. 3. Воссоздание вида, который открывался от входа на акрополь через пропилеи (по Доксиадису, 1964)

П. Сардо выделил пять ключевых вех городского планирования с конца VIII до второй половины V в. до н.э., которые отражают развитие античных знаний о круге, пропорциях и симметрии. От

⁵⁸ Doxiadis C.A. Architectural Space in Ancient Greece. Cambridge; London, 1972. P. 3, 5-6.

первых системных планов города в Мегарах Гиблейских до устройства афинской колонии Фурии на основе строгого канона, поиска симметрии и пропорциональной связи отдельных частей с целым (табл. 1). Также прослеживается связь планировки с изменениями восприятия пространства⁵⁹.

Таблица 1

Основные нововведения в городском планировании греческих городов с VIII до V в. до н.э. (по П. Сардо, 1999)

Поселение, время	Знания, умения	Пространство и общество	Особенности планировки
Мегары Гиблейские , конец VIII в. до н.э.	понятия однородного пространства, параллельных осей, шкалы измерения	неоднородность сакрального и городского пространств	для жителей отведены примерно равные участки, четко определено пространство агоры
Метапонт , середина VI в. до н.э.	выраженная способность к абстракции	стремление к однородности сакрального и городского пространств	ортогональный план с широкими улицами, ограничивающими агору; деление на кварталы; ориентация храмов по городским осям
Пестум , конец VI в. до н.э.	понятие центра	разграничение политического и священного пространств	три общественных пространства: святилища на юге и севере города, агора между ними
Афины , VI–V в. до н.э.	понятие центра и круга	перенос центра полиса с религиозного в географический, где был общественный и политический центр	к середине VI в. до н.э. центр Афин сместился от акрополя к агоре Керамика; ранее город был организован по логике сакрального, после — геометрического пространства
Фурии , 444 г. до н.э.	теория пропорций, связанная с квадратурой круга, симметрия	формирование в музыке, скульптуре, архитектуре греческого канона в середине V в. до н.э.	примерно квадратная форма города, прямоугольные городские кварталы, образованные городскими осями

⁵⁹ Sardo P.L. Op. cit. P. 85–95.

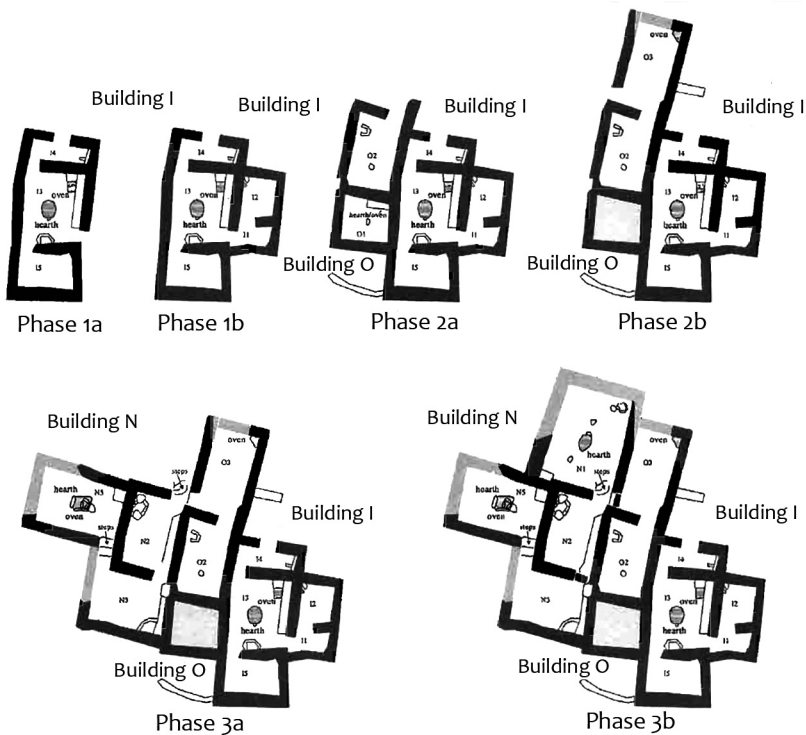

Рис 4. Здание I–O–N во Вронде (XII–XI вв. до н.э.)

Пространственное планирование реализовывалось на различных уровнях: полисом (полисный центр и хора), поселенческом (город, деревня, усадьба), домашнем (Ф. Лэнг, Э. Греко, Р. Фицсаймонс). **Планировка домов традиционно выступает источником по истории семьи.** Р. Фицсаймонс пишет, что, судя по доархаическим жилищам, основой критского общества была *aikas*, состоящая из нескольких родственных нуклеарных семей, включавших не менее трех поколений родственников и других домочадцев. Например, дом I–O–N в поселении Вронда включал дюжину комнат, которые пристраивались к первоначальному помещению на протяжении нескольких поколений (рис. 4). Распределение очагов и стандартных наборов артефактов указывают на наличие нескольких жилых единиц, каждую из которых занимала отдельная семья. В архаическом поселении Азория дома не расширялись на протяжении жизни 5–6 поколений (рис. 5). Кроме того, дома там располагались более разрозненно, а не семейными кластерами, как во Вронде, что

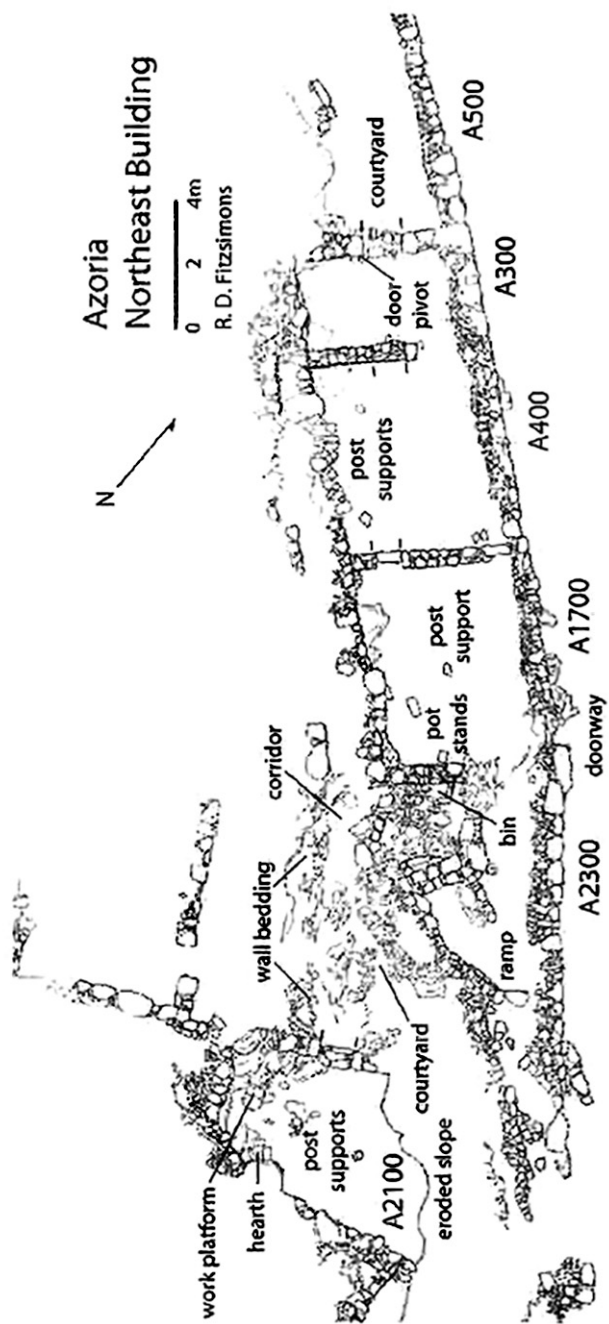

Рис 5. Дом в Азории (конец VII — начало VI вв. до н.э.)

может свидетельствовать о более независимом положении семьи. По заключению автора, «то, что произошло с урбанизацией ландшафта в VII и VI вв. до н.э., было не столько изменением внутренней природы отдельной семьи, сколько изменением ее положения в социально–политической ткани общества в новой городской среде». В новом обществе ведущими были факторы власти и престижа, а не родственные отношения.

С архаического периода дом стал одним из показателей благосостояния и статуса семьи. Если во Вронде XII–XI вв. практиковалась семейные трапезы, то в жилищах Азории VII–VI вв. до н.э. акцент сделан на главном зале, где устраивались общественные обеды (совместные трапезы, сисситии, пиршества), которые были способом участия в общинной жизни⁶⁰.

Исследование архаических поселений Сицилии привело Ф. Ангелиса к выводу о том, что близкое расположение домов не является убедительным доказательством родственных взаимосвязей. Он отмечает существование как расширенной семьи, так и более сложных родственных групп. Речь идет о кланах, патриях и союзах семейных групп. Он прослеживает это по родовым культам, архитектурными маркерами которых служат круговые платформы, обнаруженные в жилых кварталах Мегар Гиблейских и Селинунта и интерпретированные как ритуальные зоны для нескольких домохозяйств, а также небольшой храм в первом из названных полисов, расположенный в жилом районе⁶¹.

Появление в VIII в. до н.э. новых типов жилых домов с группировкой помещений по периметру вокруг двора автономными, не проходными комнатами, более четким функциональным делением, а также новыми пространствами для коммуникации (рис. 6), по мнению Ф. Лэнг, свидетельствует об изменении структуры родства⁶². Кроме того, жизнь семьи стала более приватной за счет появления внутреннего двора. Ведь если раньше люди занимались домашними делами на улице, то теперь семейное пространство было ограждено от посторонних. Это отразилось и на городском пейзаже — выделяется общественное и частное пространства, что, по мнению исследователя, отражает «новую идеологию замкнутой семьи, а также общества, открытого только для меньшинства»⁶³. Подобная тенденция прослеживаются и на Сицилии, где пастадные дома появляются

⁶⁰ *Fitzsimons R.* Op. cit. P. 229–232.

⁶¹ *Angelis F.* Op. cit. P. 137–140.

⁶² *Lang F.* Op. cit. P. 188.

⁶³ *Ibid.* P. 191.

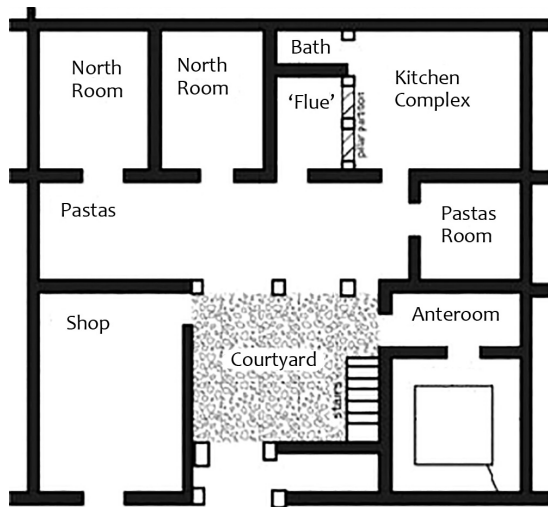

Рис. 6. Тип дома “pastas house” (пастадный дом), план дома в Олинфе V–IV вв. до н.э.

в VII–VI вв. до н.э. За постройкой наиболее выдающихся по убранству домов этого типа стояла элита, что говорит о социальной дифференциации общества⁶⁴.

На принадлежность хозяев к различным социальным группам может указывать не только тип дома, но и его размер. Например, в сицилийской колонии Гимеры, которая топографически была разделена на две части, в верхнем городе отведенные под застройку жилья участки были больше, чем в нижнем городе, иногда вдвое. По предположению Ф. Ангелиса, верхний город был местом жительства элиты, нижний — торговцев и мелких фермеров⁶⁵.

(6) К археологии поселений обращаются и как источнику по **демографии**⁶⁶. Это направление получило развитие в 80–90-е гг. XX в. на фоне выводов ученых о том, что некрополи, которые ранее считались приоритетным источником для оценки народонаселения, не достоверно отражают его численность⁶⁷. Фундаментальные исследования античной демографии провели И. Моррис и М.Г. Хансен. Моррис определил три точки роста греческих городов: конец VIII в., V в.,

⁶⁴ Lang F. Op. cit. P. 87–88.

⁶⁵ Angelis F. Op. cit. P. 86.

⁶⁶ Nevett L. et al. Constructing the Urban Profile of an Ancient Greek City: Evidence from the Olynthos Project // The Annual of the British School at Athens. Vol. 115. 2020. P. 350–355.

⁶⁷ Morris I. Op. cit. P. 36–37.

конец IV–III вв. до н.э. В это время число жителей городов выросло примерно от тысячи человек в начале тысячелетия до полумиллиона в некоторых из них в конце. Однако типичный греческий город был немногочисленным. Например, в классический период города насчитывали всего 1–2 тыс. жителей, а их площадь составляла несколько сотен квадратных метров. Главным фактором роста городов автор определяет способность власти контролировать и коммуницировать материальные и человеческие ресурсы⁶⁸.

Наряду с письменными источниками И. Моррис привлек данные о площади поселений, материалы некрополей и домостроительства. Из-за плохой сохранности жилья для ранних периодов учитывались также зоны распределения керамики поселенческого типа, колодцы. Среди проблем, с которыми столкнулся исследователь, стала невозможность зачастую точно установить границы поселений, несоответствие письменных источников историческим реалиям, разрушение ранних слоев более поздней застройкой, низкая археологическая видимость детских и подростковых погребений до VIII в. до н.э., что объясняется неравным доступом отдельных групп населения к формальным кладбищам. И. Моррис характеризует оценку населения древних городов как «непроверяемые расчеты, позволяющие охватить всё население, но, по крайней мере, установить порядок величины»⁶⁹.

М. Хансен пришел к выводу, что в IV в. до н.э. более 80 % городов имели население более 1 тыс. человек, а по меньшей мере 10 % насчитывали более 10 тыс. жителей каждый. Общее число жителей исследованных им греческих поселений во второй половине IV в. до н.э. достигало порядка 7 млн. Оценка численности и плотности населения основывалась на данных о заселенной территории греческих поселений. Источниковедческая база включила более 1 тыс. поселений от архаики до эллинизма. Более точные и обоснованные данные получены для городов с ортогональной планировкой, где прослежены кварталы с определенным количеством домов. В своих вычислениях М. Хансен руководствовался численностью греческого домохозяйства (ойкоса) в 5–6 человек⁷⁰.

Исследователь также выявил закономерность расселения людей в пределах города и на хоре. Для классического периода степень урбанизации была обратно пропорциональна размеру полиса: чем меньше полис, тем больше людей жили в городе, а чем больше полис,

⁶⁸ *Morris I.* Op. cit. P. 27, 41.

⁶⁹ *Ibid.* P. 34, 40.

⁷⁰ *Hansen M. H.* Op. cit. P. 80–55, 75.

тем больше его жителей жили на хоре. В период эллинизма деревни стали более обычным явлением. Согласно его выводам, городское население составляло около 2/3 от общего числа жителей в малых полисах, площадь которых не превышала 200 км², половина — в средних, площадью 200–500 км², одна треть — в больших полисах, более 500 км² по площади⁷¹.

Среди основных трудностей Хансен назвал невозможность в ряде случаев определить границы города, ведь обнаруженные стены часто окружали только акрополь, а не всю городскую территорию, а там, где они опоясывали весь город, территория внутри могла быть заселена лишь частично.

В зарубежной науке большое внимание уделяется демографии и урбанизации как индикаторам роста экономики либо ее ведущих факторов⁷².

Вопросы экономики античного города современные историки продолжают рассматривать сквозь призму социологической теории М. Вебера, разработанной в первой четверти XX в. В труде «Город» ученый дал определение данному явлению, описал его признаки. В социо-экономическом измерении город — это поселение, где жители покупают большинство необходимых им товаров на местном рынке; на рынке представлена продукция, преимущественно произведенная местным населением; *основная часть жителей* занята в сфере ремесла и торговли, а не в сельском хозяйстве; развит регулярный товарообмен, обеспечивающий горожанам значительную часть доходов. В работе выделены различные типы города, среди них — потребитель, производитель, торговый город, город сельскохозяйственного типа, которые различаются по характеру производства и распределения прибыли⁷³.

Часть антиковедов полагает, что греческие города относились к первому типу (А. Зёдерхук, Ф. Ангелис, И. Моррис). Г. Хансен отмечает, что отличия города-потребителя от производителя Вебер перенял от В. Зомбарта, который применил свою модель к городам средневековья и современности. Он считает, что типичный полис не был городом-потребителем. По мнению К. Влассопулоса, дискуссия о полисе как городе-потребителе — следствие старого курса, целью которого было проследить становление капитализма.

⁷¹ Hansen M. H. Op. cit. P. 71, 80.

⁷² Гаврилюк Н.А. К истории экономики Ольвии — историография проблемы // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 1 (14). С. 400.

⁷³ Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем.; под ред. И. Гревса; комм. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М., 2001. С. 335–341.

Поэтому изучение античности с помощью концепции Вебера несостоятельно. Влассопулос предлагает изучать экономику полиса через взаимодействие города с хорой⁷⁴.

Выводы

Современные исследователи продолжают историографическую традицию прошлых десятилетий в тематике и методологии исследований. Они обращаются к уже сформировавшимся в XX в. концепциям: типологии городов М. Вебера (первая четверть XX в.), теории искусственной среды А. Рапопорта (1980-е гг.), модели роста городов Р. Флетчера, основанной на расчете пределов взаимодействия и коммуникации населения (1990-е гг.) и др.

Переосмысление взаимосвязи урбанизации и политогенеза началось в 1970-е гг., когда М. Финли обратил внимание на то, что многие полисы не отвечают критериям города. До этого существование городского центра обычно рассматривалось как признак полиса, а формирование полиса считалось неотделимым от возникновения городов в Греции⁷⁵. Основное противоречие этого исследовательского направления состоит в определении материальных признаков города и полиса. Часть исследователей разделяет критерии полиса и города, что приводит к выводам о слабой взаимосвязи урбанизации и политогенеза или ее отсутствию.

Другие признают в этом качестве одни и те же свидетельства: появление городских стен, святилищ и храмов, зонирование территории, и заявляют о синхронности и взаимовлиянии развития городов и греческого политогенеза. По сути, указанные археологические данные говорят о наличии некой организующей силы, ее характер по-разному интерпретируется учеными.

Спорным остается содержание термина «урбанизация». В материальном смысле урбанизация преимущественно трактуется как процесс концентрации населения, вызванный необходимостью защиты, развитием обмена, торговли и другими факторами. Отмечается существование различных уровней урбанизации. Неоднозначно решается вопрос о ее начале. Иногда его относят к XI–X, VIII или VI в. до н.э.⁷⁶ Учитывая существующие точки зрения, город можно определить как форму организации людей на архитектурно упорядоченной территории с выраженной полифункциональной деятельностью.

⁷⁴ *Vlassopoulos K. Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism. Cambridge; New York, 2007. P. 123–124.*

⁷⁵ *Κόϊν Μ. Op. cit. P. 152.*

⁷⁶ *Donnellan L. Op. cit. P. 2.*

Всё же проблемой для историков остается выбор «исследовательского фокуса»: поиск универсальных признаков города и полиса сводит их к абстракции, при которой они лишаются конкретных черт. В этой ситуации исследователи пытаются выделить различные типы данных феноменов или дать их хронологически-региональную градацию.

Еще одной проблемой и в то же время возможностью для исторических реконструкций является историческая многослойность архитектурно-пространственных данных. Эта особенность отмечена Ю.М. Лотманом. Городская среда формировалась под влиянием социально-политического устройства, экономических и научных-технических возможностей, особенностей мировоззрения. В основном, это были опосредованные факторы влияния. Заслуживают внимания такие условия формирования города, как бытовой «здоровый смысл» и ландшафтно-климатические данные. Городская среда — это гетерогенная система, которая в представлении людей того времени функционировала как нечто единое⁷⁷.

Экономика античного города преимущественно рассматривается через модель Вебера. Активная дискуссия по этому поводу началась только в конце 70-х — 80-е годы XX в. Сейчас полемика продолжается, представлены полярные точки зрения: ряд историков видят соответствие античных городов веберовским типам, другие считают, что данная модель не применима или не вполне применима к периоду античности.

Современные антиковеды сделали ряд обобщений и выводов, которые приумножают знания об отдельных регионах или периодах истории и теоретизации истории. У. Талер предложил совместить подходы А. Рапопорта и идеи С. Брэнда для пространственного анализа дворцовой архитектуры Пилоса. М. Смит вывел систему оценки степени планирования древних городов, в которой ортогональность является одним из многих критериев. Такой подход меняет оценку усилий по пространственному обустройству древних поселений. Исследования И. Морриса и М. Хансена не только внесли вклад в исследования демографии Эллады, но представляют интерес с точки зрения методики оценки площади поселений, установления их границ, подсчета количества жителей. К. Влассопулос дал классификацию полисов по характеру взаимоотношения центра и подчиненных районов с точки зрения экономических отношений, использования социальных и материальных ресурсов.

⁷⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 296–297.

Рассмотренные исследования отличает междисциплинарный подход, они выходят за пределы исторического и археологического анализа. В них также используются методы географии, архитектуры, социологии и других наук (например, работы И. Морриса, М. Смита, У. Талера и др.). При этом исследователи нередко пытаются адаптировать к античности методы и подходы, применяемые к исследованию современных городов (например, Л. Доннеллан — модель социальных сетей, разработанную для южных штатов США).

Особый интерес в этом плане представляет работа К. Доксиадиса, который представил взгляд архитектора на древнегреческое градостроительство. Кроме основных принципов планирования, он попытался найти взаимосвязь градостроительства с античным естествознанием, религиозными взглядами. Его опыт визуализации перекликается с современными попытками воссоздать облик древних городов с помощью GIS-программирования (программы позволяют работать с наборами пространственной информации на компьютере).

Таким образом, в зарубежном антиковедении последних двух десятилетий сформировалось отношение к городскому пространству как самостоятельному объекту исследования. Методологический инструментарий достаточно широк — от методов атрибуции памятников, топографии и картографирования, пространственного анализа до расчетов численности жителей древних поселений. Город выступает определяющим фоном и фактором существования человека. Организованное пространство детерминировало происходящие в городе процессы, образ жизни и поведение людей. Оно многомерно, иерархично, по-разному воплощается на уровне домов, монументальных строений, общественных мест, поселений и регионов. Рассмотренные работы демонстрируют высокий информационный потенциал пространственного подхода к городу. Архитектурно-пространственные данные — достаточно емкий источник для исторических реконструкций.

Наиболее активно изучаются ранние этапы урбанизации, пути появления городов, механизмы и закономерности их структурирования в период классики и эллинизма, роль архитектуры в визуализации власти. Кроме того, достаточно продуктивными оказались результаты исследования семьи и демографии в древнем обществе.

References

- Andreev Yu.V. *Gomerovskoye obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI–VIII vv. do n.e.* [Homeric Society. Main Trends in the Socio-Economic and Political Development of Greece from the 11th to the 8th Centuries B.C.]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004. 496 p.
- Angelis F. *Archaic and Classical Greek Sicily: A Social and Economic History*. New York: Oxford University Press, 2016. 437 p.
- Cahill N. *Household and City Organization at Olynthus*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2002. 400 p.
- Dickenson C.P. *Chapter Two. Kings, Cities and Marketplaces — Negotiating Power through Public Space in the Hellenistic World // Public Space in the Post-Classical City*. Proceedings of a One Day Colloquium Held at Fransum, 23rd July 2007 / Eds. C.P. Dickenson and O.M. van Nijf. Leuven: Peeters, 2013. P. 37–75.
- Donnellan L. *Modeling the Rise of the City: Early Urban Networks in Southern Italy // Frontiers in Digital Humanities*. 2019. Vol. 6. P. 1–19.
- Doxiadis C.A. *Architect and Urban Planner // Ekistics*. 1964. November. Vol. 18. N 108. P. 346–364.
- Doxiadis C.A. *Architectural Space in Ancient Greece*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press, 1972. 184 p.
- Driessen J. *Patterns of Urban Societies // Alter Orient und Altes Testament*. Band 390 (2). Münster: Ugarit-Verlag, 2013. P. XI–XII.
- Fenomen polisa v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii: referativnyy sbornik* [The Phenomenon of the Polis in Modern Foreign Historiography: An Abstract Collection] / Ed. by A.E. Medovichev. Moscow: INION RAN, 2011. 152 p.
- Fitzsimons R. *Urbanization and the Emergence of the Greek Polis: The Case of Azoria // Making Ancient Cities: Studies of the Production of Space in Early Urban Environments*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 288–338.
- Gavrilyuk N.A. *K istorii ekonomiki Ol'vii — istoriografiya problemy* [On the History of the Economy of Olbia. Historiography] // *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny*. 2015. Issue 1 (14). P. 394–413.
- Greco E. *Introduzione // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma: Donzelli Editore, 1999. P. VII–XV.
- Greco E., Osanna M. *Atene // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma: Donzelli Editore, 1999. P. 161–183.
- Hansen H. *Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. New York: Oxford University Press, 2006. 246 p.
- Hölscher T. *Urban Spaces and Central Places. The Greek World // Classical Archaeology* / Ed. by S.E. Alcock, R. Osborne. Malden, Mass.; Oxford: Blackwell Publishing, 2007. P. 164–181. (Blackwell Studies in Global Archaeology, 10).
- Köiv M. *Urbanisation and Political Community in Early Greece // Alter Orient und Altes Testament*. Band 390 (2). Münster: Ugarit-Verlag, 2013. P. 149–208.
- Lang F. *House — Community — Settlement: The New Concept of Living in Archaic Greece // Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond*. Vol. 15. Athens: British School at Athens, 2007. P. 183–193.
- Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 464 p.

Makarova E.E. *Metapont — klassicheskiy obrazets urbanisticheskoy organizatsii polisa* [Metaponto as a Classic Example of the Polis Urban Organization] // *Gorod v Antichnosti i Srednevekov'ye: obshcheevropeyskiy kontekst. Doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 1000-letiyu g. Yaroslavl'ya* [The City in Antiquity and the Middle Ages: Pan-European Context. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 1000th Anniversary of Yaroslavl'] / Ed. by V.V. Dementeva. Part II. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet imeni P.G. Demidova, 2010. P. 9–14.

Medovichev A.E. *Polis, demos i demokratiya v zarubezhnoy istoriografii kontsa XX — nachala XXI v.* [Polis, Demos, and Democracy in Foreign Historiography of the Late 20th and Early 21st Centuries] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Series 5. Istoriya: informatsionno-analiticheskiy zhurnal*. 2019. N 3. P. 6–20.

Morris I. *The Growth of Greek Cities in the First Millennium BC // Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches* / Ed. by G.R. Storey. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2006. P. 27–52.

Nevett L.C., Tsigarida E.B., Archibald Z.H., Stone D.L., Ault B.A., Akamatis N., Valdambrini C. *Constructing the Urban Profile of an Ancient Greek City: Evidence from the Olynthos Project // The Annual of the British School at Athens*. 2020. Vol. 115. P. 329–378.

Osborne R. *Urban Sprawl: What is Urbanization and Why Does It Matter? // Mediterranean Urbanization 800–600 BC*. New York: Oxford University Press, 2005. P. 1–17.

Polignac F. *Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // Mediterranean Urbanization 800–600 BC*. New York: Oxford University Press, 2005. P. 45–71.

Revision of World Urbanization Prospects–2018. — URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html>

Sakellariou M. *Upadok i vozrozhdenie (1100–700 gg. do n.e.)* [Decline and Revival (1100–700 B.C.)] // *Istoriya chelovechestva. Vol. 2. III tysyacheletie do n.e. — VII vek do n.e.* [History of Humanity. Vol. 2. From the Third Millennium to the 7th Century B.C.] / Ed. by A.H. Dani, J.-P. Mohen. Moscow: UNESCO; Magistr-press, 2003. P. 163–171.

Sardo P.L. *Verso il canone della Polis // La città greca antica: istituzioni, società e forme urbane*. Roma: Donzelli Editore, 1999. P. 83–97.

Shepko L.G. *Smyslovaya nagruzka ponyatiya “polis” v proizvedeniyakh drevnikh grekov* [The Semantics of the Concept of Polis in the Works of the Ancient Greeks] // *Iseum. Sbornik statey, posvyashchennykh istorii, religii i kulture Drevnego mira* [Iseum. Collected papers dedicated to the History, Religion, and Culture of the Ancient World] / Ed. by S.V. Arkhipova, L.L. Selivanova. Moscow: GPIB, 2012. P. 20–29.

Smith M.E. *Form and Meaning in the Earliest Cities: A New Approach to Ancient Urban Planning // Journal of Planning History*. 2007. Vol. 6. N 1. P. 3–47.

Thaler U. *Constructing and Reconstructing Power: The Palace of Pylos // Constructing Power — Architecture, Ideology and Social Practice*. Münster: LIT, 2006. P. 93–117.

Tumans H. *O meste goroda v sisteme polisnykh tsennostey* [On the City in the System of Polis Values] // *Mnemon*. Issue 8. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2009. P. 19–48.

Vlassopoulos K. *Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. 288 p.

Weber M. *Istoriya khozyaystva. Gorod* [The History of Economy. The City] / Ed. by I. Grevs; comm. upon N. Sarkitov, G. Kuchkov. Moscow: KANON-Press-Ts; Kuchkovo pole, 2001. 576 p.

Zaborova E.N. *Fenomen goroda s tochki zreniya teorii sotsial'nogo prostranstva* [The Phenomenon of the City from the Point of View of Social Space Theory] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Series "Sotsial'no-gumanitarnye nauki". 2006. Issue 2 (57). P. 188–195.

Zuchriegel G. *Colonisation and Hybridity in Herakleia and Its Hinterland (Southern Italy), 5th–3rd Centuries BC* // *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 2016. Vol. 128. N 1.

Zuiderhoek A. *The Ancient City*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 225 p.

Поступила в редакцию
3 августа 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-1-188-204

В.В. Васильева

**ДИАЛОГ ТЕКСТА И ОБРАЗА В ШЕСТИ ЖИВОПИСНЫХ
ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ЮЛО СООСТЕРА ДЛЯ ИЗДАНИЯ
«НАУКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО» (1962)**

V.V. Vasil'eva

**DIALOGUE BETWEEN TEXT AND IMAGE IN SIX PICTORIAL
ILLUSTRATIONS BY YULO SOOSTER FOR THE SCIENCE
AND HUMANKIND EDITION, 1962**

Аннотация. Предметом исследования были выбраны живописные иллюстрации Юло Соостера (1924–1970) к научно-популярным статьям из ежегодника «Наука и человечество» за 1962 г.: «Загадка эволюции человеческого мозга» М. Нестурха, «Физика и прогресс в земледелии» И. Ревута, «Богатство океанов» Л. Зенкевича, «Новое в стереохимии» О. Реутова, «Космическая материя и Земля» В. Фесенкова, «Метагалактика и Вселенная» А. Зельманова. Этот материал еще не был подробно описан и проанализирован в научной литературе. Автор поставил перед собой ряд задач, среди которых: выявление особенностей избранных иллюстраций, соотнесение их с другим сопроводительным визуальным материалом к указанным статьям, анализ специфики работы художника с текстом в процессе создания образов, соотнесение этих работ со станковыми живописью и графикой Ю. Соостера. В результате проведенного исследования был сделан вывод, что Ю. Соостер никогда не шел по пути очевидного следования тексту, предпочитая конструировать образы, которые имели более отвлеченный характер и наталкивали читателя на дополнительные размышления гуманистического и философского характера. В целом это было свойственно для изданий, выходивших под руководством друга Ю. Соостера — Ю. Соболева, главного художника издательства «Знание» в первой половине 1960-х. Ю. Соболев стремился, соединяя разнородные образы и прибегая к метафорам, погрузить читателя глубже в суть научного текста и установить его связи с метафизическими проблемами общего характера. При таком

Васильева Виктория Васильевна, аспирантка кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Vasil'eva Viktoria Vasil'evna, Postgraduate Student, Department of Russian Art History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

La-viva-rosa@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4099-9712

подходе художник становился полноценным соавтором исследователя, написавшего статью. Реализация этого принципа прослеживается в каждой из шести иллюстраций Ю. Соостера. При этом обнаруживается сходство между иллюстрациями Ю. Соостера и основной направленностью его творчества в композиционных приемах (важность линии горизонта, контраст масштабов, фокус на ведущем смысловом элементе-метафоре), колористическом решении, внимании к фактуре, концептуально-философском подходе к выбору и сочетанию образов.

Ключевые слова: иллюстрация научно-популярных изданий, художественный метод Ю. Соболева, творчество Ю. Соостера, художники-нонконформисты, образ-архетип, издательство «Знание».

Abstract. The subject of this study — the painted illustrations by Yu. Sooster (1924–1970) for popular science articles in the 1962 edition of the annual journal *Science and Humankind*. The articles included “The Puzzle of Human Brain Evolution” by M. Nesturkh, “Physics and Progress in Agriculture” by I. Revut, “Wealth of the Oceans” by L. Zenkevich, “New Developments in Stereochemistry” by O. Reutov, “Cosmic Matter and the Earth” by V. Fesenvov, and “Metagalaxy and the Universe” by A. Zelmanov. These illustrations have not been extensively described or analyzed in the scholarly literature before. The author set out several tasks, including identifying the features of Sooster’s illustrations, correlating them with other visual materials accompanying the articles, analyzing how the artist worked with the text to create images, and comparing these works with Sooster’s studio paintings and graphics. The study concludes that Sooster did not follow a path of obvious adherence to the text. Instead, he preferred to construct images that were more abstract in nature, prompting the reader to engage in additional humanistic and philosophical reflections. This approach was characteristic of publications under the direction of Yu. Sobolev, Sooster’s friend and the chief artist of the “Znanie” publishing house. Sobolev aimed to immerse the reader deeper into the essence of the scientific text and establish its connection with broader metaphysical problems by combining diverse images and using metaphors. In this way, the artist became a full-fledged co-author of the researcher who wrote the article. This principle is evident in each of Sooster’s six illustrations. The study also discovers similarities between Sooster’s illustrations and the main direction of his creative work in several aspects: compositional techniques (such as the importance of the horizon line, contrast of scales, focus on the leading metaphorical element), coloristic solutions, attention to texture, and a conceptual-philosophical approach to selecting and combining images.

Keywords: illustration for popular science publications, artistic method of Yu. Sobolev, creativity of Yu. Sooster, non-conformist artists, archetype image, “Znanie” publishing house.

* * *

Юло Соостер (1924–1970) — художник, родившийся в довоенной Эстонии, один из наиболее ярких представителей нонконформистского искусства СССР 1960-х. Обладая глубоким знанием и пониманием сюрреалистического и метафизического языка

художественной выразительности, мастер «говорил» на нем как о, казалось бы, простых, так и о фундаментальных аспектах бытия, вкладывая в них сущностные для него интеллектуально-философские ценности. Немаловажную часть его наследия составляют иллюстрации к научно-фантастическим и научно-популярным изданиям.

Уникальность шести необычных иллюстраций Ю. Соостера для первого выпуска научно-популярного международного ежегодника «Наука и человечество», вышедшего в 1962 г., заключается в том, что они единственные выполнены в технике масляной живописи, более в сборнике таких не встречается. Два подлинника, ставшие иллюстрациями к статье М. Нестурха «Загадка эволюции человеческого мозга» и статье О. Реутова «Новое в стереохимии», хранятся в Фонде культуры «Екатерина», остальные четыре находятся в частных собраниях. Размер оригиналов (от 45x35 до 45,5 x 35,5), основной материал (картон, масло) и высокая степень проработанности позволяют видеть в них также полноценные станковые произведения, хотя и создававшиеся с целью иллюстрации. Задача данного исследования — проанализировать шесть живописных иллюстраций Ю. Соостера с учетом специфики замысла оформления всего тома и проследить процесс рождения художественного образа на основе научно-популярного текста.

В профильной литературе наиболее значимое внимание иллюстрациям уделяется А. Романовой в статьях «Острова Юрия Соболева: от мифологизма до мультимедиа» и «Симметричные миры — отраженные симметрии», Ю. Герчуком в статье «Юрий Соболев — режиссер современной книги» и В. Солоненко в книге «Юло Соостер как иллюстратор»¹. Первые три имели чрезвычайную важность для нашей работы, так как в них был проведен разбор общих принципов оформления ежегодника «Наука и человечество» и проанализирован творческий метод главного художника издательства «Знание» Ю. Соболева, который был близок и самому Ю. Соостеру. У В. Солоненко собран, скорее, фактический материал, без глубокой его проработки. Подробного описания и анализа рассмотренных ниже работ Ю. Соостера и соотнесения их с текстами, к которым они создавались, еще проведено не было.

¹ Романова А. Острова Юрия Соболева: от мифологизма до мультимедиа // Острова Юрия Соболева. М., 2014. С. 10–19; Романова А. Симметричные миры — отраженные симметрии // Summeetrilised maailmad peegeldatud sümmeetriad. Ülo Sooster, Juri Sobolev, Tõnis Vint, Raul Meel. Tallinn, 2017. P. 14–56; Герчук Ю. Юрий Соболев — режиссер современной книги // Острова Юрия Соболева. С. 113–120; Солоненко В. Юло Соостер как иллюстратор. М., 2016.

Для лучшего понимания особенностей иллюстраций следует дать краткий обзор методов главного художника издательства «Знание», которое стало выпускать ежегодник, — Ю. Соболева, занявшего эту должность в 1959 г.² В том же году там начал работать художником-оформителем Ю. Соостер³. Ю. Герчук называет два тома «Науки и человечества» (за 1962 и 1964 гг.) «вершиной творческих достижений Юрия Соболева в сфере искусства книги»⁴. Столь высокая оценка связана с тем, что именно в них Ю. Соболев заложил основные принципы, которым будет следовать в дальнейшей работе, в частности, над оформлением журнала «Знание — сила». Они также будут ведущими и в других жанрах, которыми занимался Ю. Соболев: слайд-фильме «Судьба Земли» и мультипликационном фильме «Стеклопанельная гармоника»⁵. Суть заключалась в смелом и одновременно продуманно-гармоничном сочетании образов разных эпох внутри одного нарратива, что переводило зрителя через метод культурных ассоциаций на уровень философии. Сам Ю. Соболев так постулировал свое кредо: «Используя сложно-ассоциативную связь, художник сопоставляет и сравнивает “предметы далековатые”, отчего “рождается поэтическое” (Ломоносов) ... Метафорическое, многозначное, полное поэтической силы изображение способно сделать читателя активным, мыслящим, чувствующим собеседником ученого»⁶. Благодаря такому подходу частная научная проблема превращалась в универсальную общечеловеческую.

А. Романова обращает внимание на то, что Ю. Соболев и А. Добрицын указаны в выходных данных «Науки и человечества» под строчкой «Сценарий оформления книги», что дополнительно акцентирует внимание на их особом отношении к ее визуальному строю, соединяя их приемы со взглядом режиссера театра или кино, собирающим из множества сцен или кадров цельное эмоциональное высказывание⁷. В итоге «Наука и человечество» наполнена в каждом разделе как фрагментами, так и полными репродукциями работ старых мастеров. Среди них, например, можно увидеть произведения Рембрандта, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело и других.

² Герчук Ю. Островитянин // Искусство. 2004. № 6. С. 76.

³ Варбланс Р. Юло Соостер как связующее звено и художественная ось. // Юло Соостер. Каталог выставки. М., 2006. С. 10.

⁴ Цит по: Герчук Ю. Юрий Соболев — режиссер современной книги. С.117.

⁵ Соостер М. Нонконформисты как творческий тандем // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2018. № 1. С. 193.

⁶ Соболев Ю. Участие художника в научно-популярной книге // Острова Юрия Соболева. С. 122.

⁷ Романова А. Указ. соч. С. 12.

Они даны в черно-белом варианте, что приводит к их гармоничному созвучию с графическими работами, которыми изобилуют страницы сборника. Поэтому живописная техника Ю. Соостера и присутствие в его работах цвета, с одной стороны, выделяются на общем фоне, а с другой, — остаются в визуальном и концептуальном единстве с остальным материалом. Характерно, что его иллюстрации даны во всю страницу и с обратной стороны листов отсутствует текст, что дополнительно выделяет их как особо значимые части сборника.

Следует учесть также личные интересы Ю. Соостера, соединяющие разные контексты — науку и визионерство. Во время заключения в 1949–1956 гг. в лагере под Карагандой Ю. Соостер стал посещать лагерный кружок, в котором собирались репрессированные ученые. По мнению Ю. Соболева, это во многом повлияло на желание Ю. Соостера связать науку и искусство⁸. Два друга-художника вместе даже инициировали встречу с информатиками, чтобы поговорить, «...как можно дать качественную оценку информации, которую предоставляет произведение искусства...»⁹. Интерес у художников был при этом не к науке, которая ищет и утверждает истину в последней инстанции, а к ее «релятивистской» версии, их привлекала «...возможность настоящей игры, флексибельности, ощущения ускользания и возможности это ускользание тем не менее уловить», что мы впоследствии в полной мере увидим при описании и анализе иллюстраций Ю. Соостера¹⁰. И. Кабаков отмечает, что парадоксальное сочетание стремления к «почти научной достоверности», построению рациональных аналитических цепочек с интуитивностью и ощущением непознаваемой тайны были не только в творчестве, но и в обыденной жизни Ю. Соостера¹¹. Нам это важно для понимания соединенности иллюстраций художника с личной философией и магистральной линией его творчества.

Наметив общий контекст, перейдем непосредственно к анализу материала. Сборник состоит из четырех тематических разделов: «Человек», «Земля», «Частицы», «Вселенная». Внутри двух из них находятся по одной живописной иллюстрации Ю. Соостера, а в разделах «Земля» и «Вселенная» — по две. В первой части «Человек» иллюстрация Ю. Соостера относится к статье М. Нестурха «Загадка

⁸ Ерофеев А. Русское искусство 1960–1970-х годов в воспоминаниях художников и свидетельствах очевидцев. Интервью с Юрием Соболевым // Искусствознание. 1998. № 2. С. 552.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 565.

¹¹ Кабаков И. О картинах Юло Соостера // Х. Д. К. Альманах. Вологда. 2011. № 1. С. 22.

эволюции человеческого мозга»¹². Ее автор обращается к проблеме эволюции мозга, проследивая этапы развития серого вещества от человекоподобной обезьяны до представителя вида *Homo sapiens*. Статья сопровождается на полях черно-белыми фотографиями и графическими изображениями, имеющими характер наглядных пособий: это снимки разных видов обезьян, реконструкции австралопитека, питекантропа, неандертальца, образцы мозга антропоидов и человека, схемы черепа и развития коры полушарий.

Иллюстрация Ю. Соостера значительно отличается от этого сопроводительного материала не только размером во весь печатный лист и наличием цвета. Первостепенно то, как художник дает собственную интерпретацию сути текста в метафизическом ключе. Расположенная на постаменте человеческая голова, ее серый цвет вызывают ассоциации со скульптурой, а ракурс, взятый снизу, подчеркивает величественность бюста, вырастающего на фоне горизонта. В. Пацюков в статье для каталога выставки «Tallinn–Moskva 1956–1985. Москва–Таллинн 1956–1985» обращает внимание на значимость горизонта для московской школы и, в частности, у Ю. Соостера видит горизонт не как выстраивание первых пространственных координат суши и неба, а как «принцип “женского” интеграла, означающего не “мужской логос”, а “женскую” софийность, объединенную с эротикой»¹³. В нашем случае такая трактовка не кажется уместной, хотя сама низкая линия горизонта, пустынный пейзаж и растяжка цвета в небе пришли сюда из станковых работ мастера. Указанные характеристики особенно явлены в работах из частных собраний: «Композиция» 1963 г., «Ландшафт с глазами» 1968 г., «Яйцо» 1964 г.; они часто встречаются в серии с можжевельниками и присущи многим другим произведениям Ю. Соостера.

Ю. Соостер трактует условные черты головы-скульптуры как памятник не отдельному человеку, а всему человечеству, которое поднялось на невероятно высокий уровень возможностей благодаря развитию мозга. Этот бесценный орган, сделавший наш вид венцом творения природы, художник выделяет внутри монохромной статуи цветом. Такой акцент соответствует пафосу статьи об утверждении господства человека над миром с помощью его мыслительного аппарата и о познании в нем природы самой себя. Извилины художник показал крайне условно, гораздо важнее анатомической точности для него было передать когнитивные процессы: энергетический ток

¹² *Нестурх М.* Загадка эволюции человеческого мозга // Наука и человечество. М., 1962. С.76–84.

¹³ *Пацюков В.* Текст как пространство и пространство как текст // Tallinn–Moskva. 1956–1985. Москва–Таллинн. 1956–1985. Таллинн, 1996. С. 177–178.

информации по нейронам, пучки которых автор отмечает наиболее активным цветом — красным. Именно они обеспечивают обработку и передачу информации. Вероятно, поэтому художник также вынес клетки мозга отдельно в увеличенном виде у основания постамента бюста. От черепной коробки расходятся причудливо свивающиеся линии, ведущие к разноцветным абстрактным фигурам с изображением динамичной зигзагообразной кривой в каждой. Эти плавающие над головой формы можно определить как единицы информации, улавливаемые органами чувств и обрабатываемые мозгом. Либо зигзагообразная линия может интерпретироваться как схема звуковой волны. Такое предположение подкрепляется текстом статьи, из которого следует, что набор из двух-трех десятков звуков лег в основу зарождения речи, а также говорится про «...звуковой язык, оказавшийся немаловажным фактором быстрого и прогрессивного развития головного мозга»¹⁴.

Обилие пересекающихся линий визуализирует идею автора о невероятном количестве нейронных связей, делающих мозг совершенной машиной. Выявление скрытых от глаза перцептивных, когнитивных и биологических процессов в голове было характерно и для П. Филонова, если мы вспоминаем про «первый авангард», и для В. Янкилевского, если обращаемся к современному искусству. В иллюстрации самобытный Ю. Соостер связан прежде всего со своим станковым творчеством: очевидно тяготение центральной формы композиции, представляющей собой мозг, к яйцу, излюбленному архетипу в станковой графике и живописи художника. Такое сближение оправдано и семантически: хрупкая внутренность яйца защищена скорлупой, как мозг человека оберегается черепной коробкой.

Рядом с головой Ю. Соостер изображает силуэты трех рук, подносящих к бюсту табличку с простым уравнением, цветок и грушу. Вероятно, это соотносимо с разделом статьи, в котором речь идет про последовательное усложнение жизни в связи с природными изменениями и необходимостью решения новых задач бытового и жизненного толка, что обеспечило высокую скорость эволюции обезьяны в первых людей. Также в тексте описывается эксперимент с приматами, в котором они успешно решают задачи по созданию примитивных инструментов за вознаграждение. Вероятно, эту совокупность материала художник скомпоновал в простейшее уравнение на табличке: «2x2». Что же касается цветка и груши, то можно предположить, что они указывают на взаимодействие с миром не толь-

¹⁴ *Нестурх М.* Указ. соч. С. 81.

ко через органы чувств (вкус, обоняние), но также путем развития эстетических суждений, утверждения способности выбора. В таком случае, это уже исключительно задумка художника, так как про ощущения, чувства, эмоции в статье речи не идет. Столь отвлеченная трактовка даже как будто противоречит стилю текста, где особая роль в трансформации мозга из обезьяньего в человеческий отводится труду, причем труду коллективному, со ссылками на К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁵. А концепции, связанные с представлением о творении человека извне или о наличии у него души рассматриваются автором исследования как наивные и ложные¹⁶.

Таким образом, художник передает не все ключевые идеи статьи, а выбирает только те, что вызвали у него наибольший отклик. При этом интерпретирует их в метафизическом ключе, который пафос статьи, казалось бы, полностью исключает. Это объясняется и личными взглядами Ю. Соостера, и поддержкой главного художника издания Ю. Соболева, который постулировал необходимость участия иллюстратора в творении смысла наравне с автором текста¹⁷. Такая иллюстрация, в отличие от буквальной, выводит читателя за пределы обычного визуального опыта и настраивает на более тонкое и качественное восприятие абстрактных категорий науки.

В разделе «Земля» живописными иллюстрациями Ю. Соостера отмечены сразу две статьи. Первая из них — «Физика и прогресс в земледелии» И. Ревут¹⁸. Она охватывает несколько разделов агрономической деятельности человека. В начале ее идет постановка проблемы: как удивительный природный процесс фотосинтеза или превращение неорганики в органику воссоздать наиболее эффективно в искусственных условиях. Далее описываются системы освещения и отопления, используемые для стимуляции развития растений. Затем автор уделяет внимание автоматизации агрономических процессов и созданию машин, которые контролируют все необходимые показатели при искусственном выращивании культур; завершается текст разделом, посвященным вопросам коррекции структуры почв. Если в предыдущей иллюстрации Ю. Соостер воплотил смысл всей статьи целиком, то в данном случае из всего многообразия информации Ю. Соостер обратился к факту из самого начала текста, продемонстрировав процесс фотосинтеза. Вероятно, он так сократил

¹⁵ Там же. С. 80–82.

¹⁶ Там же. С. 77–84.

¹⁷ Соболев Ю. Участие художника в научно-популярной книге // Острова Юрия Соболева. С. 121.

¹⁸ Ревут И. Физика и прогресс в земледелии // Наука и человечество. М., 1962. С. 134–142.

объем иллюстрируемого материала (лишь до первого его абзаца) в связи с личными интересами, которые в первую очередь касались устройства Вселенной, ее органической жизни. Кстати, форма листа подозрительно напоминает столь любимых художником рыб из станковой живописи и графики.

Для понимания специфики авторского стиля обратимся к краткому обзору дополнительных иллюстраций, сопровождающих статью, приводящихся без полноценных выходных данных: среди них скульптура В. Мухиной «Хлеб», фрагмент скульптуры Н. Крымской «Виноградница», скульптура И. Шадра «Сеятель», монотипия А. Рыбчука, представляющая портрет этнического типа. Черно-белые репродукции произведений, выполненных в реалистической манере, передавали прославляющие интонации текста в отношении борьбы народа за улучшение эффективности сельского хозяйства и восторг от полученных результатов. Вероятно, для снижения пафоса и создания ироничного подтекста на полях живут рисунки в нарочито упрощенном, наивном духе: солнце, с лучами в виде веселых язычков пламени, освещает условно изображенный подсолнух, больше похожий на ромашку; декоративно решенная тыква греется под лучами лампы накаливания, в то время как виноград получает тепло от обычной батареи. В тексте же речь идет про профессиональные осветительные и отопительные агро-установки, способные имитировать необходимые микроклиматические условия для разных видов растений.

Ю. Соостер в своей живописной композиции тоже следует по пути непосредственности, показывая лист растения очень просто и утрированно-обобщенно, так же, как и облака с солнцем. При этом сильно нарушая пропорции: лист дан в максимальном приближении, многократно превосходя по размерам и тучи, и солнечный диск. Такие игры масштабом, дающие зрителю повод задуматься над законами бытия и взаимодействия микро- и макрокосмосов, были характерны и для основных образов Ю. Соостера (например, гигантских левитирующих яиц в пустынных пейзажах). Попытаться объяснить грандиозный масштаб листка его приближенностью к смотрящему сложно, так как нет никаких дополнительных элементов пространства, на это указывающих: он ни к чему не крепится, его никто не держит. Можно вспомнить законы средневекового искусства: большим становится то, что имеет первостепенное значение. В данном случае действительно именно лист — главный объект, внутри которого свершается чудо, но не мистического характера, а вполне рационального. Хотя, как говорится в статье, процесс был всё еще на тот момент не до конца изучен и объяснен учеными, пускай и имел

формулу. Именно ее Ю. Соостер и показывает на черном ромбе, резко выделяющемся своим цветом и жесткой геометрией на фоне основной композиции. Позади него круг, в который мы смотрим словно в линзу микроскопа с сильным увеличением и видим структуру листа вплоть до уровня клеточного строения. Характерно, что форма круга повторяется и в солнце, втором важном агенте таинственной реакции подаяния жизни. Между ними соединительной линией идет один яркий луч. В египетском искусстве амарнского периода такие лучи тянулись к фараону, означая передачу ему силы и энергии Атона, показывая неразрывную связь божества и его возлюбленного дитя. В данном случае визуализируется такая же неразрывная и энергетическая связь между звездой и всем живым, переданным в виде универсальной формы обыкновенно-будничного зеленого листа. Ведь именно благодаря фотосинтезу появляется кислород, без которого жизнь на планете была бы невозможной.

В этом же разделе Ю. Соостер создал живописную иллюстрацию для еще одной статьи — «Богатство океанов» Л. Зенкевича¹⁹. В ней автор освещает тему природного богатства мирового океана и рассматривает способы и перспективы его использования, а также предостерегает от экологической катастрофы, обозначая пагубные пути, которыми идет человечество. Художник берет за основу для иллюстрации размышления автора о взаимосвязи поверхностной зоны океана и глубинных вод: снизу поднимаются вещества и микроорганизмы, которыми питаются рыбы, живущие в слоях ближе к поверхности. Ю. Соостер показал это разделение цветом, светом и буквальной линией границы. В верхней части композиции, выполненной теплыми оттенками зеленого и синего, представлены рыбы, излюбленные герои художника. Если присмотреться, можно понять, что, как и в станковой живописи мастера, тут положен очень густой красочный слой, а чешуя рыбы, детали ее плавников, равно как и волны, процарапаны в красочной толще каким-то острым предметом. Так у иллюстрации появляется дополнительный объем и эффектная фактура. Тела рыб написаны в тех же цветах, что и окружающая их среда, что соответствует фрагменту статьи, в котором автор говорит об удивительной способности обитателей океана накапливать и концентрировать в своих телах вещества, растворенные в воде. Нижняя часть композиции исполнена темным, уходящим в черный, холодным фиолетовым, что соотносится с физической характеристикой глубоководных пространств, куда не доходит свет. Во тьму Ю. Соостер помещает архаического, даже хтонического персонажа: гигант-

¹⁹ Зенкевич Л. Богатство океанов // Наука и человечество. М., 1962. С. 143–153.

ского змея-червя с клювом. О таком существе в статье, разумеется, не говорится ни слова. Это создание — вольная фантазия художника, что, впрочем, не противоречит мнению автора, согласно которому, в толщах вод человека может еще ждать множество сюрпризов. Хотя, надо думать, Л. Зенкевич имел в виду, скорее, полезные ресурсы, а не фантастических тварей. Хорошо знавший Ю. Соостера А. Брусиловский вспоминал, что научные и духовные теории, которые тот узнал от интеллигенции, с которой общался в лагере, художник пересказывал в формате «скандинавских саг»²⁰. То есть, стратегия привнесения в сложные системы поэтически-притчевых мотивов была характерна для художника на всех уровнях: от частного повседневного общения до станкового творчества и иллюстрации.

На границе верхнего и нижнего миров, что уже само по себе напоминает космогонические системы, показаны бактерии, беспозвоночные и водоросли в выделенных рамками областях. Вероятно, так подчеркивается роль отдельных классов живых существ, обеспечивающих связь между уровнями океана. Л. Зенкевич раскрывает общечеловеческое значение мировых вод, говоря, что от них зависит жизнь на земле, ее атмосфера, и что это — достояние всей цивилизации²¹. Возможно, поэтому Ю. Соостер в этом разделе делает целых две иллюстрации к статьям, говорящим о явлениях, связанных со сложнейшими и важнейшими процессами жизни природы, которые так его увлекали и в станковом творчестве, для которого была характерна метафизическая проблематика и внимание к образам-архетипам. Но в отличие от данных иллюстраций, самостоятельные картины художника обладали, как правило, большим размером и ярко выраженной фактурой. Ю. Соостер любил в пастозный красочный слой внедрять стекло, бусины и прочие «инородные» для живописи элементы. Этот прием давал фактуре богатство и драматизм, становясь авторским средством выразительности и одновременно формируя собой субстанцию космической скорлупы или мелкую игольчатость можжевельников, хитрый рисунок чешуи доисторических рыб.

Следующая иллюстрация из интересующей нас серии сделана Ю. Соостером в разделе «Частицы» к статье О. Реутова «Новое в стереохимии»²². Исследование посвящено развитию и достижениям области химии, занимающейся изучением «расположения ато-

²⁰ Брусиловский А. Прожженный рисунок // Художественный совет. 2002. № 3. С. 41–42.

²¹ Зенкевич Л. Указ. соч. С. 125.

²² Реутов О. Новое в стереохимии // Наука и человечество. М., 1962. С. 282–292.

мов молекул в пространстве и влиянием этого пространственного расположения на свойства веществ»²³. В центре композиции показана модель строения соединений углерода, повторяющая схему строения метана CH_4 на полях статьи. Красным отмечен атом углерода. Вероятно, такой акцент связан с тезисом статьи, что именно изучение органических соединений (соединений с углеродом) дали к тому моменту наиболее важные результаты. Принцип симметрии, часто используемый Ю. Соостером в станковых работах, тут соотносим с текстом, согласно которому одинаковый состав и строение соединений не делает их идентичными, поэтому важно учитывать в изомерах, при их внешнем тождестве, расположение всех атомов в молекуле. Руки, которые держат формы, напоминающие стаканчики, могут иметь связь с упоминаемыми в статье манипуляциями с веществами, не имеющими асимметричного атома углерода в своих молекулах, чтобы они превратились в другое вещество, где он как раз появляется²⁴. А непосредственно на смежной с иллюстрацией странице разворота текст сообщает: «Дихлорэтилен — жидкость, которая путем фракционированной перегонки может быть разделена на два изомерных дихлорэтилена», что тоже концептуально переключается с образом двух емкостей, изображенных художником²⁵. Благодаря неожиданному сочетанию разных объектов в пространстве и отходу от однозначной трактовки конкретных фактов, Ю. Соостер создает композицию, откликающуюся на разные части статьи одновременно.

Разработка нижней части иллюстрации может быть соотнесена с темой, развивающейся уже ближе к завершению статьи, где упоминается о «возможности существования молекул в виде энергетически неравноценных форм, переходящих друг в друга только за счет вращения вокруг простых связей»²⁶. Ю. Соостер поворотное движение передает стрелкой, которая выполняет ту же функцию в схемах и чертежах. Эту динамику поддерживает смена названий точек вершин пирамид: X и H переворачиваются на H и X. Эти тетраэдры напоминают переведенную в архитектурную форму молекулярную схему, где каждая вершина — это атом, а связи между ними — ребро. Обилие геометрических форм, выявляющих атомную структуру, мы можем видеть на полях статьи. Художник вновь делает низкой линию горизонта, представляя всю конструкцию натюрмортом, пе-

²³ Там же. С. 282.

²⁴ Там же. С. 284–285.

²⁵ Там же. С. 282.

²⁶ Там же. С. 289.

реходящим благодаря своей монументальности и масштабу в разряд монумента. Соединение условности рук, данных силуэтом с минимальным намеком на объем, с плотностью и перспективой пространственной коробки-сцены под ними дает дополнительное ощущение нереальности происходящего. Похожим приемом сочетания несочетаемого пользовались сюрреалисты. По словам Ю. Соболева, они с Ю. Соостером, постоянно ощущая временной разрыв между их советской действительностью и мировой историей искусства, приняли решения в лабораторном порядке наверстать упущенное, попробовав «принципы деформации в кубизме и экспрессионизме, пространственные изобретения Пикассо, Брака, Де Кирико и Моранди, методы абстрагирования у Мондриана и Поллока, сюрреалистический подход Макса Эрнста и Рене Магритта, поэтику Клее и Миро...»²⁷. Для этого художники посещали библиотеки, доставали редкие альбомы и монографии. Соответственно, с методом сюрреалистов они были знакомы не понаслышке, однако при этом существовала и принципиальная разница: в отличие от «классических» сюрреалистов, у художников не исчезал аналитический подход. Ю. Соостер говорил: «... отказаться от “сознания”, рефлексии я не желал, и у меня никогда не было радости освободиться и стать “естественным”, идиотом, пусть даже и “художником”»²⁸. Действительно, у Ю. Соостера скорее идет обращение к образам-архетипам, нежели исследование собственного индивидуального подсознания.

И наконец, две последние иллюстрации подобного рода Ю. Соостер выполнил для раздела «Вселенная». Первая из них украшает собой статью В. Фесенкова «Космическая материя и Земля»²⁹. Она раскрывает суть явления космической пыли, ее образования, свойств, взаимодействия с Землей. Также рассматривается и другая космическая материя (кометы, метеориты и астероиды). Интерес к выявлению взаимосвязи микро- и макрокосмоса, типичный для станкового творчества художника, проявляется и в иллюстрации к данной статье. Невозможно с точностью атрибутировать, что находится перед нами, — та самая космическая пыль или же метеоры и тектиты, из которых она появляется при их распаде. А метеоры, в свою очередь, — это остатки кометы, метеориты — астероидов. То есть, в бесконечно малом мы можем увидеть прежние большие

²⁷ Соболев Ю. Виртуальная Эстония и не менее виртуальная Москва. С. 12.

²⁸ Кулик И. Мифология Соостера по Кабакову // Юло Соостер. Каталог выставки. М., 2006. С. 19.

²⁹ Фесенков В. Космическая материя и Земля // Наука и человечество. М., 1962. С. 366–374.

формы, и наоборот. На концептуальном уровне это усиливается еще и тем, что пыль сохраняет характеристики изначальных объектов — пористость и рыхлость. Эти свойства художник передает с помощью густого нанесения слоев краски отдельными небольшими мазками.

Характерно, что на формах поставлено много бликов, и рядом с ними фон приобретает желтоватый оттенок, что согласуется с утверждением о свойстве пыли отражать свет. Им объясняется сумеречный свет после захода Солнца, так как Земля тоже окружена плотным облаком пыли³⁰. Белые точки вокруг космической материи могут быть как условной передачей звезд в бесконечном пространстве, так и обозначением следующего акта распада форм на всё более мелкие структуры, тоже отражающие свет, что вновь напоминает нам о взаимосвязи и подобии бесконечно малого и бесконечно большого как основополагающего закона Вселенной. Движение потока пыли или более крупных ее протоформ подчеркивается тонкими желтыми линиями, идущими от объектов к левому краю картины и таким образом задающими вектор движения.

Статья иллюстрируется также четырьмя графическими вставками неизвестного авторства. Они имеют совершенно иной стиль, чем живописные работы Ю. Соостера, напоминая, скорее, научные схемы со стрелками и чертежи с линиями орбит. Своей обыденностью они контрастно оттеняют центральную вещь Ю. Соостера. Впрочем, она не кажется выбивающейся из общего оформления благодаря как амальгамности визуального материала всего сборника, так и цветовому решению. В иллюстрациях-схемах довольно активно используется оранжевый, и Ю. Соостер вставляет схемобразный фрагмент в свою композицию, помещая его в рамку такого же цвета. В ней условно представлены четыре варианта свечения шлейфа пыли вокруг планеты.

Последняя иллюстрация в сборнике сделана Ю. Соостером к статье А. Зельманова «Метагалактика и Вселенная»³¹. В ней автор рассматривает одно из направлений космологии, основанное на общей теории относительности А. Эйнштейна. В связи с этим Ю. Соостер размещает внизу своей иллюстрации портрет знаменитого физика, но в весьма неформальной манере: в космическом пространстве как планета парит голова ученого с трубкой во рту, непременным атрибутом самого художника. Портрет решен в монохrome, напоми-

³⁰ Там же. С. 367.

³¹ Зельманов А. Метагалактика и Вселенная // Наука и человечество. М., 1962. С. 383–405.

ная вырезку из старой документальной фотографии. Единственный связанный с ним цветной элемент — ярко-красная искорка в курительной трубке. Огоньку, с поднимающимся от него дымом, вторят галактики, изображенные выше со сгустками света и цвета в центре и расходящимися от них медленно гаснущими скоплениями звезд. Такое внимание Ю. Соостера к космическому «огню» резонирует с его отношением к космосу и его процессам как части личной философии. По словам И. Кабакова, «Юло начисто отвергал идею перводействия мира извне, считая, что перводействие, первоимпульс находится внутри природы, есть один из моментов ее жизни, ее взрыв, возможно, от соприкосновения с антивеществом»³².

А. Зельманов пишет о трех вариантах поведения сред — расширении, сжатии и вращении. Они как будто и представлены у художника в расположении самих галактик — с расходящимся светом, сфокусированным в одну яркую точку и, наконец, закручивающимся по спирали. Графическое обрамление статьи на полях опять же тяготеет к сухой схематичности, демонстрируя в моделях и графиках поле гравитационно-инерционных сил, линии тока на плоскости, пример анизотропной деформации и т.д. Ю. Соостер же соединяет условность своей иллюстрации с окружающим ее серьезным контекстом, вводя наукообразную градиентную шкалу со стрелками.

Проведя описание и анализ серии живописных иллюстраций к сборнику «Наука и человечество», мы пришли к следующим выводам. Прежде всего, следует отметить, что Ю. Соостер никогда не делал буквальных визуальных комментариев с опорой на схемы и графики, чего можно было бы ожидать в научно-популярном издании. Напротив, он высвобождал силы фантазии и давал волю метафоре. Художник мог обратиться только к одной части иллюстрируемого им текста, а мог выбрать из него несколько ключевых моментов. Его задача была проникнуть в замысел автора, представить научное знание не только понятным, но еще и трогающим эстетически. С помощью сюрреалистического сопоставления несовместимых объектов, нарушения перспективы и соотношений масштабов он делал видимыми абстрактные категории, переводя их на язык пластических метафор. Мы не ставили себе целью дословно расшифровать каждую, ведь как комментировал Ю. Соболев их с Ю. Соостером творческий подход: «Наша излюбленная максима принадлежала некоему теоретику маньеризма из XVII в.: “Истина открывается только в темном”»³³.

³² Кабаков И. Указ. соч. С. 80.

³³ Соболев Ю. Виртуальная Эстония и не менее виртуальная Москва. С. 28.

Также важно указать на гармоничную связь иллюстраций с основным творчеством мастера, что находит выражение в сходстве композиционных решений, выборе форм, специфике их трактовки, работе с колоритом. Столь личное звучание иллюстрации было возможно благодаря творческому кредо главного художника издания, друга Ю. Соостера, Ю. Соболева, который видел художественное оформление не просто как прямолинейное пояснение текста, а наделял его самостоятельной драматургией, позволяющей углубить читательский опыт дополнительными философскими и культурологическими ассоциациями. Конечно, такая смелость была, с определенными оговорками и до известного предела, возможна именно в оформлении научно-популярной литературы: не было выработано правил и канонов для иллюстрации отвлеченных и сложных естественно-научных концепций, к тому же постоянно обновляющихся и развивающихся. К тому же, сама эпоха была полна пиетета перед точными науками, обеспечивающими силу оборонной промышленности и реализацию амбиций государства (от увеличения урожайности до покорения космоса). Поэтому научно-популярные издания процветали и пользовались особым положением.

Безусловно, иллюстрации содержат в себе и отзвук жизненной философии художника, для которой было характерно сочетание научного и поэтического. А. Брусиловский вспоминает, что когда Ю. Соостер решил для стабилизации своего положения вступить в Союз художников и принес свою станковую живопись, то услышал ответ: «Это Союз художников! А вы какие-то научные пособия принесли! Это не сюда!»³⁴. В иллюстрации к научно-популярным изданиям это противоречие полностью снималось, хотя и до известного предела. Третий выпуск ежегодника дали оформлять уже другим художникам, не столь свободолобивых и смелых взглядов.

References

Brusilovskiy A. *Prozhzhennyi risunok* [Burnt Drawing] // *Khudozhestvennyi sovet*. 2002. N 3. P. 41–43.

Brusilovskiy A. *Yulo Sooster — filiosof s Khiumaa* [Yulo Sooster — the philosopher from Hiumaa] // *Vremya khudozhnikov* [The Time of Painters]. Moscow: Magazin iskusstv, 1999. P. 13–19.

Fesencov V. *Kosmicheskaya materiya i Zemlya* [Cosmic Matter and the Earth] // *Nauka i chelovechestvo* [Science and Humankind]. Moscow: Znanie, 1962. P. 366–374.

Gerchuk Yu. *Ostrovityanin* [Islander] // *Iskusstvo*. 2004. N 6. P. 72–79.

³⁴ Брусиловский А. Юло Соостер — философ с Хиумаа // *Время художников*. М., 1999. С. 17.

Gerchuk Yu. *Yuriy Sobolev — rezhisser sovremennoy knigi* [Yuriy Sobolev as Modern Book Director] // *Ostrova Yuriya Soboleva* [Yuriy Sobolev's Islands]. Moscow: Moskovskiy muzey sovremennogo iskusstva, 2014. P. 113–120.

Kabakov I. *O kartinakh Yulo Soostera* [About the Paintings of Yulo Sooster] // *Kh.D.K. Almanakh*. N 1. Vologda: Biblioteka moskovskogo konceptualizma, 2011. P. 19–80.

Kulik I. *Mifologiya Soostera po Kabakovu* [Mythology of Sooster according to Kabakov] // *Yulo Sooster. Katalog vystavki* [Exhibition Catalogue]. Moscow: Bonfi, 2006. P. 15–20.

Nesturkh M. *Zagadka evolyutsii chelovecheskogo mozga* [The Mystery of Human Brain Evolution] // *Nauka i chelovechestvo* [Science and Humankind]. Moscow: Znanie, 1962. P. 76–84.

Patsyukov V. *Tekst kak prostranstvo i prostranstvo kak tekst* [Text as Space and Space as Text] // *Tallinn–Moskva. Moskva–Tallinn. 1956–1985* [Tallinn–Moscow. Moscow–Tallinn. 1956–1985]. Tallinn: Tallinna kunstihoone, 1996. P. 172–199.

Reutov O. *Novoe v stereochemii* [New in Stereochemistry] // *Nauka i chelovechestvo* [Science and Humankind]. Moscow: Znanie, 1962. P. 282–292.

Revut I. *Fizika i progress v zemledelii* [Physics and Progress in Agriculture] // *Nauka i chelovechestvo* [Science and Humankind]. Moscow: Znanie, 1962. P. 134–142.

Romanova A. *Ostrova Yuriya Soboleva: ot mifologizma do multimedia* [Yuriy Sobolev's Islands: From Mythologism to Multimedia] // *Ostrova Yuriya Soboleva* [Yuriy Sobolev's Islands]. Moscow: Moskovskiy muzey sovremennogo iskusstva, 2014. P. 10–19.

Romanova A. *Simmetrichnye miry — otrazennyye simmetrii* [Symmetric worlds — reflected symmetries] // *Summeetrilised maailmad peegeldatud sümmeetriad. Ülo Sooster, Juri Sobolev, Tõnis Vint, Raul Meel*. Tallinn, 2017. P. 14–56.

Sobolev Yu. *Uchastie khudozhnika v nauchno-populyarnoy knige* [Artist's Participation in a Popular Science Book] // *Ostrova Yuriya Soboleva* [Yuriy Sobolev's Islands]. Moscow: Moskovskiy muzey sovremennogo iskusstva, 2014. P. 121–125.

Sobolev Yu. *Virtual'naya Estoniya i ne menee virtual'naya Moskva* [Virtual Estonia and No Less Virtual Moscow] // *Tallinn–Moskva. Moskva–Tallinn. 1956–1985* [Tallinn–Moscow. Moscow–Tallinn. 1956–1985]. Tallinn: Tallinna kunstihoone, 1996. P. 10–61.

Sooster M.T. *Nonkonformisty kak tvorcheskyy tandem* [Nonconformists as a Creative Duo] // *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda*. Vestnik MGKhPA. 2018. N 1. P. 190–200.

Uvarova I. *Yulo Sooster. Yabloko, ryba, yaytso (nakanune semidesyatykh)* [Apple, Fish, Egg (on the Eve of the Seventies)] // *Lyudi i sud'by. XX vek. Kniga ocherkov* [People and Fates. The 20th Century. A Book of Essays]. Moscow: OGI, 2002. P. 165–173.

Varblans R. *Yulo Sooster kak svyazuyushchee zveno i khudozhestvennaya os'* [Yulo Sooster as a Link and Art Axis] // *Yulo Sooster. Katalog vystavki* [Exhibition Catalogue]. Moscow: Bonfi, 2006. P. 7–14.

Zel'manov A. *Metagalaktika i vselennaya* [Metagalaxy and Universe] // *Nauka i chelovechestvo* [Science and Humankind]. Moscow: Znanie, 1962. P. 383–405.

Zenkevich L. *Bogatstvo okeanov* [The Wealth of Oceans] // *Nauka i chelovechestvo* [Science and Humankind]. Moscow: Znanie, 1962. P. 143–153.

Поступила в редакцию
16 марта 2023 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов.

Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников.

Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСОВ Николай Сергеевич** — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **РОГУЛЕВ Юрий Николаевич** — кандидат исторических наук; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук; **ФУНК Дмитрий Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 21.07.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 12,09. Тираж 120 экз. Изд. № 12644. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru